

ПОПАДАНКИ

ДОМОЙ (НЕ)

ВОЗВРАЩАЮТСЯ!

В нашем мире нет магии. Так думала я, так говорили забытые боги Центра, в этом был уверен Враг. Но по родным улицам расхаживают белые тени. Появляются и исчезают двери. По подворотням бегают подозрительные мужики с мечами. Кому как не бывшей Избранной разбираться со странностями?

Тем временем в Золотой Империи собран совет Незыблемого Трона. Независимо от принятого ими решения, для меня все закончится катастрофой. К счастью, у меня есть план. Жаль, что я не могу его вспомнить и понятия не имею, как вернулась домой.

Пролог

— Это шутка?

Пустые бронзовые глазницы остались неподвижны.

— Повторяю. — Голос забытого бога отдавал ржавым металлом. — Я не знаю, где Избранная сто сорок семь дробь два.

Клод не стал добавлять, что даже если бы знал, не сказал где находится девушка. Это было очевидно. Враг должен был понимать.

С той стороны зеркала, являющегося иным миром, мужчина в черном нахмурился.

— Ее нет ни в одном из свободных миров.

— О которых тебе известно.

— Ее нет. — С нажимом произнес Враг. — Центр — единственное место, где она может оставаться вне досягаемости Золотой оси. Значит она у вас.

Клод не ответил.

— Она должна со мной встретиться. Ради ее же блага.

— Дробь уже давно никому ничего не должна. — Отрезала живая статуя в балахоне. — Она исполнила свое предназначение.

— Мне плевать, если ты думаешь, что этим все кончено. Я хочу ее видеть.

Разговор становился чересчур раздражительным. Клод не имел привычки вести подобные диалоги без возможности вызвать оппонента на дуэль. А в нынешних реалиях такая возможность стремилась к нулю.

— Разговор окончен.

Клод дернул за золотой шнур и завесь скользнула по зеркалу, скрывая ненавистный лик Врага. Какое — то время цельнометаллическая статуя буравила бардовые шторы. Потом в проеме двери появился настороженный Ле'ахеш'иарс'ту.

— Ну? — Не очень вежливо поинтересовался Клод, поворачиваясь к нему.

Обладатель юного человеческого воплощения кивнул на закрытое бархатом зеркало, как бы спрашивая, можно ли говорить без опаски. Клод мотнул головой. Магия полностью отрезала связь с миром, откуда вещал Враг, но рисковать все же не стоило.

Как только они покинули зал, юноша выпалил:

— Атрос подтвердил, она открывала белое зеркало.

Клод проглотил проклятья, вертевшиеся на языке. Все равно они были на древнем наречии его мира и Ле'ахеш'иарс'ту вряд ли бы оценил красоту их нецензурного значения. Вместо этого он спокойно сказал:

— Я думал его надежно спрятали.

— Она Избранная Центра, — пожал тот плечами. — Здесь от нее ничего не спрячешь.

— И, конечно же, она решила, что это ее ума дело. Она хоть понимает...

— Она понимает, — перебил Ле'ахеш'иарс'ту. — Враг явился не просто так. В Золотой оси собирается совет Незыблемого трона полным составом. Для них больше не тайна, что Дробь использует их магию. Многих это серьезно взволновало. Если ее признают проблемой, ни в одном из миров ей не быть в безопасности. Возможно, тот мир ее последний шанс.

— Мы не знаем, как отреагирует магия заражения. — пробормотал Клод, сжимая рукоять меча. — Безумная девчонка.

— По крайней мере, она в безопасности от Врага.

— А так ли это?

— 1 —

Вы испытывали когда-нибудь удивление от того, что проснулись в своей постели? У себя дома. В своей комнате. В любимой кровати, в пижаме с цветочками, обнимая мягкую подушку.

Угу. Это же ваш дом. Где еще, черт возьми, вы могли оказаться утром?

Нет, я уже привыкла, что не просыпаюсь богатой и знаменитой. И к тому, что меня не пробуждает страстным поцелуем любовник. В конце концов, никогда такого не было, нечего и начинать. Но именно сегодня я почувствовала в этом нечто неправильное.

— Аня, завтрак стынет!

В дверь ванной постучались. Я неохотно оторвалась от собственного отражения и откликнулась:

— Иду.

Поставила щетку в стакан и плеснула ледяной водой в лицо. Морок все никак не хотел проходить. В зеркале все еще была я. Копна включенных волос: золотистый блонд волнами спускающийся до лопаток, и отросшие корни, которые надо было покрасить еще неделю назад. И подстричь. Да, определенно надо. Длинные волосы не целесообразны.

Вы когда-нибудь удивлялись, видя в зеркале себя?

— Бред, — пробормотала я, зачесывая их в хвост.

Когда я зашла на кухню, мама уже скидывала с себя фартук.

— Помоешь посуду? — Спросила она. — У меня первая запись на девять.

Приятно пахло едой и свежесваренным кофе. Каша грелась на плите, несколько бутербродов, заботливо прикрытых стеклянной чашкой, скромно ждали свое участи.

— Угу.

С вами случалось такое, что вы просыпаетесь, а мир вокруг как будто изменился? А наоборот, когда мир все тот же, но с вами что-то не так?

— Погладила твою рубашку. Она на вешалке. Все, побежала.

Я потянулась к кастрюле. Мелькнула мысль, что стоило бы разозлиться, из-за того что мама без спроса залазит в мой шкаф и берет мои вещи. Даже для того чтобы погладить. Мне, блин, третий десяток, мам, давай начнем уважать личные границы!

Но раздражение и не думало поднимать свое уродливое лицо. Вместо утреннего ворчания я лишь невнятно пробормотала, будто все еще находясь в полусне:

— Спасибо, мам.

— Не возвращайся затемно! — уже из коридора.

Хлопнула дверь.

Я не сразу уловила смысл ее слов.

— Мам, погоди! — крикнула я, но она меня уже не слышала. — Пап?

Отец тоже не отозвался. Наверное в ночной смене. Значит, раньше десяти не появится.

— Наверное? — переспросила саму себя. Обычно я знала наизусть папины смены.

Я пододвинула смартфон и ткнула в иконку календаря. Пятница. Звездочка в квадратике содержала уведомление о каком-то событии. Клик на нее показал пустое окно. Ничего.

— Ну естественно, — фыркнула я, делая глоток обжигающего кофе.

Я не надеялась, что он меня взбодрит, но хоть немного мои мысли мог бы и прояснить. Например, откуда это зудящее чувство, что я забыла что-то важное?

Прокрутив в голове классический набор страхов и недовольств, с некоторым сомнением остановилась на стандартной депрессии перед днем Рождения. Ну да, за полгода до этого самого дня Рождения. Но так круглая дата! К ней заранее надо готовиться, а то вдруг не успею. Что там у нас? Гнетущие мысли о том, что пора бы начать жить той жизнью, которой хочется. Что-то изменить. Сделать важный шаг. Или хоть какой-нибудь шаг. Выучить другой язык, сменить работу, завести серьезные отношения. Купить безумно дорогой телефон, который мне не по карману чисто ради крутой фотокамеры, которую я буду использовать не чаще раза в месяц.

— Ах, да, — хмыкнула я, поглядывая на блестящую поверхность новенького телефона. — Выполнено. Нет, как-то слишком просто.

Тем не менее, пока я заканчивала завтрак, взгляд то и дело блуждал в пространстве по кухне, выискивая повод побеспокоиться. Как только выбор пал на нелюбимую работу и что я не на своем месте, в ногу боднулся серый комок шерсти. Улыбка на лице расплылась по мимо воли.

— Тима, — умилилась я. Почувствовав приглашение, кошка бесцеремонно прыгнул на мои колени. — Тимьяний. Только не делай вид, что мама тебя не кормила, прожорливая ты морда.

Прожорливая морда протестующе боднулась в грудь. Мол, покормить — покормили, а вот доглядить не доглядили. Отодвину подальше пустую тарелку, я обняла мальчика. Тот в ответ зыркнул черно-золотистым газами и замурлыкал.

— Как же я по всем вам скучала, — выдала я в пушистую шерстку любимчика, и осеклась.

Телефон издал противную трель пришедшего сообщения. Сбитая с какой-то мысли, я глянула на экран. «Марина раб» — высветилось серыми буквами.

— Эээ... — уставилась я на стандартный текст оповещения о скором прибытии такси. — Ну вот и Маринка чудит. Эх, пора мне Титьяний. Приятная ты компания, жаль что зарплату платить не можешь.

С сожалением спустив кота на пол, а я приступила к привычному ритуалу сборов. Следующий звонок застал меня уже в коридоре.

— Да?

— Да, — подтвердил невыспавшийся голос коллеги. — Я в такси. Буду через пятнадцать минут.

— Где? — не поняла я. И на всякий случай не поняла еще раз. — Зачем?

Из трубки донесся сладостный зевок.

— У тебя. Договаривались же.

Я глянула на брелок и документы, аккуратно лежащие на тумбочке.

— Я же на машине.

— И я на машине. Мы все сегодня договаривались пить. Так что никаких оправданий, типа ты за рулем. Рестопабы не для того созданы, чтобы рядом с ними надолго парковаться. Пятнадцать минут, Анютка. Опоздаешь, за простой скидываться не буду.

— А?

Экран мигнул закончившимся звонком.

— Блин. — Хлопнула себя по лбу. Именно после этого маневра память отозвалась смутными обрывками о вечернем событии. Действительно договаривались. Ну да, надо поддержать Иришку — девчонку из соседнего отдела. У нее развод и все такое. А мы вроде вместе на обед ходим.

Я заново оценила выбранный на работу комплект. Темные джинсы и серый свитер с черным котом, дрыхнувшим над миской с сухим кормом, мало походили на вечерний наряд.

— Блин, — повторила я, спешно сгребая в сумку косметику, и туда же закидывая клатч. — Блин. Тимьяний, ты не помнишь в чем я хожу в рестопабы?

Кот, вышедший меня провожать, продолжал смотреть расширенными черными зрачками.

— Зараза, все-таки придется платить за простой.

И да, пришлось. Но это оказалась меньшей из проблем, что ждали меня впереди. Так, первый звоночек.

— 2 -

Следующий звоночек, сигнализирующий о том, что беда не то что за порогом, а вот — вот свалится на плечи, обнимет цепкими ручонками и утащит в мир пушистых зверьков, славящих своим мехом и обещанием незабываемых ощущений, прозвенел через минуту после того как я зашла в кабинет. И продолжил звонить на протяжении всего дня.

Во — первых, я не смогла вспомнить пароль от рабочего компьютера. Потом от программы. Потом от банковского приложения. Во — вторых, путала всех по именам или вовсе не могла вспомнить, с кем говорю. В — третьих, проشياпила несколько встреч, не передала что — то кому — то и не нашла отчет.

Ближе к обеду, не выдержав моей заторможенности по любому пустяковому делу, коллега подкинула номерок врача. Мол, память давно не девичья, возраст штука суровая, самое то провериться у специалиста. Я не стала возражать. Лишь внесла платный прием в список трат на месяц, вычеркнув поход к парикмахеру. В конце концов, корни можно покрасить самой.

— Единорожечки вы мои, пусть это будет дном, — жалобно попросила я трех рогатых коняшек, приклеенных к краю монитора. Те задорно улыбались, держа над собой транспарант с ободряющим лозунгом. Что — то на испанском, гласящее про магию дружбы.

Но, как всем известно, единороги не исполняют желания.

Когда часы показали конец рабочего дня, я чувствовала себя выжатым лимоном, который предварительно заморозили, потом бросили под кипятилок, и после этого измяли в кислую кашу.

— Ириш, я сейчас сдохну, — честно призналась я, когда в кабинет ворвалась жгучая брюнетка с модным каре.

Энергия из нее была так, будто ей только стукнуло восемнадцать, и она готова ворваться во взрослую жизнь и вкусить все ее темные стороны (не те, где существуют ежемесячные

квитанции, пенсионные реформы, ценник в стоматологию и кофе по скидке).

Не так я представляла себе женщину после развода. Если подумать, настолько живую и наполненную силой Иришку я видела впервые за все те годы, что знала.

— Столик на полдевятого. Завтра сдохнешь, — пообещала она, оглядывая меня с ног до головы. Продефилировала к столу, бесцеремонно схватила мою сумку и принялась потрошить ее на наличие косметики.

Еще один человек в моей жизни, не знающий о чужих границах. Или только о моих?

— Минутку, сохраняю.

Окошки на компе поочередно схлопнулись, будто маленькие порталчики. Экран мигнул и потух. Одновременно с этим на столе возникли туфли, выуженные Иришкой из недр шкафа. Серебряные красотки из тонких ремешков, страз и боли однажды были оставлены мной на работе во время очередного корпоратива, потом благополучно забыты и расчетливо не найдены после.

— Строгий дресс — код. — Безапелляционно напомнила Иришка. — Тут всего семь сантиметров.

— Это на целых семь сантиметров больше, чем я люблю. — Глянула я на свои кеды. — Ну ладно, на пять.

— Дресс — код. Ань, ну пожалуйста, сегодня мой праздник.

Взяв косметичку, я направилась к зеркалу, мимоходом заметив:

— Хорошо, но, если мне придется убегать по пустынным улицам от какого — нибудь маньяка, в полиции я составлю твой фоторобот.

— Почему за тобой должен погнаться маньяк? — искренне удивилась она.

— Закон подлости.

— Судя по тому, что я сегодня слышала, ты уже исчерпала весь его лимит. К тому же, отдышка убьет тебя раньше, чем маньяк или каблуки. Даже не спорь. Помнишь, когда начальник решил отпраздновать юбилей фирмы походом в горы?

— Да, — мечтательно улыбнулась я отражению, нанося аккуратные штришки. — Мой любимый поход. Подвернула ногу на выходе из автобуса и пока вы запускали фейерверк на вершине горы, я у костра слушала байки сторожил и пила травяной чай.

Иришка накинула на плечи легкое пальтишко.

— Это был не фейерверк, а сигнальная ракета. Нас МЧС весь следующий день искала пока ты с обкуренными псевдошаманом и шизанутыми на теориях заговора пила дурман — траву.

— Эй, — обернулась я, — не порть все своей грубой реальностью. Я пережила ту ночь и буду помнить ее так как хочу!

— Во — от, — обрадовалась Иришка, набирая нашу третью коллегу, застрявшую в бухгалтерии. — Именно такой настрой мне нужен. Гуляем день моей свободы!

Именно этот тост прозвучал в рестопабе три раза подряд. Потом, скинув на нас заботу о сумочке со всем ее содержимым, шикарная и трижды свободная Иришка отправилась заново исследовать те части жизни, что были так долго под запретом.

Наш столик стоял на балконе, неподалеку от лестницы. Люди то и дело сновали туда — сюда, но едва ли сильно мешались. Музыка играла достаточно громко, чтобы создать настроение, но все же не так сильно, чтобы приходилось ее перекрикивать.

Марина не спешила присоединиться к великому походу Иришки. Остановив выбор на платье, которое мадам Шанель советовала иметь каждой женщине в своем гардеробе, она

внимательно изучала каждого мужчину, попадавшего в ее поле зрения. Периодически алые ноготки постукивали по бокалу, когда взгляд цеплял кого — то достойного.

Я же остановилась на джинсах, белой блузе (из последней коллекции кого — то, о ком я никогда не слышала, но раз уж зашла, а продавщицы такие милые и настойчивые...), каблуках (и зря, клянусь, я видела девушек в кедах, комфорт больше не под запретом!) и ремне с орнаментом.

— Ты же не на антибиотиках. — Не отрывая взгляда от кого — то за моей спиной, внезапно заговорила коллега.

Мы не были с ней близкими подругами, но очень много пересекались по общим проектам, а обеденный перерыв — это святое.

— Я пью. — Указала на свой бокал. Да, он был нетронут, что говорило не в пользу моего аргумента, но мы разве на суде?

— Лимонад. Анют, мы же договаривались, что сегодня гуляем. Иришки оформили развод, у меня повышение, а у тебя...

— ...новый телефон.

— Последняя модель, — вздернула Марина брови.

— И то верно, — потянулась я к сырной тарелке. — Но не на голодный желудок. Когда уже принесут салат? Мы, наверное, час ждем.

Маринка цапнула виноград и безжалостно запила его вином. Я нехотя взялась за собственный бокал и тут же ощутила укол тревоги. В голове вспыхнула и сразу погасла замысленная блюром мысль.

— Так, Ира теперь свободна. Я в активном поиске. А с тобой что?

От резкой смены разговора, я едва не подавилась очередным кусочком сыра.

— Свободна.

— Чего так? — продолжала бить в лоб Марина. — Рожать пора, а ты без мужика. Шутки — шутками, но если серьезно, то в декрет лучше сейчас иди, пока наша фирма дополнительные льготы дает. Их в следующем году отменят. Но если есть справка, что ты хотя бы на первом месяце, успеешь заранее оформить.

Я обернулась назад, проверяя, не хочет ли Иришка вернуться за наш столик. Она не хотела. В общем, я ее понимала. Сама уже жалела, что не подавилась куском еды.

— Последний раз я ходила на свидание два года назад. И это было настолько ужасно, что надолго отбило охоту. Декрет отменяется.

Что ответила Марина, я не услышала. Грохнула музыка, перекрывая ее голос. Цветные огни закружились, каруселью пробежали по нашему столику и понеслись дальше по залу. Хотя я сидела спиной к бару, в глазах у меня замельтешило. На миг показалось, что за Мариной возникла причудливая тень, потрескивающая будто сломанный телевизор.

А потом миг прошел, а тень — нет.

— Анют, ты чего? — перекрикивая басы, наклонилась ко мне через столик Марина. Тень наклонилась вслед за ней. — Только не дуйся. Я просто объясняю ситуацию.

Во рту пересохло.

Моя рука легла на телефон, но на этом все и ограничилось. Внезапно охвативший ступор не позволил нажать на камеру и запечатлеть странное свето — шумовое явление. Белая тень?

— Дежа вю, — едва ворочая языком ответила я. Во мне внезапно поселилась уверенность: если скажу хоть слово про пугающее видение, произойдет нечто ужасное. —

Мне как будто снилась сегодняшняя ночь.

— Правда? — Подперла девушка ладонями подбородок. Ярко — алые ногти застыли около губ, покрашенных тем же цветом. — Я познакомлюсь с кем — то особенным?

Тень позади Марины качнулась. Деформированные руки — щупальца легли на ее оголенные плечи. Девушка слегка поежилась, будто от сквозняка, но промолчала.

Парень, спешащий к соседнему столику, прошел мимо совершенно с пустым лицом. Кроме меня, восставшую из цветных огней тень, никто не видел. Пожалуй, я бы закричала, если бы не чувство, что гортань сожмется в тот же момент. Или бы сбежала прочь, сославшись на срочные дела. Именно к последнему подталкивали пустые дырки — глазницы нежданного гостя.

Вместо всего перечисленного я натянута улыбнулась и снова бросила короткий взгляд на бар. Иришка во всю зажигала с хипстером у стойки.

— Обязательно, но не сегодня. Эта ночь, кажется, моя. Может поменяемся местами? Там парень мне глазки строит. А оборачиваться на него каждый раз слишком палевно.

— Что? — Взбодрилась коллега. — Который?

Белая тень наклонила голову к плечу Марины.

— Самый симпатичный, — не моргнув глазом, ответила я.

Девушка задумчиво постучала кончиком ноготка по подбородку. В какой — то момент я испугалась, что она откажется, но та согласно кивнула. Ручка с ярко — алым маникюром нырнула в сумочку.

— Ловко, — резюмировала Марина, передавая сумочку на мою сторону стола. — А говоришь, не заинтересована. Там и правда хороший набор бонусов. Тебе все карты в руки. Я — курить.

Она сжала выщепленную пачку и, не дожидаясь ответа, направилась к лестнице.

Белесая тень волочащей походкой последовала за ней.

— 3 -

Она не взяла с собой телефон.

Я могла бы отмахнуться от страшного видения. День не задался с самого утра, с какой бы стати ему становиться менее странным? Ну почудилось что — то. Реакция на светомузыку, очередной симптом к моей разрастающейся амнезии.

Но она не взяла телефон. Совсем не в стиле практичной Марины.

— Это закончится плохо. — Высказала я своим туфлям. Те поблескивали в темноте полной невозмутимостью, будто не имели ничего общего со складывающимися событиями. — Если мне все — таки придется бегать...

Не знаю, как бы я поступила, случись все в любом другом месте. Но три девушки в клубе, пусть и достаточно взрослые, чтобы разумно оценивать и взвешивать свои поступки, должны приглядывать друг за дружкой.

— Ваш салат, — передо мной водрузили блюдо, едва — едва помещающееся на маленький столик, который едва вмещал в себя небольшой набор напитков и сырную тарелку.

— Ну да, вот сейчас самое время. Нет, это я не вам. Спасибо.

Я подхватила все три сумки, два телефона и со всем этим барахлом двинулась к барной стойке. Один из охранников подозрительно прищурился. Не из — за сумок, а из — за оставленного, — а вдруг, неоплаченного? — столика. С непроницаемым лицом «у нас

депозит и лучше бы вам приглядывать за оставленными вещами и не пускать в рестопаб белые тени» прошла мимо. Проводив взглядом «а вдруг, вы превысили лимит, разбили бокал и украли ложку, дамочка, к тому же, какие еще тени, пить надо меньше, я прекрасно исполняю свои обязанности», охранник направился к одному из официантов.

— Ириш! — прокричала я, находясь от нее на расстоянии в двадцать сантиметров. Чуть подождав толкнула ее в плечо: исключительно для усиления доступности коммуникации. В ответ получила натянутую улыбку, вежливый взгляд «свали куда подальше, пожалуйста» и короткое:

— Аня?

— Может познакомитесь поближе за нашим столиком, — впихнула ей сумки и подтолкнула в сторону лестницы.

Она одарила меня взглядом взволнованным, но недостаточно заинтересованным, чтобы всерьез разбираться с проблемой. А у меня не было времени на объяснения. Внутри продолжал нарастать ком беспокойства, усиливая ощущения, что до чего — то неизбежного остаются считанные минуты.

Неуклюже лавируя между столиков, людей и официантов, я выбралась в холл. Миновала гардероб и, в чем была, выскочила за стеклянную дверь на улицу.

После душного помещения ночной воздух казался свежим и бодрящим. Из рта вырвалось облачко пара. А ведь днем пекло солнышко, заставляя изнывать от жары.

Я пробежалась взглядом по парковке, откуда доносились тяжелые басы и смех. Мигали стоп — сигналы, таксисты пытались проехать сквозь спящих людей.

— Вы не видели эффектную девушку в миниатюрном черном платье? Прямые волосы, карамельный блонд. Эм, яркая помада и алые ногти.

Не особо надеялась на ответ, но щуплый парнишка из шумной компании безошибочно указал на ярко — освещенную арку.

Как — то слишком легко.

Из подворотни, на которую указал парень прямо — таки лил теплый электрический свет. Мимо спокойно проходили люди. Никаких намеков на то, что прямо сейчас за сводчатым проходом происходит что — то страшное.

Я сжала крепче свой телефон. Сделала вдох поглубже, на случай, если придется громко и вдохновенно кричать.

Тупые каблуки, так и знала, что не надо их надевать.

Первое, что бросилось в глаза — смятая пачка сигарет. Полупустая и сиротливо лежащая на раздолбанной асфальтовой дорожке. Чуть дальше — зажигалка. Матово — черная с золотистым штампом знаменитого бренда. Если сигареты могли быть случайностью, то зажигалка точно принадлежала Марине. И Марина любила эту чертову штуку. Как — то раз был сорван весь субботник, потому что зажигалка провалилась между металлическими прутьями, и мы все дружно ее вылавливали.

— Марина, — позвала я, сжимая телефон. На светящемся экране застыл номер экстренной службы. Оставалось нажать кнопку вызова.

Никто не отозвался.

По стенам и пустым окнам старого офисного здания ползли высокие деформированные тени. Самые обычные. Помимо того, что я не совсем понимала, что именно их отбрасывает.

Позади что — то хлопнуло. Я подпрыгнула от неожиданности. Предупреждающе выбросила перед собой руку с телефоном (нет, телефон не выбросила) и только потом

распознала источник шума. Чуть не словила сердечный приступ, а это всего лишь крыса, разочаровавшаяся в содержимом помойки.

— Марина? — снова позвала я, поднимая зажигалку.

Не было грома. Не было молнии. Просто был пустой дворик, а потом, будто из ниоткуда появилась Марина.

Она стояла ко мне спиной. Спокойная и равнодушная. Совершенно нереагирующая на мои призывы отозваться. Перед ней вход в подвал. Один из тех, что чуть приподнимаются над землей и нужно наклониться, чтобы распахнуть две проржавевшие металлические дверцы. Давненько я такие не видела.

Белая тень все еще стояла рядом.

Я застала как раз тот самый момент, когда та скользнула на асфальт и сменила цвет, разделившись пополам. Теперь уже две черные тени расплзлись в стороны. Руки — щупальца ухватились за дверцы и с некоторым усилием распахнули их.

— Марины, ты зажигалку уронила. И знаешь, мне кажется я видела маньяка, пойдём отсюда.

Я все еще отказывалась признавать то что вижу. Лишь задумалась, почему не таскаю с собой перцовый баллончик. Или шокер. Аня, ну нафига тебе телефон, когда шокер дешевле и практичнее?

— Марина, не ходи туда! — ахнула я, когда девушка сделала первый шаг во тьму подвала. Тени легли на стены, упираясь макушками в крышу трехэтажной сталинки. Они будто наблюдали за тем, чтобы девушка не вздумала повернуть обратно. — Там грязно, Марина. И темно. Ты споткнешься, сломаешь ногу и уйдешь на больничный. А тебе прибавку еще официально не оформили. Ты будешь получать меньше. Бонусы, Марина. Премия!

Я несла какую — то чепуху надеясь затормозить Марину, медленно приближаясь к ней. Но когда я была в двух шагах от подвала, одна из теней вздрогнула. Очень медленно две белых дыры, что были у нее вместо глаз, устремились на меня.

Будто в прорубь окунули. Потом вытащили на минус пятьдесят пять под штормовой ветер и снова запахнули под лед. А продолжала делать вид, будто ничего не вижу и ничего не чувствую. Все знают правила Бездны. Не вглядывайся в нее, и она не ответит взаимностью.

Я запахнула телефон в задний карман джинс.

Марина тем временем уже наполовину спустилась в подвал.

Я не видела ни единой причины вступать в конфликт с чем — то неподдающимся научному объяснению, как и рисковать своей жизнью. Все чего я хотела, развернуться и бежать до тех пор, пока мою душу не перестанет прожигать ледяной взгляд пустоты.

Но бегать на каблуках я планировала только от маньяков. А тени — это все еще тени.

— Святые единорожки, — пробормотала я, делая шаг на пробу. Откуда только смелость взялась? В жизни так не героизмовала.

Нас разделяло пара метров. Схватить Марину и все. Хоть на пол повалить, хоть пощечину дать, только бы не пустить в мрачную темноту стылого воздуха.

— Призраков не существует. Тени не живые. В нашем мире нет магии. Просто нет и все!

С последним словом я сделала рывок вперед. Тень — щупальце молниеносно отреагировало на резкое движение.

Я закричала.

То есть подумала, что закричала. Звука не было. Открыла рот, но издала лишь хрип, как

в самых пугающих кошмарах. Даже в тот момент, когда щупальце обратилось в лезвие и замахнулось, метя в грудь.

Я дернулась назад, уходя от удара. Всего на долю секунды опережая тень. Но та не планировала сдаваться всего из — за одного промаха. Взвившись в воздухе осьминожьими щупальцами, она с новой силой рванула ко мне. От колющих ударов восьми пик увернуться я не успевала.

Что — то сильно схватило меня за шиворот, отшвыривая в сторону. Я зацепилась каблуком за выбоину и, едва не переломав ногу в трех местах, плюхнулась на землю, обдирая ладони.

— Назад! — рыкнул кто — то.

Я вскинула голову, выискивая нежданного спасителя.

Что ж, а вот и маньяк.

— 4 -

Высокий и худой. Серая и обветренная кожа. Под глазами грузные мешки невыспанных ночей и очень напряженных рабочих дней. Капюшон легкой ветровки едва прикрывает лысую черепушку.

А еще у мужика был меч! Клянусь, самый настоящий (наверное). Им он активно отбивался от щупалец тени.

Марина почти скрылась в подвале.

Зараза!

Подбирая собственные конечности, я бросилась к подвалу.

— Нет! — снова крикнул тот мужик и дернулся ко мне.

Тень не позволила. Атака лезвий — щупалец усилилась, загоняя городского рыцаря в глухую оборону. Все что я могла видеть — это блеск меча в свете фонаря.

Одно из щупалец отслоилось и замахнулось на меня. Я проскочила под ним, уворачиваясь так ловко, будто меня этому учили всю жизнь. Вслед потянулось еще одно щупальце, за ним третье. В какой — то момент тень засомневалась, когда я снова ушла от атаки, подставляя под удар другое щупальце. Черт, да я сама от себя была в шоке!

А потом в бой вступила вторая тень. И она не стала размениваться на одиночные удары. В одно мгновение двор заволокло тьмой. Или просто у меня потемнело в глазах. Воздух сгустился, вдруг запахло плесенью и затхло водой.

На мое перепуганное сознание обрушился гнетущий вес тьмы.

— Прыгай!

Меня обдало брызгами грязи.

— Ой, простите.

Я утерла лицо рукавом и поспешила посторониться. Новая номер тридцать четыре вцепилась в траву, перекинула ногу и, наконец, выбралась из ямы.

— Расширяй зону контроля, — донесся с платформы голос Клода. Металло — бог поправил складки плаща, после чего крикнул в толпу кучковавшихся девушек. — Следующая!

Тридцать четвертая подняла подол юбки и принялась безуспешно ее выжимать.

— Мне кажется, или он сегодня не в пример злее? — Опасливо покосилась она на двигающуюся платформу. Не прошло десяти секунд как громогласный голос произнес:

— Следующая!

Всплеск. Еще одна недовольная голова вынырнула из грязевой ямы.

Новый набор будущих Избранных страдал также сильно, как и тот, вместе с которым когда — то прибыла я.

— Чем жестче тренировки, тем больше шансов выжить на предстоящих миссиях. — Прозвучал мой назидательный совет.

Заявление было чисто номинальным. Я ненавидела тренировки с мечами. Заваливала каждую из них. Клод не давал поблажки, а составить достойную конкуренцию забытому богу с опытом мечника больше, чем существует твоя собственная страна, довольно проблематично.

Клод до сих пор заставлял меня выходить на вертящуюся в воздухе платформу, мотивируя тем, что я обязана поддерживать достойную форму. Я всячески уклонялась от этого, мотивируя, что никого достойного в моей жизни нет, чтобы ради него поддерживать эту самую форму. В ответ мне прилетали обвинения в гордыни и угроза подзатыльником.

— Дробь!

— А?

— Сюда! — скомандовала живая железячка. — Живо!

Если бы не десяток грязных девиц, плящущихся на меня, я бы не пошла. Я бы бухнулась на траву и разнылась, что мне тяжело, нога болит и очень хочется кушать. Не судите меня строго, вас там не было. Зато была я, которая должна подавать пример новому потоку спасительниц.

Я взяла тренировочный меч и с опаской покосилась на Клода. И вправду казался злее обычного. Неужели он уже знает?

— Мы можем сначала поговорить?

— Ты размякла. — Жестко отрезал Клод, сразу устремляясь в атаку.

— Ай!

— Держи удар!

Лезвие устремилось мне в ногу. В последний момент Клод развернул его плоской стороной и ударил меня по бедру.

Я пошатнулась.

— Зачем так сильно?

— Ты сама напросилась на эту тренировку. Нападай, а не уклоняйся!

Следующий удар я блокировала. Атаковать было бессмысленно. Клод не открывался. Он никому и никогда не давал шансов.

— Я сказала, что хочу поговорить. А драться не хочу. Нафиг эти мечи нужны? Лучше бы ты учил пользоваться пистолетами.

Клод на мгновение застыл. Улучив возможность, я попятилась назад. Пот тек с меня градом.

— Хочешь, чтобы я в тебя стрелял?

— Трехцветные единорожки, конечно нет! Целиться, стойку правильно держать и все в этом духе.

— Правда?

Еще один выпад. Чтобы увернуться, мне пришлось припасть на колени, потом плашмя и

тут же перекачаться назад. Вскочить и парировать замах сверху.

— Я думал, что ты хочешь научиться выживать.

— Я отлично умею выживать!

Именно после этого выкрика я оступилась, слишком приблизившись к краю платформы.

Здравствуйтесь незапланированные грязевые ванны.

А я ведь просто хотела обсудить с Клодом информацию, что получила от Аматри.

— Моя голова, — простонала я, открывая глаза.

Пропал лязг мечей. Пропал Центр. Пропал Клод. Была только я, грязная подворотня суровая действительность и лысый мужик.

Теней не было, как и Марины.

— Твою мать, так жить нельзя. — Воспоминания о Центре вспыхивали в голове яркими бутонами боли. Чтобы еще раз не вырубиться от переизбытка чувств, я продолжила тихонечко причитать. — Как можно так испачкать блузку? Второй раз всего надеваю. Теперь еще зашивать. Капец просто.

— Жива, — удивленно пробормотал Лысый, который никуда не делся. Он выглядел куда более потрепанным, чем я запомнила его до обморока.

— Жива, — подтвердила, после чего аккуратненько поинтересовалась. — Вы маньяк?

Знаю, он спас мне жизнь, но! во — первых, у него меч. Во — вторых, он выглядит как маньяк. В — третьих, шатается ночью по подворотням. В — пятых, смотри «во — первых», у него долбаный меч! В — шестых, я что, дома? Как? Когда? Але, че происходит — то?

Я в своем мире (это же он, да?), так с какого перепугу у нас здесь водится всякая нечисть? Здесь просто не может существовать ничего подобного! Никакой магии, никакой мистики, никаких — чтоб их всех! — агрессивных теней.

— Если тебя не сразила скверна, значит ты особенная. За тобой придут. Ты должна...

— Нет. Нет, нет и нет.

Голова снова закружилась. Сквозь боль и тошноту я уставилась на свою сжатую ладонь. В ней все еще была зажигалка. Марина.

Глубоко вздохнув, я кое-как подобрала конечности, поднялась и, шатаясь на каблуках, поплелась к подвалу. Сначала Марина, потом разобраться с воспоминаниями, и уже самым последним делом этот мужик (прости господи, чувак, где ты достал это меч?).

— Не ходи туда, — предупредил Лысый, следуя за мной.

— Не собиралась. — Буркнула, заглядывая в проем сырого подвала. Из чернильных недр дыхнуло смертью. — Я вызову МЧС.

— Они ничего не смогут сделать.

— Почему? Если я могу войти в подвал, ты можешь, почему группа специалистов, подготовленных и специально обученных справляться с чрезвычайными ситуациями не может?

— Потому что это не подвал, а проход в другой мир.

Тут должен прозвучать зловещий аккорд, пойти титры и высветиться обещание, что продолжение следует. Но я не актриса, мы не на съемочной площадке, и я не смотрю это по телеку. Поэтому зря мужик ждал, что я удивлюсь, схвачусь за сердце или упаду в обморок.

— Я знаю, что в это сложно поверить...

— Приятель, — оборвала его монолог, — я не дура. Меня на эту фигню не купишь. Проход в другие миры лежит через зеркала. Через подвалы он лежит только в один мир — тот что загробный.

Мужик кивнул.

— Именно. Это проход в Царство Забвения. Немерность.

А вот и зловещий аккорд.

— 5 -

Щелкнув зажигалкой, поднесла ее к подвальному проему. Густая тьма ни на миг не стала светлее. Без прожектора тут никак.

— Вы кто вообще? — Наконец задала Лысому верный вопрос. — Что здесь происходит? Где Марина?

— Это были фаты. — Сумрачно ответил мужчина. — Они проникают в наш мир из Немерности.

— Нет, — покачала головой. — Бред. Не могу это слушать.

Я видела в жизни очень много странного и страшного. Иногда в принципе невозможного. Но это же мой мир. Максимум магии здесь — это не купить шоколадку, а на следующий день узнать, что на нее появилась акция, и ты вот прямо как чувствовала!

— Они выискивают ненужных людей, а потом заманивают их в Царство.

— Марина очень нужный человек. У нее есть дочка, живет где — то у бабушки, пока Марина с утра до вечера отчеты подбивает. И есть еще сто восемьдесят пять человек, которых сильно озаботит ее судьба, когда в конце месяца зарплата не придет вовремя. И один из этих людей — я.

— Не в этом смысле «ненужные». Истончающиеся. Те, кого все равно в скором времени не останется.

— Не понимаю. — Я не шутила. Целый мир только что перевернулся у меня перед самым носом. — Неважно. Каков план? Как вытащить Марину обратно?

На высоком лбу и между бровями сгустились морщинки.

— Ты хочешь пойти за ней?

— Да! То есть, нет. Но я же не могу развернуться и уйти домой.

Что — то странное отразилось на сером лице мужика. Указав на зажигалку, он спросил:

— Это ее?

Я кивнула.

— Вот оно что.

Без зазрения совести Лысый перехватил мою руку и вырвал из нее зажигалку. Тонкие костлявые пальцы оказались вполне себе сильными, чтобы разжать мою ладонь.

— Эй! Что творишь?!

Не обращая внимания на мое возмущение, Лысый повернулся спиной и зашагал в сторону арки. Там он остановился около распахнутого футляра скрипки, так и призывающего бросить монетку на красный бархат. Когда я заходила, ничего подобного во дворе не было. Это он принес?

Мужчина легким отточенным движением вытер лезвие о край серой ветровки (от чего очищал — то?). Погрузил в футляр, пристегнул ремнями и захлопнул крышку. Вот такие скрипачи по улице у нас ходят.

— Да пошел ты. — Буркнула под нос. О — очень тихо.

Дорогу в подвал и телефоном можно осветить.

Я повернулась, чтобы опробовать свою идею. В конце концов телефонный фонарик даст больше света, чем любая зажигалка.

Подвала не было.

— Что за фигня?

Я провела ногой над тем местом, где только что был подвал. Ничего. Асфальт и все. Поковыряла носком туфельки (очень аккуратно, они все — таки денег стоят!). Земная твердь оставалась неприступной.

— Ты увидела проход в Немерность только из — за «крючка». — Тихо проговорил рыцарь подворотни. — Ты не особенная.

Как это? Я особенная! Мама всегда так говорила. Она не стала бы врать.

Пока я хлопала глазками, пораженная наглостью и ища достойный ответ, мужчина достиг арки.

— Вы не можете просто так уйти! А как же Марина?

Почему никогда не попадаются принцы на белом коне, которые бы мечтали решить все мои проблемы? Хотя бы доблестные оруженосцы с понятием чести и твердыми моральными принципами.

Мужчина застегнул ветровку до подбородка, натянул капюшон на глаза, и опустив голову, зашагал дальше.

— Ладно, катитесь на все четыре стороны. Сама разберусь. — Я обогнала его и преградила путь, после чего протянула руку. — Верните зажигалку.

Он легко отодвинул меня в сторону.

Преграда из меня так себе. Что я могу ему сделать, закатить истерику? Могу преследовать. Не долго, конечно. У него длинные ноги и весьма удобная обувь. А еще он похож на маньяка, от которого уличная шушера шарахается по углам. Я же представляю из себя нечто весьма противоположное.

Тяжело стоять на своем, когда ты на шпильках.

— Иди домой и забудь все что видела. — Тусклые и безмерно уставшие глаза.

— Слушайте... Слушай, это не вариант. — Запротестовала я, пытаюсь растормошить мужчину. — Прими и живи с этим, я не отступлюсь.

Лысый легонько дернул щекой. Наверное, в его случае это означало пожатие плечами. И продолжил путь.

— Как насчет использовать меня в качестве наживки? — Бросила ему в спину.

Мужчина замер.

— Я на них не охочусь. — Тихо ответил он.

Я что — то нащупала.

— Я не особенная, хорошо. Но скверна меня не сразила. Ты же так сказал? Тень меня видела, тень придет за мной. Вряд ли они оставляют свидетелей.

Мужчина повернулся.

— Что показал тебе фат?

— А?

— Когда фат напал на тебя.

— Ничего, — слишком быстро ответила я. У мужика, кажется, и так жизнь нелегкая. Нафиг ему такие подробности.

— Возможно тебя поместили, — хмыкнул он. — Тогда ты маячок. Теперь ты для них видна.

Мне как — то стало нехорошо. Я прижала руку к груди и почувствовала влагу. Отняла. Свет фонаря скользнул по ладони, окрашивая разводы в ярко — алые пятна — один в один

Маринин маникюр. Ох. От одной атаки я не увернулась.

Тут же появилась боль. Адреналин схлынул. К горлу подступила тошнота. Блузка на груди с каждой секундой все больше и больше пропитывалась кровью.

— Твою ж! Одну минутку.

Повернулась спиной к мужику. Распахнув три верхние пуговицы, я уставилась на рану. Поверхностная. Едва по коже прошлась. Уф. Я паникер. Конечно ее все равно надо промыть и засыпать порошковым антибиотиком.

Жалко блузку.

— Зараза. Есть пластырь или...?

Мужик исчез.

— Дважды зараза!

— 6 -

Мня забрала скорая.

Наверное, когда я вышла из подворотни, кто-то заметил окровавленную девушку и решил, что это слегка перебор. Следующее, что я помню, всплывала отрезками. Меня куда-то везут. Темные улочки нисколько неизменившегося города. Приемная. Запах нашатырного спирта. Остужающая пустота.

Я толком не поняла, как оказалась дома. Кажется, за мной приехала мама. Потому что, когда первый луч солнца просочился в комнату, я лежала на кровати. Грудь ныла. Хотелось сменить положение, но все повороты набок были под запретом.

Сна будто и не было. Все урывками. Я спала, просыпалась, пыталась систематизировать все, что со мной произошло и снова засыпала.

Начнем по порядку.

Изъяли из родного мира, чтобы сделать из меня (и еще из ста сорока семи девушек) Избранную. Тренировали, учили, ругали и закатывали глаза. Я спасла мир от Врага, немного разочаровалась в жизни, любви и богах. Недожавшись обещанной награды, взяла судьбу в свои руки. Попутешествовала, посмотрела другие миры, вляпалась в мелкие неприятности, навестила подруг-Избранных. Отправилась на поиски счастья, а в итоге вновь столкнулась с Врагом, который воспринял вмешательство в свою жизнь слишком близко к сердцу и пришел отомстить. Спаслась тем, что вступила в союз с бывшим противником, который точил на Врага зуб. После вернулась в Центр (то самое место, где обучают спасать миры) в ожидании нового набора попаданок. В качестве позитивного примера, к которому надо стремиться (не моя идея!).

И вот я здесь.

Что-то не вяжется да? Не хватает малюсенького фрагмента между тем, где я встречаю поток новых Избранных и, где просыпаюсь у себя дома. Если бы не тень, я бы и про новый призыв не вспомнила. А почему?

Во-первых, меня зовут Дробь. Аня — имя мирское.

Во-вторых, память у попаданок пропадает только в одном случае. Когда они из Центра уходят в другой мир. Такое было и со мной один раз. Но ненадолго. Меня защитила магия.

Магия...

Она со мной. Теплый кокон энергии все еще подпитывает меня силой. Малыш здесь и ему вполне комфортно. Ага, даже не шелохнулся, когда местная жуть решила опробовать на мне свои теневые клинки!

Какие еще варианты? Мне стерли память. Это бы объяснило, почему я помню часть своих приключений и часть жизни в Центре, но не помню всего остального. А действительно ли я забыла только момент перехода в другой мир? Вдруг у меня амнезия на последние лет двадцать? Ну ладно, не на двадцать. Такое зеркало от меня не утаило бы. Но вот годик вполне мог пропасть.

Кто мог стереть мне память? Атрос — ради моего блага. Враг — не ради моего блага. Левая неизвестная хрень — ради левой неизвестной хрени. Случайное, никак не связанное со мной событие — ради ничего.

Проехали. Идем дальше.

В-третьих, наш мир закрыт. Попаданки возврату не подлежат. Это первое что объясняют после изъятия (похищения!). Если это правда, то назревает несколько выводов.

Это не мой мир (иллюзия, сон, очень-очень похожий мир на мой?).

Это мой мир, но он перестал быть закрытым (объясняло бы, откуда тут взялись лысые мужики с мечами) и всякая шушера полезла сюда полакомиться.

Я больше не попаданка. Исполнив свое предназначение, я стала чем-то вполне приемлемым для своего мира, чтобы вновь оказаться в нем.

В-четвертых, магия. Ее у нас просто не существует. И вот что интересно, появиться она не могла. Не так сразу. Миры сами по себе весьма консервативны. Если ты лезешь поперек их законов слишком нагло, они тебя могут забанить. Агенты злой Империи (золотой оси) вынуждены ограничивать свои собственные силы, чтобы вписываться в обстановку. Я как-то не смогла покинуть мир только из-за того, что не выполнила свою часть контракта.

В-пятых... А что там в пятых?

Делаем выводы.

Недостаточно данных... было бы... если б не тень (фат?). Она пробилась сквозь всю хурму в моей голове и выцепила воспоминание. Значит не все стерто. Все можно восстановить.

Итак, последнее, что я помню, это то что хотела обсудить с Клодом (одним из богов Центра) информацию, полученную от Аматри. Когда? Когда я, блин, говорила с Аматри? Зачем мне с ним вообще говорить? Один раз он пытался сдать меня на расщепление, один раз помог обхитрить Врага. Личность у парня непостоянная, пакостливая и мстительная. Не тот он человек (лэйтарец), с которым стоит вступать в долгосрочные (любые) союзы.

Ох...

С тихим стоном я все-таки перевернулась набок (всего на секунду!), чтобы посмотреть время. И не узнать его. Темный экран намекнул, что телефон не был поставлен на подзарядку.

— Сейчас, мой дорогой.

Как только телефон показал три процента и соизволил включиться, комнату пронзила душераздирающая трель.

— Да? — хрипло спросила я.

— Совесть есть? — донесся из трубки возмущенный голос.

Я глянула на экран.

— Ириш? В чем дело?

— В чем дело? А ничего, что вы меня вчера кинули? Со своими вещами. А если бы меня убили? Я звонила тебе всю ночь! Тебе для чего телефон дан, для красоты? Где вы вообще?

— Вы?

— Ты и Марина.

Я тихо выругалась. Вот оно и «в-пятых».

— Ваши ключи и деньги у меня. Еще и телефон Марины. Где вы?

— Я запнулась и напоролась на железяку, — легко соврала я. — Мы поехали в больницу. Ничего серьезного, я уже дома. Нас забрала моя мама. Телефон сел. Отсыпаемся.

На том конце помолчали несколько секунд. Потом чуть спокойнее продолжили:

— Все равно, могли бы найти способ меня предупредить. Я жутко на вас зла, — глубокий вдох. — А, пофиг. Ты не поверишь, что со мной вчера произошло. Короче, слушай...

А дальше поток слов про то, где, с кем, как и «боже мой, он такой классный!».

Я слушала в пол уха. В голове вертелись очень неприятные мысли.

У меня примерно полтора дня, чтобы вернуть Марину домой. Потом делом заинтересуется полиция. Кто последний ее видел? Я. У кого кровь на руках и возили в больницу? Меня. Кто скрывал ее пропажу? Угу.

В другом мире я бы не сильно об этом волновалась, мол, сбегу в Центр и поминай как звали. Но я дома. Тут все по-серьезке.

Я должна найти Марину. Чуйка нашептывает, что тени как-то связаны с тем, почему я дома. Интересно, Атрос знает, что я здесь? А Враг? Он всегда находит меня. Вдруг и сюда припрется. О, нет, нет и нет! Единственная причина, по которой Аматри стал бы со мной связываться — Враг.

Тинхе затеял новую интригу.

Аня, подвинься. Дробь, вспоминай.

Малыш, нужна твоя помощь!

— 7 -

Прикрыв глаза, я погрузилась в воспоминания. Поймав видение, что показала тень, я принялась выискивать связанные с ним события. Представила Аматри. Белобрысого, звонкого и переменчивого как ветер. Себе на уме и без капли стыда. Своенравный мальчишка.

Я почти уцепилась за смутную картину. Добралась до нее. Но гордыня губит лучших из нас. Мелькнувшее самодовольство, что наконец в моей жизни обошлось без Тинхе, разрушило все.

Я кричала. На зеркало. Что-то громко и возмущенно высказывала ему. Загибала пальцы и перечисляла все что думаю о Тинхе, Лэйтирии и Троне Незыблемых. О последнем у меня имелось мало фактов, поэтому в дело вступала фантазия.

Нет, выговаривала все не своему отражению. Оно не заслужило слушать такое. С той стороны (за миллионы миров и одну реальность от меня) стоял Враг. Черноволосый, высокий, с легкой щетиной, будто только что затарившийся в бутике у модных модельеров, если предположить, что оные внезапно занялись дизайном готического шмотья.

Мужчина молча выслушивал все претензии. На его лице играла улыбка, а глаза сияли тонкой антрацитовый тьмой. Складывалось впечатление, что мой коварный Враг витал где-то в облаках, а не подвергался жесткой критике.

— Совет будет собран и этого не избежать, — наконец сказал он, когда я окончательно выдохлась. — Я предупреждал тебя, моя разгневанная Дробь.

— Ты ничего мне не говорил! — Возразила я, чувствуя, что еще немного криков и я сорву голос. — И не сказал бы, если бы к стенке не приперли!

Он продолжал улыбаться своей непривычной пространной улыбкой.

— Разве, моя забывчивая Дроть? Я не предупреждал, что если ты продолжишь упорствовать в своих заблуждениях, мне придется принять меры?

— Простого «нет» ты не понимаешь?

Руки в боки. Ну вот такая я сегодня, да.

— Я давал тебе время. Ты все еще можешь сделать свою жизнь немного проще.

— Ты же не думаешь, что я, покорно склонив голову отправлюсь на ваш эшафот?

— Совет вынесет решение вне зависимости от того, будешь ты присутствовать на нем или нет. Но после того, как он проголосует, не найдется такого места во вселенной, что укрыло бы тебя.

Я выдохнула сквозь зубы. Меня переполняли гнев и страх.

Вот оно что. Я не смогу больше путешествовать по мирам и помогать другим Избранным. А если рискну, тут же подставлю своих спасаемых. Если до этого момента Золотая ось смотрела на меня сквозь пальцы, поскольку никто не считал меня угрозой или хоть сколько интересным феноменом, то после поднятого вопроса, моей персоной озаботятся многие. Вот как Тинхе решил загнать меня в угол.

Я застряну в Центре навсегда. Стерильный мир — единственное место, где меня не достать.

— Можно не так ярко выражать свое злорадство? — обозлилась я еще больше, бесясь из-за его улыбчивой физиономии.

— Что, моя дорогая? — он слегка наклонил голову к плечу, демонстрируя полное непонимания.

— Пока еще своя и свободная! — С такими Врагами пора подсаживаться на валерьянку. Нервов вообще не хватает. — Я про твою самодовольную улыбку. У тебя образ мрачного и таинственного незнакомца, хватит портить ее человеческой мимикой.

— Я не злорадствую, — все так же спокойно ответил Тинхе. Вот кто точно злоупотребляет глицином и ромашковым чаем. — Я рад тебя видеть, недоверчивая Дроть. И, конечно же, ты права. Не моя. Пока.

Я поджала губы. Я была слишком зла, чтобы подыгрывать ему.

— Не знаю, что ты задумал, но намотай себе на ус, я планирую бороться за себя до последнего вздоха.

Он смотрел и улыбался. А не могла подобрать слово, чтобы описать, как именно он смотрел. Потому что никто в жизни так на меня не смотрел.

— Я говорил раньше и не устану повторять. У меня нет цели как-то обидеть тебя или навредить. Моя благосклонность к тебе безгранична, непреступная Дроть.

Ага. Знаем мы, что подразумевается под этой благосклонностью. Например, заманить в мир, где моя магия ослабнет, чтобы я испытала все ужасы бесправного существования, а после обманом вынудить пройти процесс отречения от предназначения, который — на секундочку! — включает в себя полное моральное уничтожение и чуть ли не распад личности. Все это ради осознания, как прекрасно быть леди в Лэйтарии и отвратительно все остальное.

— Дело не только в моих интересах, — продолжил он. — Это вопрос интереса всей Золотой оси. У тебя наша магия. У тебя есть то, что делает нас лэйтарцами. Ты одна из нас и

заслуживаешь иметь все, что имеет подданный Незыблемого Трона.

Я сделала глубоки вдох. Выдох. Еще раз вдох.

Он всего чуть-чуть сдвинулся вперед, как я тут же почувствовала, как мой гнев стихает, сменяясь паникой. Произошедшее в Деополисе до сих пор будило меня ночами.

— Отбросим империю. Какой тебе с этого интерес?

— Тебе больше известно о моих желаниях, чем мне самому.

Ясно. Маленький укол за ту глупость, которую я совершила в Лэйтарии и теперь вечно буду за нее расплачиваться.

— Ты видел, чем заканчиваются попытки заставить меня делать что-то, чего я не хочу. Если моя нога ступит на землю Лэйтарии, ты пожалеешь об этом в тот же момент, — предупредила я.

Как будто угрозы могли его остановить.

Опершись рукой о раму с той стороны зеркала, мужчина в черном наклонился вперед. Поддавшись инстинкту, я шарахнулась назад. Улыбка Странника тут же померкла.

— Дробь...

Нас разделяла плотная ткань мироздания, преодолеть ее Тинхе не мог. И все же я не чувствовала себя в безопасности.

Сцепив руки на груди, я прервала его.

— Ты хочешь, чтобы меня признали леди. Не лэй, не имари, а именно леди. Я не понимаю, зачем оно тебе. Я не верю, что твой моральный компас как-то колышет от того, что кто-то лишен возможности наслаждаться благами твоего мира.

Он не ответил. В его глазах мелькнуло что-то такое, что я поняла — вот оно! Я что-то нащупала. Еще бы знать, что. Еще бы понимать все тонкости лэйтарской политики.

Аматри оказался прав. Возможно он прав и насчет всего остального.

Тогда у меня не остается иного варианта, как кинуться в очередную безумную авантюру.

— Дробь, — аккуратно позвал Тинхе, но я больше не имела сил его слушать.

Будто вступая в борьбу с ядовитой змеей, я дернула вязанный шнур, закрывающий алый занавес, и отскочила назад.

Я распахнула глаза, едва не подпрыгивая на постели. Сердце колотилось сильно-сильно, отдавая пульсацией в ноющей груди. Стало холодно, да так, будто внутри меня открыли морозильную камеру размером с луну. По венам вязкой жижой потек лидокаин. И я не была уверена, что ситуация исправится, если я заберусь под одеяло с головой.

Те самые тени из Немерности, источающие парализующий страх и утаскивающие в жуткий потусторонний мир, не напугали меня так, как всплывшее воспоминание о встрече с прекрасным человекоподобным существом с притягательной улыбкой.

Тинхе реален и он никуда не делся.

— Я не в безопасности, — пробормотала тихо. — Блин, Аматри, от тебя одни неприятности. Вестник всех моих бед.

Ничего из увиденного не объясняло, как я оказалась дома. Или вообще хоть что-нибудь!

Возможно мне нужна еще одна атака фата...

— 8 -

Знаете, о чем вы скучаете, находясь в других мирах среди магии, волшебства и сказочных принцев?

Об интернете. О возможности получить любую информацию, о чем угодно и когда

удобно. Вы тянетесь за телефоном, чтобы проверить сообщение, но нащупываете рукоять меча. А знаете, от чего нет толку, когда вы ищите информацию о Немерности, тенях, Царстве забвения и мусорных рыцарях? От всемирной (одномирной!) паутины. Тогда вы понимаете, что вам бы больше пригодился меч против всякой неведомой фигни, но у вас лишь бесполезный телефон.

В минуту отчаянья, полезла на форумы. Знаю, дело гиблое, но удочки надо закидывать. Глядишь, где-нибудь клюнет. Заглянула в разделы мистики и эзотерики. Оставила несколько отзывов в тематиках про загробные царства, странные события нашего города и «лол, смотреть всем, такого вы не ожидали, стремный мужик че делает!».

Маловероятно, что мне дадут полезные советы. Повезет, если ради прикола не пошлют стоять на перекрестке с пустым ведром, обмазанной в меду, выкрикивая молитвы Серафиму-спасителю задом наперед.

Теперь дело за активными исследованиями. Я должна вернуться в тот двор и попробовать открыть (найти) подвал. У меня есть магия. Может я не умею кидаться фаерболлами или вызывать гром и молнию, но находить портала в другие миры — в моей компетенции.

А что я буду делать, когда открою подвал? Помощь бы не помешала.

— Ма-ам! А где у нас лежит фонарик?

— Ньюта, ты чего встала? — охнула мама, увидев, как я роюсь в кладовке. — Зачем тебе фонарик?

— Надо! Я ухожу.

— Как это уходишь? Я выходной специально взяла, чтобы за тобой приглядывать.

— Я об этом не просила, — откликнулась я, мигом пожалев о сказанном.

В Центре я много раз представляла момент, когда родители узнают, что я пропала. Я рисовала столько драматичных сцен, где мама в слезах, обзванивает всех моих знакомых, обивает пороги правоохранительных структур, обращается в группы помощи пропавших без вести. Проходят дни, месяцы, годы. А мама все равно не может поверить, что я мертва. Седых волос на ее голове становится все больше, залегают глубокие морщины и блеск полностью покидает усталые глаза.

Я же так сильно скучала по дому! До слез. До истерики. До депрессии.

— Мам, я ненадолго. Спасибо за твое терпение и заботу. — Вынырнула я из кладовки. Быстро обняла маму, чтобы случайно не растрогаться и в итоге не расплакаться. — У меня есть несколько важных дел. И ждать они не могут, потому что это моя ответственность.

— Что может быть важнее, чем твое здоровье?

— Спасение мира.

Мама закатила глаза. Она-то знала, от кого мне досталось такое чувство юмора. Она за этого человека замуж вышла.

— Фонарик в коридоре на шкафу. Только батарейки купи. — Шаркая тапочками, мама отправилась на кухню. Оттуда донеслось. — Никуда не пойдешь, пока не поешь! Я тебя не для того рожала, чтобы ты питалась как попало!

Вот если мама права, то права безоговорочно.

С парковкой проблем не возникло. Полдень субботы не благопритствовал большому столпотворению людей около рестопаба. Они подтянутся после четырех, и то, вяло и неохотно. Те, кто предпочитал дневной и активный образ жизни, выбирали иные места для

прогулок. Оттого улица казалась пустой и безлюдной.

Предварительно я заехала к Иришке за вещами. Выслушала вялую порцию претензий. Но оно того стоило. Мне нужна была сумка Марины. Зажигалка позволила увидеть проход в иной мир. Я надеялась, что в сумочке окажется еще что-нибудь полезное.

Покопавшись в ней (с легким привкусом стыда, за то, что роюсь в чужих вещах), едва не сдержалась от вздоха разочарования. Брелок от ключей был стандартным — сувенир с моря. У меня был похожий с морской звездочкой. Экстренный косметический набор известной марки. В кошельке кроме налички и набора карточек ничего не оказалось. Я-то рассчитывала на фотографию дочери или на отца этой самой дочери, но, видимо, в век цифровых технологий, подобные вещи окончательно превратились в реликты. Хотя в моем кошельке был Тимьяний.

Ан-нет! Вот скрытый карманчик со сложенной вдвое фоткой. И... это ее собственное фото. Марина лет восемнадцати, на фоне института. Здесь у нее еще длинные волосы и фигура моложе килограмм на десять. Милая миниатюрная девушка, не подозревающая, во что превратят ее следующие годы в институте. Марина, конечно, и сейчас выглядела отлично, но, если сравнивать с тем что на фото, можно легко определить, что пережить ей пришлось многое. Не знаю, дело ли в институте или во взрослой жизни.

Закончив с вещами Марины, я переключилась на свои: фонарик, телефон, ключ. Гаечный ключ... Удобней было бы взять торцевой ключ, но у меня был только гаечный. Даже не хочу говорить, откуда его взяла (купила случайно, перепутав миллиметры с сантиметрами, не осуждайте, я впервые зашла в автомагазин). Он столько лет лежал в багажнике одиноким и бесхозным, что променять его на молоток я не смогла. Тем более, молотка там не оказалось. А что еще можно использовать против теней в качестве оружия? Да, это мое оружие!

Кроссовки, удобная одежда и рюкзак, куда на всякий случай я закинула еще аптечку, веревку, перцовый баллончик, запасной комплект одежды и немного припасов. Я не знала, чего ждать с той стороны, но должна была быть готова хоть к чему-то.

Закинув рюкзак на плечо, почапала в тот самый двор.

За минувшую ночь ничего особо не изменилось.

- Может это перемежающийся портал? — засомневалась я, разглядывая пустой двор. — И работает только вечером или в полночь.

Именно к такому выводу я пришла, обойдя все по кругу. Я даже проверила все магическим взглядом, которого у меня не оказалось (я же видела раньше блески, что пошло не так?). Не знаю, дело ли в том, что золотая магия не имеет функции второго зрения или магии реально надо учиться (не зря же существует столько магических академий?), а может у меня редкая разновидность магической слепоты. Короче, сколько я Малыша ни уговаривала, показать тайный проход он не смог.

Я присела на бордюр и принялась ждать. Может попадетсся еще одна жертва или проскользнет тень. Так я просидела до заката. Продрогла, промокла, проголодалась. Большую часть времени проторчала в телефоне. Проверяла сайты и продолжала искать информацию. Оказалось, что выслеживать кого-то — скучно, долго и сильно садит батарейку.

Спустя час после захода солнца и полной тишины на зоне исследований, я отправилась в ближайшую кофейню. Так себе из меня участник засады.

Это был самый большой латте. Замерзшими ладонями я грелась о толстые края кружки.

Запах лаванды приятно щекотал нос.

— Что-нибудь еще? — обратилась официантка.

В моих планах было еще чашки четыре кофе. Все равно сон в мои планы больше не входил.

— Круассан и большой капучино с ванильным сиропом.

Девушка повторила заказ, но задержала на мне взгляд чуть дольше, чем следовало. Немного нахмурилась. Потому я решила спросить.

— Вы здесь давно работаете?

— С самого начала, — отзывалась она. — Вот уже пять лет будет.

— Вы случайно не видели эту девушку? — протянула ей фотографию Марины. Может она раньше здесь появлялась или с кем-то встречалась. — Она сейчас немного постарше и волосы короче...

Договорить я не успела, официантка указала ручкой нишу у прохода.

— Ой, это все туда.

— Ээм..

— Да, пройдите. Все там оставляют.

- Спасибо, — неуверенно поблагодарила я, отправившись в указанную сторону.

При входе я не обратила внимание на нишу. Решила, что это вроде доски почета или вроде того. Я ошиблась.

Это была доска метр на метр, вся устланная прикрепленными фотографиями. Некоторые были старые и потрепанные, другие распечатаны на простых листах А4. На меня смотрели лица мужчин и женщин всех возрастов: молодые и старые, красивые и ничем не примечательные, смазливые, грустные, усталые, веселые. И все пропавшие без вести.

Среди сотен незнакомых лиц, на меня смотрело одно, которое я хорошо знала. Я смотрела на него и чувствовала, как все мои теории рушатся одна за другой, а на их месте воздвигается что-то новое и абсолютно жуткое.

По центру висело фото, оставленное этим утром. С цветной фотокарточки девять на тринадцать на меня смотрела крашенная блондинка с печальными глазами и тусклой улыбкой.

— 9 -

Ноги меня не держали. Стянув свою фотку, вернулась обратно за стол.

— Как это работает? — спросила я, когда рядом оказалась девушка с подносом.

— Вот здесь указывается дата, когда, человек пропал, и имя, а сзади номер телефона, куда звонить, если вам что-то известно. Можете в группе посмотреть, там больше информации.

На моем фото значилась сегодняшняя дата. Или я уже пропала или скоро пропаду.

— Кто приносит фотографии?

— Волонтеры, родственники. — Официантка пожалала плечами. Забрала грязную посуду и водрузила мой заказ на столик. Запах ванили и корицы придал мне немного сил. — Вам лучше поговорить с администратором группы.

Сделав глубокий глоток кофе, я перевернула фотку. Номер на той стороне был мне незнаком. На всякий случай вбила его в телефон. Среди контактов его не оказалось.

Во мне тихо разгоралась искорка злости.

Меня кто-то ищет. Интересно, кто? Судя по контексту вчерашнего дня, я не пропадала

ни на секунду (чего, кстати быть не может). А смотри-ка, уже и фотка и страждущая по мне душа нашлась.

Мир, ты вообще в курсе, что я тут?

Именно с этими мыслями, я набрала номер.

Ответили на пятом гудке.

— Слушаю. — По-деловому отозвались с той стороны линии. Голос принадлежал мужчине.

— Здра-а-авствуйте. — Протянула я довольно мерзко. — Это вы разыскиваете девушку по имени Анна?

«На домашний звонить пробовали? — мысленно добавила я. — В соцсети заглядывали?»

Человек назвал мою фамилию. Я подтвердила. Послышалась заминка.

— Да, это так. — Последовала нотка удивления. — Вы ее видели? Вам что-то о ней известно? С кем я разговариваю?

— Да и да. — Ответила я. — У меня есть информация о местоположении этой девушки. Я охотно с ней поделюсь.

— Да, конечно. Просто замечательно...

— При встрече.

— Вы можете сказать все пот телефону. Если вопрос о денежном вознаграждении, я переведу вам на карту или телефон, как будет удобно. Конечно же, если информация подтвердится.

Ого, за это еще и деньги дают?

Моя внутренняя жаба тут же потребовала узнать, сколько это стоит, но я смогла ее заткнуть своей внутренней крысой, что собиралась вытащить незнакомого мужика из дома в субботний вечер (возможно из круга семьи, из бара с друзьями или в единственный выходной). Этот человек мог быть пустым звеном в цепи, что делает свою работу и искренне в нее верит. Усердный волонтер, которого всякие сумасшедшие дергают по десять раз на дню.

Или нет.

— Все при встрече, — коротко отрезала я. Очень хотелось добавить, что телефону доверять нельзя и нас могут прослушивать. Но если он обычный человек, то мог засомневаться в моей надежности как информатора. — Сколько вам добираться до центра?

Мужчина поколебался, но ответил.

Сойдет.

- Будьте в кофейне через полчаса.

— Подождите, мне нужно...

— Вам нужна эта девушка или нет? — грозно спросила я, бросая взгляд на свою фотку. Будто абонент мог видеть всю мою решимость. — Потому что кажется, вы не сильно заинтересованы.

— Стойте, не вешайте трубку! — заволновался мужчина.

Блин, да кто ты?

— Через тридцать минут или я уйду. — Тут я врала, потому что идти-то мне было некуда. — Приходите вовремя или не приходите вообще.

— Погодите! В какую кофейню подъезжать?

— В ту, где вы оставили фото.

— Я обращался во многие места. Где вы именно?

Я назвала адрес.

— Хорошо, я буду. Как я вас узнаю?

— Вы меня узнаете, — пообещала я, сбрасывая звонок. — Приятель, я тебе денег должна или что?

Снова уставилась на фото. Перепроверяя себя. Вдруг там не я, а кто-то очень похожий, при этом мой полный тезка?

Это была недавняя съемка, если исходить из течения времени моего мира. В этот оттенок блонда я красилась чуть больше чем за полгода до изъятия в Центр. Корни еще не отросшие, а кофточка новенькая, куплена специально на восьмое марта. Снята в кофейне неподалеку от дома.

Есть что-то странное в фотографиях с тобой, на которых ты запечатлен случайно и какое-то время не знал о них. Ты смотришь и как будто заново знакомишься с собой. Так было и здесь. За столиком одна. О чем-то задумалась, а потом посмотрела вдаль. Только взгляд остался прежним: тоскливым, безнадежным. Никогда не подозревала, что я со стороны выгляжу именно так. Всегда считала себя в меру позитивно-депрессивной.

Выгляжу ли я сейчас также — одиноко-потерянной? Изменилось ли во мне с тех пор что-то? Та, кто на фотографии рванула бы в подворотню за Мариной? Сцепилась бы с тенями? Отправилась бы на поиски неизвестного жуткого мира?

В самый первый день в Центре, Клод говорил, что зря мы расстраиваемся из-за выпавшего жребия. Остались бы на Земле и нас не ждало бы ничего хорошего. В самое ближайшее время с нами бы произошло нечто ужасное.

Одна из девочек не поверила словам забытого бога. Потребовала доказательств. Ей их предоставили. Не знаю, что именно она увидела, но истерики тогда было дня на два. Потом еще месяц девушка ходила будто в воду опущенная. Я, конечно, скептик, но повторять ее подвиг не решилась.

Зря.

Заглянула бы тогда в будущее, чего испугалась-то? Теперь расхлебывай. Потому что кажется, все то плохое, что ждало тебя, не попади ты в Центр, происходит прямо сейчас.

— Я как будто в параллельном мире, где я не стала Избранной.

Звякнула входная дверь.

Как быстро прошли полчаса.

— 10 -

Человек еще не вошел, но каким-то шестым чувством я поняла, что это он. Тот, с кем я говорила по телефону.

Выглядел он презентабельно. В легком двубортном тренче цвета темного дерева благородной породы с матовым блеском. Лицо украшала борода, которая нынче именовалась короткой эспаньолкой. Стрижка под стать, как будто мужчина только вышел из салона. Холодный шатен с копной зачесанных назад волос.

Стройный, высокий, крепко сложен. Слишком хорош для волонтера. Вычищенные до блеска туфли не для прочесывания подворотен, леса и ночлежек в поисках потеряшек. Когда он снял водительские перчатки, я поняла, что походы в салон обходятся ему не в пример дороже, чем мне мои. Красивые руки, ухоженные ногти. Работа у меня была офисная, маникюрщицу я посещала не реже, чем раза в месяц, но, когда мужчина приблизился, я с

трудом удержалась, чтобы не спрятать руки под стол.

Что тут можно сказать, вряд ли он искал меня чтобы испросить совета по моде и стилю.

Приглушенный свет лампы отразился в его глазах. Мой разум, опьяненный органическим энергетиком, определил цвет — кофе и корица. Гремучая смесь карих оттенков прошлась по кругу зала и едва ли не споткнулась о мой столик.

Я вздернула фотокарточку рядом со своим лицом. Вздернула брови. Ну?

Хорошая реакция. Искреннее недоумение, неподдельный шок и что-то еще, едва уловимое, что я не смогла разобрать.

Наверное, где-то в глубине души, я надеялась, что незнакомцем окажется подворотный рыцарь. Одумался, раскаялся и решил, что поступил бесчестно и неразумно, отчего впопыхах бросился на мои поиски.

Но нет, не в этот раз. Возможно мама достаточное количество раз посетила церковные службы, чтобы вместо лысого и жилистого мужика со скелетом мечем, мне прислали что-то приличное.

— Это шутка? — Не дожидаясь приглашения, мужчина сел напротив меня.

— С языка сорвали. — Не осталась в долгу. — Вечер добрый.

— Д-да. Как? Как это возможно? Вы не пропали.

— Чем непомерно горжусь.

Мужчина крепко сцепил пальцы. На запястье блеснули часы. Но это был вовсе не золотой Rolex, как можно было предположить.

— Не понимаю.

— Я тоже. Например, кто вы такой, почему развешиваете мои фотки по всему городу и зачем меня ищите?

Незнакомец пропустил слова мимо ушей. Из растерянного собеседника он незаметно перевоплотился в кого-то, кто привык приказывать, а не подчиняться. Его голос стал жестче, мужчина потребовал:

— Что вы делали вчера вечером?

Так спрашивают отчета у нерадивого подчиненного, просрочившего все дедлайны. Перепуганная девчонка могла бы растеряться и выложить все как на духу. Я же возмутилась:

— Вот же наглость! Вам не кажется, что это вы должны отвечать на вопросы?

С другой стороны зала обернулась официантка. Я повысила голос достаточно, чтобы перекрыть ненавязчивую музыку кофейни и естественный гул помещения, где большая часть столиков забита посетителями.

— Вопрос за вопрос? — предложил мужчина.

— Черта с два! — снова продемонстрировала фотку. — Меня вы уже знаете и, очевидно, следили за мной несколько месяцев. Говорите кто вы, иначе... — я запнулась. Оказывается, угрозы надо продумывать заранее.

Мужчина уловил заминку.

— Иначе?

- Позвоню в полицию, — неуверенно закончила я.

- И что им скажете?

Я зажмурилась на секунду, чтобы переварить. Вот же нахал.

— Скажу, что это метафора. Конечно я не буду им звонить. Я напишу в группу волонтеров, я устрою скандал в соцсетях, да все что в голову взбредет.

— Ладно-ладно, — приподнял он ладони, призывая к примирению. — Не злитесь,

милая девушка. Вы меня не так поняли. Я потрясен также, как и вы. Для меня это впервые.

Вряд ли он имел ввиду, что впервые в шоке.

— Впервые разговариваете с девушкой, которая не пропала? — вновь начала ерничать я. Разговор пошел как-то неважно. — Мы все еще не сдвинулись с места ни на шаг.

Он встретился со мной взглядом. Внезапно этого оказалось слишком много, чтобы выдержать. Я первой оборвала контакт, мужчину это внезапно смутило.

— Это долгая история. — Примирительно сказал он. — Могу я вас чем-нибудь угостить?

Тахикардия? А че бы и нет. Гуляем. Купить мое настроение вкусняшкой — да на раз два.

Мужчине принесли двойной эспresso, мне — малиновой раф. Воздух снова заполнил ароматный запах. После первого глотка, я почувствовала долгожданное тепло. Кислинка малины, сладость и терпкость кофе и сахара, смешались в прекрасном коктейле.

Человек в стильном тренче начал рассказ.

Его звали Георгий. Нет, не Жорик. Гер или Гера, если не сложно. Да как пожелаешь, приятель.

Люди пропадают. Но некоторые пропадают в определенных местах чаще, чем где-либо еще. Вам известна статистика? Конечно, нет. Иногда людей находят, иногда — нет. Тех, что пропадают в определенных местах — никогда. Что за места? Одно из них совсем рядом. Вам известно? Если бы вы оказались с ним рядом, вы бы почувствовали что-то неладное. Ему сложно дать точное определение. Мы с ним на разных частотах, на разных пластах реальности. Нет, погодите. Еще рано.

В нашем городе есть три особых места. Мы сейчас рядом с одним из них. Если провести линию от этой кофейни к рестопабу на углу, а оттуда к фонтанной площади и вновь к кофейне, то получится маленький заколдованный треугольник, где теряются люди без каких-либо причин. Случайные люди. Никак между собой несвязанные. Не имеющие никакого отношения к данным заведениям.

— Хорошо, люди пропадают. Это не ново. Что с фотками?

— Это объяснить сложнее. — Мужчины поставил пустую чашку на блюдце.

— Сложнее, чем высшую математику? Чем поляризацию волн, пятое измерение, формулу расчета пенсии по старости?

Он опустил взгляд. Его руки вертели чашку, катая по дну кофейную гущу. Людей в кофейне становилось все меньше и меньше.

— Вы можете решить, что я сумасшедший.

— Пока вы сталкер в брендовом пальто. Лучше будьте сумасшедшим.

— Вы должны увидеть все своими глазами, иначе, не поверите.

Очень туманный и размытый ответ, под стать погоде за окном. В противовес вчерашнего теплого денька, сегодня разыгрался ветер. Смурные и тяжелые от переполняющей их влаги облака затмили яркий кружок луны, сведя на нет попытки рассеять сгустившиеся сумерки.

— Я поверю.

Георгий отрицательно покачал головой. В этом вопросе с места он не сдвинется, как бы я ни напирала. И если он сейчас встанет и уйдет, ничего я с этим поделать не смогу. А он все еще моя единственная зацепка. Призрачная и невесомая.

— Это не займет много времени.

Мужчина оплатил счет. Весь. У меня в мыслях не появилось возражать. А вот садиться в его машину отказалась. Зачем-то же я на права сдавала десять лет назад. Конечно, имелся риск, что, избавившись от моей компании, Георгий даст по газам и свалит в закат. Поэтому на всякий случай я запомнила номер его машины. Судя по внимательному взгляду, брошенному в ту сторону, куда направилась я, мужчина запомнил номер моей. Перед этим он сообщил.

— Следуйте за мной, я поеду медленно.

— Вы могли бы просто сказать адрес.

— Проще показать.

Я выдохнула, чувствуя себя спесивым бычком.

Не любила я недомолвки подобного рода. В конце концов, тени могли утаскивать только половину из тех людей, чьи фото висели на доске. Вторую мог увозить вот этот самый Георгий. И что-то я сомневаюсь, что забирал он их в красивую беззаботную жизнь.

Понимая, что все глубже и глубже вляпываюсь во что-то дурно пахнущее, сбросила сообщение Иришке. Все как полагается. Предсмертное послание о том, кого и как винить за то, если я вдруг в понедельник не выйду на работу.

Загорелись фары. Автомобиль двинулся с места.

— Ну-ну, — пригрозила я маячащим габаритным огонькам.

— 11 -

Двадцать минут спустя мы остановились около парка. Когда-то здесь находился пустырь. Постепенно город разрастался. Появились новостройки. Район оброс зданиями и на неприглядном месте разбили парк. Под единственную зеленую зону отдали несколько сотен квадратных метров пустыря и, чудесным образом, не позабыли облагородить.

— Зачем мы здесь?

Было довольно поздно, но по аллеям еще гуляли влюбленные парочки, а вот семейные пары с детьми двигались к выходу.

— Когда вы увидите то самое место, вашего скептицизма поубавится.

— Пара вступительных слов не помешала бы, — пожаловалась я, озираясь по сторонам.

Мы свернули с главной аллеи на боковую. Для случайных прохожих мы не казались подозрительными. Такая же парочка, как и остальные.

— Вы верите в паранормальное? Речь не о духах умерших. О чем-то большем. Что за гранью нашего понимания, что неотрывно присутствует в нашей жизни и то, что мы не замечаем. Незаметное, незримое, всегда где-то на грани восприятия. Шорох в пустом доме, чье-то дыхание на шее, одинокая тень в молчаливой тишине.

Очень хотелось пошутить про налоги, но каменные дорожки и всплывающие из тумана фонари навевали совсем другие мысли.

— Вы же не о вампирах? Вампиры в реалиях нашего города — достаточно печальное явление. Ладно-ладно, я обещала снизить градус критического мышления.

Чем дальше продвигались вглубь парка, тем пустынное становилась аллея. В конце концов мы свернули на гравийную дорожку. Уютный и таинственный парк скрывался в мерной, почти убаюкивающей речи, обнажая совсем иную реальность, что мельком проглядывала в отсветах электрического света великанов-фонарей.

Георгий продолжил рассказ не сразу. Но когда заговорил вновь, я почувствовала, как сильно его слова пробираются мне под кожу.

— Я говорю о мире незримом. О его контурах. Об очертаниях его отражений на темной воде. О его обитателях, что могли бы походить на людей. О Немерности, что состоит из других материй. Более зыбких, более сложных, с другими физическими законами, сотканных из разных частей, но цельных и неоднородных. И которому нужна пища.

Я передернула плечами.

— Немерность? — услышала знакомое слово.

Мы остановились.

— Смотрите, — указал он на маленький холмик, поросший травой.

— Что я должна увидеть? — спросила, вглядываясь в темнеющую зелень.

Георгий подтянул рукав. Показались те самые металлические часы, которые я заметила ранее. Электронные с поцарапанным циферблатом. С дешевого ремешка почти везде облезла краска, демонстрируя деформированные звенья. Не совсем тот аксессуар, что предполагаешь увидеть у человека с машиной S-класса.

Мужчина взял в свою руку мою ладонь. Вложил в нее часы и сомкнул на них мои пальцы. Под ночным небом, в тени парковых деревьев и опаляющих фонарей, где шум дорог стихает за высокими заборами, а на соседних дорожках прогуливаются влюбленные, жест показался почти интимным.

Мое глупое сердце встрепенулось.

«Он наверняка женат, у него трое детей, пять кредитов, любовница, алименты от двух предыдущих браков и живет он с матерью, — протараторила про себя мантру. — У тебя есть кот и бесчисленные миры, никто тебе больше не нужен».

Будь я в Центре, это бы сработало. Но я стояла на земле, а над головой висело такое знакомое небо, что все что было до сегодняшнего дня казалось пустым и далеким.

— Смотрите.

— А?

Я что, молча стояла и пялилась на него? Боже, как стыдно...

— Вон там.

Мужчина кивнул в сторону небольшого холмика, где секунду назад зелень пробивалась сквозь старую листву. Теперь там стоял колодец. Без навеса, цепи и ведра. Что-то подобное я видела в «Звонке».

— В чем фокус? — спросила я. У меня было несколько догадок, но я не хотела раньше времени раскрываться любителю. Он еще ничем не доказал, что ему можно доверять.

Георгий протянул руку. Я передала ему часы. Как только контакт металла с кожей прервался, колодец пропал. Я вновь взяла часы. Колодец вернулся.

— Что это?

— То, что я хотел показать. Проход в Немерность.

— И зачем мне это видеть?

— Вам грозит опасность. Возможно, я единственный кто мог бы вам помочь. Но вы должны ответить, что делали вчера вечером, Аня.

Он встал у меня за спиной, положив ладони на мои плечи. Я смотрела на колодец, который больше не казался оптической иллюзией. От него веяло холодом, сыростью и глухой опустошающей безнадежностью.

— От этого зависит ваша жизнь. Фаты никогда не отказываются от своих жертв.

Он говорил, а я разглядывала трещинки на камнях. Небрежные сколы и потертости поросшего мхом основания. Колодец выглядел абсолютно реальным, идеально

вписывающимся в мир в целом и в парковую прогалину в частности.

Старый заброшенный колодец. Я обязана в него заглянуть!

Едва сделала шаг, как Георгий сжал ладони на моих плечах.

— Аня. — Предупредительно позвал он.

Приложив некоторые усилия, я отвела взгляд в сторону.

— О какой опасности вы говорите?

— О проводниках в Немерность. Они уводят людей в Царство Забвения. Выслеживают их, изучают, а когда настает время — забирают. Вчера была ваша очередь, Аня. Но вот вы здесь, в полном порядке.

Я — да, а Мрина — нет.

— Георгий, — повернулась к нему. — Это интересный феномен: колодец, горка. История тоже красивая, в духе городских легенд. Я любитель теорий заговора и всего прочего. Потайные миры, тени, пропавшие — потрясно! Но ничего из того что вы мне рассказали не объясняет фотографий в кафе.

Мужчина отстранился.

— Который час? — тихо спросил он.

Часы все еще были в моей руке, поэтому я не стала лезть за телефоном. Я взглянула на электронные цифры и ответила:

— Двадцать одна минута одиннадцатого.

Небо все еще сковывали плотные сгустки облаков, но пространство вокруг будто стало светлее. Отголоски света мазнули по земле, пробегая между нами.

— Когда вы заказываете блюдо, официантка записывает его, а позже передает повару или баристе. Так и здесь. Немерность выбирает. Фаты исполняют.

Под ложечкой неприятно засосало.

— Кем в этой аналогии являетесь вы?

Позади хрустнула ветка. Поддавшись инстинкту, я обернулась.

Крик испуга был подавлен тихим и емким матерным словом.

Ну а чего еще я ожидала от старого колодца посреди темного парка?

— 12 -

Вы знаете, правило, что защищает от всяких потусторонних неприятностей? Например, никогда не исследуй жуткие места после заката. Что же происходит, когда ты чересчур импульсивный и забываешь, что ты Избранная немного с натяжкой и живешь в реальном мире.

Во-первых, ты проваливаешься в колодец.

Во-вторых, получаешь ссадины во всех возможных и невозможных местах.

В-третьих, теряешь снаряжение.

В-четвертых, в сотый раз подряд разочаровываешься в избранности.

Чтобы всего этого достичь мне потребовалась от силы минута. Вернемся немного во времени назад, чтобы разобраться, как я оказалась распластанной посреди монохромного мира с отвратительной головной болью и очередной порцией критики к самой к себе.

Итак.

Я слышу подозрительный звук. Скидываю рюкзак, одновременно с этим вытаскиваю гаечный ключ.

У колодца белая тень. Будто человек, вырезанный из бумаги. Немного прозрачный,

изгибающийся, растягивающийся и пошатывающийся на ветру. Спокойный и немного дезориентированный, но все еще один. Без резцов-щупалец и темного раздвоения.

Ну, если это не тот самый момент, где Избранная, обнажив оружие несется в бой, то зачем такие как я вообще существуют?

— Она здесь! — предупредила Георгия. Без часов он, вероятно, не мог видеть выползшую опасность. — Будьте осторожны.

Я не стала кричать, чтобы он возвращался к машине и оставил монстра мне. Я же не супергероиня и не отряд спасения. А Георг выглядит достаточно сильным, чтобы в случае чего дотащить мою искалеченную тушку до ближайшего травмпункта.

Тень сделал шаг и остановилась. Она будто сама не понимала, как и зачем здесь оказалась. Ее взгляд блуждал среди парковых деревьев, не останавливаясь ни на чем конкретном. Даже мой крик она пропустила мимо ушей.

— Аня, — позвал Георгий, оставшийся у меня за спиной. — Что вы делаете?

У меня не было времени отвечать. Я подбиралась к тени, с занесенным для удара гаечным ключом. Едва я сконцентрировалась для удара, как два глаза-туннеля прекратили блуждания.

Тень меня заметила.

Это оказалось хуже, чем в первый раз. Соприкосновение с чужой реальностью ударило по мне током высокого напряжения. Я покачнулась от нахлынувшей силы. Случилось ровно то же самое, что и за столиком в рестопабе. Дыхание перехватило. Язык будто примерз к небу, отчего мой воинственный клич застыл поперек горла.

Но в этот раз я была готова к подобному нападению.

«Малыш, — позвала я. — Можно нас как-нибудь освободить?»

В ответ донесся огонек смутного сомнения. Это означало лишь одно: дело не в магии. В рестопабе я смогла двигаться, когда отринула мысль сопротивляться и отпустила желание раскрыть присутствие тени. Возможно стоило поступить также.

Бледная голова наклонилась вперед. Глаза-воронки впились в меня, ловя взгляд. Руки занесенные для удара потяжелели и безвольно опустились вниз.

- Где Марина? — спросила я, обретя голос. Мое тело задрожало от напряжения. Я боролась со сковывающими импульсами. — Ты забрала не того, фат.

Тень отстранилась. Возможно она собиралась обойти меня или заинтересовалось чем-то на другой стороне газона, но я восприняла это так, будто она собирается вернуться обратно в Немерность.

Я не могла этого допустить.

Именно в этот момент золотая магия решила, что это отличный момент, чтобы придать силы моей бесполезной против теней воли, и толкнула вперед.

— Стоять! — закричала я, срываясь с места.

— Аня! — это Георгий. Видимо тоже обрел голос.

Тень осталась молчаливой. Даже в тот момент, когда я налетела на нее, размахивая оружием.

Полагаю, мне стоило догадаться, что белая тень не столь материальна как тени черные. Не зря же она походила на призраков из старых советских мультфильмов. Да, она оказалась бесплотной. Люди же, наоборот, в эту плоть облачены. Соответственно, при столкновении, одно легко проходит сквозь другое.

Как же я потрясающе крепка задним умом!

Если бы я успела откинуть часы в сторону, ничего бы не произошло. Колодец исчез бы, а я — рухнула бы на пожухлую траву. Но чтобы бросить часы, надо отпустить гаечный ключ. А именно им я размахивала будто припадочная.

Сопоставим первое и второе. Да, я навернулась. Запнулась. Полетела.

Не в объятья прекрасного незнакомца.

Не на шелковые простыни двуспальной кровати.

Не в фонтан с шампанским.

В чертов колодец из «Звонка».

Магия удачи, мои дорогие.

— Аня! — где-то сверху донесся взволнованный голос Георгия. Не знаю, что именно он видел без «якоря». Может я просто исчезла.

На деле же все обстояло не так легко.

Магия — магией, а цепляться за скользкие и неустойчивые поверхности я все-таки умела. Даже после того как мои ребра врезались в каменные внутренности колодца. Я изо всех сил старалась удержаться за край колодца, пока ноги беспорядочно месили воздух.

«Полный финиш, — зло подумала я, пока пальцы постепенно соскальзывали с неровных краев ободка. Ладони все еще болели после вылазки предыдущего вечера, но я вцепилась в каменную кладку, будто кошка в дерево, склонившееся над обрывом, и не отпустила бы ни за что на свете.»

Я напряглась. Один рывок, и я наверху. Я умею подтягиваться. Я делала так сотни раз. Но то был бревенчатый помост. В тот самый момент, когда я начала подтягиваться, камень раскрошился в моих руках.

Я-таки полетела вниз.

В бездонную темноту метафизического колодца.

К счастью, вся магическая фигня больше влияет на внутреннее состояние, чем на внешнее. Поэтому падение не расплющило меня в ванильный блинчик, а дезориентировало, пронесло через смешанные материи и опустило на белоснежную поляну из бесцветной травы. Я распласталась звездочкой, всхлипнула, и уставившись вверх, надеясь разглядеть дыру из которой выпала.

Мой расплывчатый взгляд встретило белое небо с чернильными звездами.

— 13 -

В черном-черном городе, на черной-черной улице...

Я ожидала реку мертвых Стикс и мрачного Харона. Или реку Забвения — Лета. Признаю, абсурдно надеяться, что на земле славянской окажется подземный мир из греческой или египетской мифологии. Но что есть у нас? Навь — это царство мертвых. Связано ли оно с царством Забвения или Немерностью? Может быть. Похоже ли оно на то, что предстало передо мной — обглоданный костяк черных высоток на фоне слепящего горизонта. Ой, не думаю.

— Хотела попасть — попала, — поздравила я себя, засовывая за пояс оброненный гаечный ключ. Я посчитала за хороший знак то, что он прилетел не в лоб, а приземлился рядышком.

Парк исчез. Вместо него вернулся пустырь, что засел в моих воспоминаниях пожелтевшей от старости фотографией. Вместо колодца — тропинка, убегающая вдаль к вытянутым постройкам.

— Какое четко-обозначенное направление моего дальнейшего пути, — восхитилась я.

Тишина давила. Мне не терпелось ее нарушить. Отбросив все сомнения, я устремилась к тропинке. Под ногами захрустели обрывки завивающейся бумаги, что заменяли растительность.

Воздух наполняла странная тяжесть, напоминающая магнитное сопротивление. В непривычном свете моя ветровка выглядела ярче, а руки четче и как будто плотнее. Я напоминала странное смешение черно-белого кино и современной цифровой графики.

— И чего тебя сюда потянуло? — обратилась я в пустоту, но адресуя вопрос пропавшей Марине.

Впрочем, оставалась я в гордом одиночестве не долго.

Тропинка петляла, город приближался искореженными зданиями. Не успела я задаться вопросом, что же буду делать, когда доберусь до ближайшей улицы, как столкнулась с первыми жителями Царства.

Две черные тени восстали из бумажной травы, будто грабли, на которые я наступала по несколько раз в день. В отличии от того, что бродило на поверхности, эти больше напоминали людей. Они обладали объемом и обычными конечностями.

Охранники?

— Здравствуйте, — сказала я. Всегда ставлю вежливость на первое место, если не успеваю сделать ноги. — Я слегка заблудилась. Не подскажете, куда утаскивают людей, похищенных из реального мира?

Одна тень склонила голову. Друга пошла по круговой в обход, заставляя меня разделить внимание.

— Меня зовут Аня, а вас?

Тень, что продолжала стоять, разомкнула то, что должно было являться ртом. Кривая полоса разрешила мазутную густоту и из нее вышел звук.

— Лиш-ш-шняя. — С таким шипением вода испаряется с пышущих жаром камней.

Меня пробрало. Закачало как от третьей стопки водки на голодный желудок. Сдерживая необдуманные порывы, я повернулась к другой тени.

— Очень красивое имя, а ты у нас кто?

Второй охранник не нашел причин вести диалог. Как только последнее слово слетело с моих губ, существо остановилось. Одну долгую секунду оно стояло без единого движения и, как только я решила, что все обойдется, рвануло вперед.

Я еще не успела моргнуть, когда тень врезалась в меня, опрокидывая наземь. Одна чернильная рука вцепилась в мое плечо, а вторая в волосы.

Я взбрыкнулась.

Замахнулась в угловатую челюсть.

А потом тень-охранник прикоснулась к моему виску и все изменилось.

Нет, не вокруг. Все осталось на своих местах. Что-то изменилось внутри меня. Вот бьет адреналин, побуждая вырывать свою жизнь когтями и зубами. Желания скачут от одного к другому: я хочу найти Марину, хочу спасти ее, хочу узнать все о системе Немерности и разрушить ее. А в другой момент я неожиданно чувствую себя разочарованной и брошенной. Будто во время романтического ужина, парень с которым у меня все серьезно, заявляет, что вчера переспал с моей соседкой. Все же было так замечательно: вино, цветы, конфеты, золотой кулон в виде сердечка. Но вот всего пара слов и внутри все переворачивается с ног на голову. Обрывается какая-то нить, что сминает весь мир в бумажный комочек.

И тень меня отпускает. Но, кажется, мне уже все равно.

Она протягивает руку и помогает мне подняться. А я оглушена чувством предательства, хотя и не могу понять чьим.

Она тянет меня за собой. Я иду. Внутри холодно, неприятно и пусто.

Перед глазами мелькает слайд из Power Point.

Мы в городе.

Слайд.

Здания, что картонные декорации. Их черные массивные каркасы, вздымаются вверх готическим антуражем.

Слайд.

Я не могу говорить и не хочу. Я оглушена и подавлена.

Слайд.

По улицам бродят другие. Кто-то больше похож на человека, кто-то меньше. Тени-люди, люди-тени.

Слайд.

Указатели и повороты.

Чуть позже, вспоминая эти моменты, я поняла, что не было никаких слайдов. Мое сознание погасло, а воспоминания об улицах — короткие вспышки прозрения.

Мы шли.

Слайды сменялись один за другим.

Черное и белое медленно превращалось в серые оттенки и полутона. Это совершенно никак меня не трогало, пока мой собственный крик не заставил очнуться от безликого забвения.

— Твою мать! — заорала я. Теневой шок пропал, когда перед глазами мелькнуло лезвие.

Из груди тени вырвался меч, задержался на секунду и исчез. Пленитель, шедший слева, повалился на бетонный тротуар, растекаясь мазутной лужицей. Второй успел повернуться, прежде чем его голова улетела на пустую дорогу.

Че за жесть-то среди ночи?

Я как стояла, глядя на пошатнувшееся тело, так и стояла. Из проулка появилась рука, схватила меня за шиворот и потащила в темноту проулка. Я не сопротивлялась. Но уже не из-за странной апатии предательства, а слишком потрясенная внезапной атакой.

Да, вот такая я крутая и натренированная Избранная.

— Ты? — ахнула я.

Подворотный рыцарь вжал меня в стену, жестом предлагая заткнуться. Именно «предлагая». Результат его не особо волновал. Он выглянул из-за угла, проверяя, не всполошило ли теней убийство их сородичей. Видимо, гражданская ответственность у местных жителей находилась на нуле. Ни единого крика, ни единого поворота головы в нашу сторону.

— Какого черта ты творишь? — зашипела я, еще не до конца придя в себя.

Подворотный рыцарь замешкался.

— Спасая.

— Тебя просили?!

Он отстранился. Выражение лица сменилась на удивление и неуверенность.

— Тебя поймали на «крючок» и вели на опустошение.

— Все шло согласно плана. — Я скосила глаза в сторону тротуара. — Святы единоржки,

ты что убил их?

Рыцарь, будто стесняясь, завел меч за спину. Уточнил:

— Плана?

— Агась, — подтвердила я. — Классический план любого боевика. Борешься, проигрываешь, тебя берут в плен и ведут в логово зла, а затем ты разносишь там все изнутри и сбегаешь под красивую музыку.

Лысый мужик не оценил моей гениальности (и гениальности сотен сценаристов блокбасткров). Но он вообще не очень походил на человека глубинной мысли. Я тоже таковой не являлась, но я хотя бы притворялась!

— Я спас тебя, — с нажимом повторил рыцарь. — Уже второй раз подряд.

— Ну спасибо, — схватила я за голову. — И что мне с этим спасением делать? Я не из тех Избранных, что спасают. У меня это так не работает. Я та Избранная, которой все остальные ситуацию только усугубляют.

Мужчина вздрогнул.

— Ты — Избранная?

Блеск лезвия в очередной раз описал дугу в воздухе.

— А, — уставилась я на кончик меча, застывший у меня промеж глаз. — Да, спасибо. Так мне привычней.

— 14 -

Я отодвинула край ветровки и предупредила:

— Не тычь в меня этим.

Мужчина стрельнул взглядом на мой пояс. И совсем чуть-чуть не успел, чтобы среагировать, когда гаечный ключ вдарил по лезвию. Рыцарь не выпустил оружия, но меч ушел в сторону. Я поднырнула вниз, уходя от ожидаемого удара. Мужчина сменил траекторию, но гаечный ключ уже летел ему в коленную чашечку.

Не самая моя соразмерная реакция на невербальную угрозу, но день как-то не задался.

Рыцарь взвыл.

Это немного отрезвило. Я отлетела в сторону и замерла, глядя как мужчина оседает на землю, да так там и остается. Ему хватило. Или сражаться с тенями не то же самое, что с живым человеком. Наносить увечья — это не так просто, как кажется. Тут особая подготовка нужна и некоторые сдвиги. Не все с самозащитой справляются, что говорить об осознанных нападениях?

У меня барьер немного сдвинут, и то жалко лысого бедолагу, что минуту назад мечем перед носом размахивал.

В тонком помятом пальто, болтающимся как на скелете, человек больше не казался опасным. Наоборот, в Немерности он выглядел еще более худым и болезненным, чем на поверхности. Таких не бить, таких сдавать в центр реабилитации.

— Эй, спокойно! — наставила на него ключ. — Ты первый начал. Шелохнешься, еще раз огрею. И так будет до тех пор, пока не объяснишь.

— Объясню — что? — просипел он, ощупывая ушибленную конечность.

— Хоть что-нибудь.

Черт, я же не раздробила ему колено?

— Где ты взяла эту штуку? — Слова дались ему с трудом. Он и без меня-то сипел, как последний курильщик.

— Из багажника. А где ты взял меч?

Он помедлил, прежде чем ответить.

— Из музея изобразительных искусств.

— С выставки спер? — ужаснулась я.

— Одолжил, — ответил он, неуклюже поднявшись. Вонзив острие меча между плитами, крепко за него ухватился, смещая центр тяжести на правую ногу. — Я работник музея.

Кажется, я многое не знаю о наших музеях. Советовали же на работе сходить. Специальная женщина приходила, о выставках рассказывала. Нет же, я упорно и старательно отказывалась. Вот и настала расплата.

Что-то в моем взгляде такое промелькнуло, отчего дохлый недорыцарь пояснил:

— Это особенный меч. Он хранится в музее с самого его основания. Никто не знает, откуда он там взялся или кому принадлежит. С ним связано много странных случаев. И фаты — один из них.

Что ж, для начала сойдет.

— Ключ? — кивнул мужчина на мое средство защиты от подозрительных личностей.

— Тоже особенный. — Сказала я. — Но не одолженный, а собственноручно купленный. Принадлежит мне. И ты — первый странный случай, что с ним произошел.

— От фатов он не поможет.

— Возможно, а вот от агрессивных мужиков сгодится. Что ты имеешь против Избранных?

Учитывая, что музейный рыцарь опирался на меч и едва сдерживался, чтобы не морщиться от боли, глупо было стоять с гаечным ключом в замахе. Но лучше я побуду глупой, чем покромсанной тупым длинным предметом. А он именно что тупой, учитывая то, как по-варварски с ним обращаются. И ведь не кто попало, а культурный и образованный человек. Кошмар, куда катится образование.

— А ты — она?

— Зависит от твоего ответа. И пожалуйста, умоляю, не говори, что есть какое-то пророчество. Мне вот этой всей фигни вокруг хватает, чтобы сомневаться в нормальности собственного психического здоровья.

— Это все настоящее, — серьезно ответил рыцарь.

— И?

Мужчина задумался. Что-то в его серых и тусклых глазах напоминало мне Клода. Может та обреченность, с которой металло-бог провожал каждую Избранную, когда та поворачивалась спиной и заходила в портал.

— Это не пророчество. — Наконец ответил он. — Это на уровне слухов. Иногда фаты шепчутся между собой. Иногда я их слышу. Они говорят, что придет та, кто неизбежна. И назовется Избранной. Изменит то, что незыблемо. И воссияет сила, что была утрачена. Откроет проход тому, кто заперт. И мир пошатнется.

— Какое очень точное не-пророчество. — Я посмотрела на небо. Уползающие вверх костяки зданий, тянулись вверх к звездам-кляксам. — Красноречивое. Но можешь успокоиться, я не Избранная, — отдернула край ветровки и засунула ключ обратно за пояс. — Была когда-то, но Избранные — продукт разовый. Исполнил предназначение и все, возврату не подлежишь. А вот кто ты и зачем здесь?

Может Марина Избранная? А я отправилась вместе с ней, когда поняла, что она идет в наш мир. Но тогда бы я вышла из портала, а не проснулась в собственной постели. Опять же,

магия?

— Три ночи. — Мужчина на пробу с делал шаг. Небольшое движение вызвало на его лице короткую гримасу боли, но он быстро ее подавил.

— Не поняла.

Опираясь на меч как на трость, лысый мечник похромал к стене.

— Есть три ночи, чтобы отбить того, кого увели фаты. Потом не имеет смысла. Человек меняется и наш мир перестает его принимать.

— Так ты занимаешься тем, что спасаешь людей из Немерности? — воодушевилась я. Противостоять теням, когда вас двое, не так страшно, особенно если второй — это вооруженный мечем работник музея. — Мог бы сразу сказать.

— Я их не спасаю. Давно уж не спасаю. Три ночи — это предел, после которого людям нет дороги назад. Но они сами не очень хотят возвращаться. Фаты внимательно выбирают своих жертв.

— Ненужные, — вспомнила я. — Те, у кого истончилась связь с миром. Но Марина к ним не относится.

К ним относилась я, но не та что сейчас, а та, которой была.

— Разве ты не видела, с каким рвением твоя подруга вошла в проход? — возразил он. — Не замедлила шаг, не обернулась, не попрощалась. Обычно люди держатся за свои иллюзии, сопротивляются, но она не сделала ни единой попытки.

— И тем не менее, ты здесь.

Легкое подобие улыбки мелькнуло и тут же было подавлено серьезной гримасой.

— Ты так сражалась за ту девушку, что я подумал, может не все потеряно? Может в этот раз фаты в самом деле ошиблись. Или нет? Как ты здесь оказалась? Я же забрал зажигалку.

Я продемонстрировала часы, застегнутые на запястье. Но продемонстрировала на расстоянии. Мало ли что музейному фетишисту придет в голову.

— Не снимай их. Если обронишь или потеряешь, обратно дороги не найти. Хотя это не твой якорь, но он активен.

— Якорь?

— У нас всегда есть какая-то мелочь. То, что связывает с миром. Вещь, наполненная воспоминаниями, мечтами, желаниями, обидами. Сильной эмоциональной составляющей.

— У меня нет таких вещей.

— У всех есть. Старая цепочка, которую подарила мать. Монетка, что приносит удачу. Плакат любимого певца.

— Плакат певца? Мне что — пятнадцать и я из нулевых. Да и кто станет таскать с собой плакат?

— Плакаты всегда в трендах, — возразил рыцарь со знанием дела. — Это пример. Вещи со временем меняются. Раньше нам дорого одно, потом другое. Но суть одна — они нас привязывают к материальному миру нашими чувствами и эмоциями.

Если подумать, вся моя комната была забита любимыми вещами. Ежегодно она проходила очистку по принципу Мари Кондо — избавляемся от всего, что не приносит радость. Оставались только самые важные и любимые вещи, без которых никак.

Так я думала до Центра. Как оказалось, обойтись можно без телефона, нефритовых сережек, числовой янтры удачи, социальных сетей и кошелек с кошечками.

Нет у меня больше привязанностей.

Разве что к еде.

Сейчас бы пончик...

— Хорошо, убедил. Так куда держим путь, о смелый и отважный рыцарь?

Мужчина едва не поперхнулся. Краски смущения заиграли на бледно-сером лице. Набежавшая краснота почти превратила его в живого человека, а не восставшего скелета.

— Рыцарь? — просипел он.

— Мне надоело «тыкать», а как тебя звать, я знаю. Я — Анна. Хотя, нет, если началась кутерьма с магической ерундой, так не пойдет. Не хочу все воспринимать слишком реально. Да, зови меня Дробью.

— 15 -

Котлован.

Огромная воронка земли, в центре которой массивное здание в три этажа. Квадрат с дыркой посередке. Ничего футуристического. Бетонные блоки, мощные стены. Блеклые стены. Незаконнорожденное дитя индустриального периода.

Единственный способ подобраться к проходу — это вкруговую спускаться по сыпучей земле. Максимально медленно и аккуратно. Один неверный шаг, и ты кубарем летишь вниз, где вскоре заканчиваешь движение смачным ударом о стену.

— Кажется мне что-то подобное снилось. — Сказала я, чтобы унять нервозность. Энергетика от здания шла исключительно тревожная и угрожающая.

— Когда впервые увидел его, тоже так подумал. — Отозвался Виталий.

Он же Витя, рыцарь подворотни, мечник подвала и колодца, младший сотрудник музея, два метра и лысина, хороший мужик с подбитой ногой и страшный кошмар косметолога.

— Сможешь спуститься?

К котловану мы добрались не сразу. Сначала у нас произошел долгий спор, где мечник Виталий убеждал меня, что девушкам неподготовленным (и вообще всем девушкам, но мне особенно) не стоит ходить по Немерности. Видите ли, я не знаю мер безопасности, боевая единица из меня сомнительная и, в конце концов, я будущая мать. Пришлось напоминать, что я дама не из робких, запросто вдарю и по второй коленке, и постыдилась бы жердь субтильная с этой самой будущей матерью спорить. Нашелся тут, пророк недоделанный, цыганка перерослая, что б его так. Мать будущая, ага. Там еще с мужем не все срослось.

— И с мечом я лучше тебя обращаюсь. — Оскорбилась в лучших чувствах. — Видела твои выпады. Тени так стыдно за тебя стало, что она предпочла сбежать. А другие две со стыда померли.

На этом Виталий принялся объяснять все сложности владения оружием. Я вступила с возражениями и дополнениями. Он набычился. Пробовал отмахнуться, опять напоминая о разных тонкостях взаимодействия с потусторонними существами и двухкилограммовыми мечами длиной в мой рост. Последнее, кстати, ложь наглая. Я выше среднего, а длина одноручного меча меньше, чем полтора метра.

— Значит, умеешь? — Сухо спросил рыцарь. — С настоящим. С тяжелым и острым.

— Ага.

— Исторические реконструкции? Сходки ролевиков? Клуб любителей военной истории?

— Вроде того, да.

— Что-то я тебя не видел среди участников.

— Ты знаешь всех членов всех клубов?

— Узкая направленность. — Пожал он плечами. — Все друг друга знают. Единственный достойный мастер меча давно уехал в столицу. Кто же тебя тренировал?

— Он иностранец и не из нашей страны. — Честно ответила я.

— Между фехтованием и реальным боем на смерть есть огромная разница. — С долей снисхождения заметил Витя. Который вот с таким-то именем имел наглость относиться ко мне свысока. — Нет штрафных или запрещенных ударов. Противник проводит совсем другие связки, чем те, что ожидаешь от человека.

У нас были тренировки вроде тех, где каждый сам за себя. Где Клод стоит в сторонке, а десять голодных девиц на мечах решают, кто сегодня ужинает, а кто на диете. Но вот с щупальцами-лезвиями иметь дело не доводилось. Как тебе такой просчет, а Клод? Об этом ты не подумал.

— Вить, ты с трудом ходишь. Моя вина, признаю. Но ничего не поделаешь.

— У нас есть еще одна ночь. Подлечу коленку и вернусь.

— Сам же сказал, что три ночи — это предел. Прямо сейчас может быть поздно. Не хочешь давать меч — не надо. Ключом отобьюсь. Скажи, куда фаты увели Марину и разойдемся.

Когда рыцарь понял, что сдаваться я не собираюсь, он сдался. Но одну не отпустил. Вместе со мной похрамал. Морщился от боли, сжимал зубы, бурчал под нос, но упрямо шел. Не перевелись еще настоящие мужики. Хотя, если продолжат так бездумно геройствовать, то все-таки переведутся.

Прошло не меньше вечности, прежде чем мы добрались до котлована. И вот глядя на строение из забытых кошмаров, я чувствовала, как мурашки ползут по спине с явным намерением свалить от меня куда подальше.

— У них есть главный? Кто ими командует?

— Женщина-медуза. Но с ней лучше не встречаться. Обойдем стороной. Новеньких держат в правом крыле.

Рыцарь коротко описал план.

Ничего сложного. Притворяешься тенью и тихонечко крадешься по коридорам. Охраны нет в привычном нам понимании. Те, кто попадают внутрь, не горят желанием куда-то уходить. Оттуда не сбегают и туда не вламываются. Никаких замков, никаких патрулей.

Нет желающих проникнуть в сердце Немерности. По крайней мере, рыцарь раньше таких не встречал. Было дело, попадались счастливчики, случайным образом занесенные на эту сторону. Но обычно они не знали, как сюда попали и что здесь происходит. Когда-то у Вити была целая группа любителей-исследователей. Они не боролись с фатами (не знали, что с ними надо бороться), они изучали Немерность. Пытались понять законы ее существования, занимались картографированием, проверяли разные теории. Они не трогали фатов, а фаты не трогали их.

Целая группа добровольцев-исследователей Немерности! А потом Витя остался один. Больше он никого и ничего в Царстве Забвения не изучал.

— Иди за мной. Не проявляй интереса, не смотри им в глаза и оставайся равнодушной. Их может спровоцировать любое проявление сильных эмоций.

Хороший был совет.

Следуя ему, мы спустились вниз и проникли в здание. На дверях не было замков. По коридорам бродили, то заполняя лестничные пролеты, то расходясь по кабинетам

Квадратное сердце Немерности напоминало школу. Центральная лестница,

симметричные коридоры, двери с нечитаемыми табличками. И несмотря на всю наполненность, здание продолжало казаться пустым и негостеприимным.

Фаты огибали нас, будто масло, скользящее по воде. Мы в самом деле были им не интересны. Когда мы пробрались на второй этаж, тени и вовсе поблекли, и практически пропали.

Все шло как нельзя лучше.

А потом я все испортила.

Тень вынырнула из-за двери прямо передо мной. Я не взвизгнула. Не закричала. Даже не испугалась. Я сделала нечто более глупое и безумное.

Я заглянула в кабинет.

Краем глаза.

Я ничего не выискивала. Это было даже не любопытство. Я не хотела знать, чем фаты занимаются в свободное от похищения людей время. Но тусклый голубенький свет (цвет в черно-белом мире!) мазнул на периферии. И я посмотрела.

— Дробь, — шикнул рыцарь, когда я запнулась на ровном месте. — Дробь, — куда напряженной позвал он, когда я остановилась. — Что ты творишь?

Он дернул меня, но было поздно. Я ухватила за ручку и распахнула дверь настежь.

— Дробь?

- Это Атрос, Витя. Это же Атрос!

— 16 -

— Тише! — прошипел рыцарь. — Какой Атрос? Мы здесь одни.

— Нет же. Смотри! — Я ткнула пальцем на учительский столик.

Это был самый настоящий школьный кабинет с партами, доской, портретами великих людей и книжным стеллажом. Будто в старом советском кино. Не хватало только вымпелов, флагов и стенгазеты. Зато был тот самый стол с макетом вулкана, из которого исходил голубоватый свет.

— Что я должен видеть? — спросил рыцарь, аккуратно прикрывая за нами дверь.

Совсем маленький вулканчик с ладонь высотой, а внутри кристаллы. Мелкие, будто крошево стекла, блестящие, как песчинки золота. Рядом крошечный колокольчик. Я была уверена, что если в него позвонить, то симпатичная металлическая конструкция издаст тот самый перезвон, сопровождающий каждое слово Атроса.

— Цвет, — сказала я. Конечно же Витя не мог знать Атроса, но голубоватое сияние, не характерное для черно-белого фильтра Немерности, не могло казаться обыденным. — Исходит из жерла. Вот, это Атрос в миниатюре, хоть и не яма.

Он же видит это все, да? Моя кукушечка еще не улетела из домика?

— Мы натыкались с друзьями на этот феномен, — осторожно отвечивая каждое слово, ответил исследователь-любитель. — Но не смогли определить, что является источником голубого свечения и откуда он берется. Атрос — это физическое или химическое явление?

Религиозное, — мысленно ответила я, понимая, что не могу то же самое сказать вслух.

— Блин. Я не уверена.

Мужчина приблизился к столу.

— Скажи ведь, напоминает сооружение для совершения ритуальных действий. Базовый алтарь с тремя объектами поклонения. Звук, — указал на колокольчик, после перевел палец на вулкан, — свет. А вот у нас блюдце с выгравированным цветком.

До этого я не обращала на него внимания, но вот теперь пригляделась.

— Лотос?

— Запах. Я полагал, что на блюде помещают цветок в качестве подношения. И это не лотос. Неправильный изгиб внутреннего круга лепестков и форма тычинок иная.

— Или у кого-то кривые руки, — предположила я, в то время как в голове прокручивались те несколько дней в Лэйтарии. В их строениях на стенах и на полу располагались похожие не-лотосы. Они работали как считывающие устройства, определяя, кому открыт проход, а кому нет. — Так это алтарь?

Рыцарь приложил палец к губам, прислушиваясь к чему-то. Покачал головой.

— Ни в одной из религий, ни у одного из племен нет точно такого набора ритуальных атрибутов. О которых нам известно, конечно же. Что из себя представляет свет, мы не смогли разобраться.

Мои ладони вспотели, когда я оказалось рядом с мини-алтарем.

— Ты пробовал звонить в колокольчик? Притащить любой другой цветок?

На сером болезненном лице сложно было разглядеть, и все же показалось, что мужчина побледнел. Буквально несколько тонов отделяло его от того, чтобы он начал светиться подобно луне.

Рыцарь покачал головой, но жест означал не «нет». Он нес иной посыл: не вздумай этого делать!

А руки чесались проверить.

Это совпадение? Если нет, то может ли быть алтарем Атроса? Но кто мог его здесь разместить и зачем? Незыблемый трон десятки тысяч лет назад уничтожил богов. Лэйтарцы забыли их имена и избавились от всего, что напоминало о теистическом прошлом. Безликие и безымянные боги канули в лету. Атрос остался жив лишь потому, что к моменту великой битвы он перестал быть действующим богом. Как и его магия. Как и символы его величия?

Единственные, кто знают, что Атрос — выживший бог Лэйтарии, это я и Тинхе. И мы оба не имеем представления, как Атросу поклонялись в те древние времена. Я так точно. А Тинхе скорее самоубьется собственным мечем, чем притронулся к чему-то подобному.

Рыцарь шлепнул меня по ладошки. Это стоило ему еще одной гримасы боли, поскольку он сместил вес на больную ногу. Я отдернула руку и зашипела:

— Да не собиралась я.

— Уходим, мы слишком долго на одном месте.

Я бросила последний взгляд на исторгающий свет вулкан. Все-таки вулкан, а не яма. Монохромный мир связан с Атросом. В Лэйтарии созывается совет. А я здесь.

Атрос стер мне память и вернул домой, чтобы защитить от Врага? Я могла это попросить, но он не смог бы этого исполнить.

— Больше никаких отклонений. — Рыцарь вышел первым.

Я перехватила закрывающуюся дверь и толкнула ее не сдерживая сил. Кто ж мог подумать, что у нее нет ни стопора, ни доводчика? Але, двадцать первый век!

Дверь легко поддавалась движению, влетая ручкой прямоком в стену. Грохот пронесся по коридорам, удвоенный эхом. Будто в мусоропровод скинули весь набор строительных материалов.

Секунду я таращилась на дверь-предательницу, а рыцарь на меня.

— Бегом! — скомандовал он, очухавшись первым.

Мы преодолели поворот.

Нырнули в одну дверь, миновали несколько сквозных кабинетов. Вынырнули из другой двери.

Рыцарь чертыхнулся. В конец коридора медленно стягивались фаты. Судя по их колыханиям, они совершенно точно знали, кого надо преследовать.

— Туда.

Еще одна группа кабинетов.

Фатов на пути становилась все больше и больше. Они уже буквально вываливались нам навстречу. А мы двигались прискорбно медленно.

— Надо подняться на третий этаж. Там другая лестница, пройдем через нее.

— И фаты прямо на пути!

— Пробежишь мимо них. Они тебя не догонят, но отвлекутся. Их всего двое, я справлюсь.

— Но...

— Бегом! — заорал он.

Не хочу все сваливать на рефлекс, но с некоторых пор, когда кто-то кричит в приказной форме, что я должна выполнить физическое упражнение, мое тело паникует и стремится исполнить желание Клода. То есть, орущего. Исполнить желание орущего.

А-а-а-ай!

Я пролетели мимо фатов со скоростью ракеты (или пассажира, опаздывающего на последнюю маршрутку). Возможно я даже пролетела сквозь них. Лестницу одолела в три прыжка. Шмыгнула за ближайший поворот. Крутанулась на триста шестьдесят градусов, проверяя, нет ли неожиданных гостей. И только после этого припала к стене, жадно глотая воздух.

Не поймали! Удалось. Умничка я!

Я присела на корточки, прислушиваясь к звукам внизу. Тишина.

Так прошла одна минута. Потом другая.

Я стала что-то подозревать.

На четвертой минуте я выбралась из укрытия.

На пятой вышла на лестничную клетку.

Никого.

Спустилась вниз.

Тот же результат.

Рыцаря не было. Отсутствовали тени. Я оказалась в том страшном кошмаре, где мне двенадцать, все уши, я одна застряла в пустой и запертой школе на всю ночь. И то ли кричать, то ли забиться в угол?

Я не понимала, в какой части здания нахожусь. Я перестала ориентироваться в пространстве после первого же кабинета.

Я шла.

Коридоры продолжали пустовать. Ни одного долбанного фата!

Не знаю, долго ли я блуждала, пока на глаза не попала странная фиговина. Одинокая штука посреди пустого коридора и очень сильно что-то напоминающая.

На полу валялся меч.

Поскольку других мечей, кроме того, что был у Виталия, я не видела, вывод напрашивался один. В какой-то момент рыцарь отшвырнул меч подальше, чтобы тот не достался фатам.

Я со злости ударила себя по лбу.

Надо было сразу забирать у него этот проклятый меч! Даром, что вместо трости его использует.

Я направилась к находке, тихо бормоча проклятья.

Оставалось совсем немного, когда мне под ноги упала тень. Не выпуклая, а обычная, что бывает у людей. Если предположить, что на головах у них клубок змей.

— Твою мать! — я отскочила назад.

Тень выползла вперед, открывая вид своего носителя.

Женщина-медуза, — так назвал ее рыцарь. Я бы выбрала — мадам Горгона. И это все равно не отображало бы то, с чем я столкнулась. Она выглядела человеком, за тем исключением, что из ее головы торчали тонкие извивающиеся тени, которые издали напоминали змей.

Она вышла вперед, окончательно отрезая меня от меча. Справа от нее маячила моя старая знакомая — белая тень. Двоящийся фат. В ябедническом жесте он поднял худую руку и указал на меня. Горгона осталась неподвижна, но тени-змеи на ее голове зашипели в синхронном кивке.

— Не рыцарь оставил меч. — Констатировала я, как раз тогда, когда следовало не говорить, а драпать. — На живца ловим.

В этот раз поблажек мне не делали. Фат раздвоился мгновенно. Я бросилась назад, мне преградили путь. Добрая половина теней столпилась у прохода. От них исходила такая пронзительная тишина, что закрой я глаза, решила бы, что до сих пор стою в одиночестве.

— Не сдамся, — предупредила я, потянувшись за гаечным ключом.

Опять же, не следовало разоряться на слова. Как и поворачиваться спиной к монстру, которого уже видела в действии.

Сильный толчок в спину повалил меня на пол. Рука с ключом оказалась зажата.

В бессилии я закричала. А когда тень щупальцами вонзилась в мою голову, я закричала совсем по другой причине.

— 17 -

В глазах вспыхнула темнота.

Я не успела попрощаться с жизнью. В мое сознание впились крошечные клыки разозленной тени.

Это снова был коридор.

Я едва держалась на ногах. Очередная тренировка измотала меня до подкашивающихся ног и цветных крапинок перед глазами. Цепляясь за стены, я шлепала босыми ногами по сырому полу.

— Дробь! Избранная Дробь! — окрикнул меня девичий голос.

Новый поток Избранных был до неприличия молод и позитивен.

Я остановилась. Резвые шаги сровнялись со мной очень быстро. Демонстрируя голосом все оттенки своего самочувствия, спросила:

— Это срочно? А то я собиралась упасть лицом в подушку и не вставать до восхода солнца.

— Здесь нет солнца, — замешкалась наивная Избранная.

— Да, в том и фишка. Что хотела?

Видимо на моем лице мелькнуло что-то недоброе, потому что девушка отскочила назад на несколько шагов и резво защебетала.

— Вот скотство, — заключила я, выслушав проблему. — Почему сейчас?

— Я что-то не так сделала?

— Ты правильно поступила. Если подобное повторится, сразу сообщай мне. И других предупреди. А лучше прекращайте шнырять там, где не положено.

Девушка кивнула и поспешила удалиться прочь.

Я прикинула, как выгляжу после очередного занятия у Клода. Растрепанные волосы, засохшая на лице грязь, подбитая губа и рассеченная бровь. Рукав порвался, когда я падала с платформы, подол я укоротила намеренно, а ботиночки связала шнурками и перекинула через плечо.

— Интересно, отсохнет ли у тебя язык говорить мне комплименты? — направилась я в запретный зал. — Посмотрим, насколько ты будешь хорош теперь.

Существовал всего один человек, способный достать меня где угодно. Враг. Врагом считалась Империя Золотой Оси и все ее представители. Но те, кто действительно нес вред — Странники. И Тинхе был одним из них. Самым идейный, самый злопамятный и самым фанатичный. Однажды мне хватило глупости ему противостоять. Все бы ничего, но я победила. На его собственной территории. Два раза.

— Очень плохой способ привлечь мое внимание, Тинхе! — грозно заявила пришельцу с другой стороны зеркала.

Красные шторы были распахнуты, обнажая защитный глянец. За хрупким стеклом на меня смотрели голубоглазый блондин.

Ой-ей.

— Свободного дня, Не-лэй. — Отозвалась полная противоположность моего преследователя.

Светловолосый, в стильном современном костюме кремового цвета. Нагловатый, пижонистый и себе на уме. В первую нашу встречу он пытался сдать меня совету Лэйтарии, заподозрив что я не та, за кого себя выдаю. В следующую предложил некое подобие союза против Тинхе. Что он может хотеть от меня сейчас?

Аматри.

— Кто сотворил с тобой подобное? Ты снова в Деополисе?

— Это называется заботой о здоровье и поддержанием физической формы, но что лэйтарец может об этом знать? Каким тебя ветром занесло, Аматри?

— Попутным. — Улыбался он по привычке, а вот пялился изнеженный ублюдок с ухоженными ногтями весьма искренне. — Это добровольный выбор облика?

Не знаю, что с другими Странниками, но Аматри не интересовался Центром. Не уверена, принадлежал ли он вообще касте Странников. Видеть его в зеркале было слишком непривычно. Кроме Тинхе этот способ никто не использовал.

Кстати, о моем лично темном Враге. Тинхе воспринимал Аматри не слишком серьезно. Относился как к младшему одиннадцатилетнему брату, который всячески пакостит и достает ерундой, но стукнуть его нельзя, потому что мелочь пузатая, да и мама заругает. А вот исподтишка тычек дать — это запросто.

— У меня без того нет причин быть вежливой, не добавляй проблем. Хотел чего?

— Я с мирным визитом, Не-лэй. — За его плечами простиралось чистое голубое небо. Сам он стоял на краю утеса, поигрывая тросточкой, которую перекладывал из одной руки в

другу. На голове красовалась шляпа, достойная столичного денди девятнадцатого века. Все в его виде демонстрировало легкую беззаботность, что должна внушать доверие. — Пришел предупредить о грозящей опасности.

— Не води меня за нос, Аматири. — Скрестила руки на груди. Защитный жест, который хотелось подкрепить чем-то весомым. Магическим пульсаром, например. Но когда бог раздавал толковую магию, я стояла у подноса с горячими пончиками. — Здесь сейчас ты главная опасность.

— Именно так, — согласился он. — Сейчас, да. Но ты слышала, что я сказал. Гро-зя-ща-я опасность. Та, что произойдет в будущем. — Он легонько постучал набалдашником трости по подбородку, морщинки сбежались к уголкам светлых глаз. — Ты в прошлый раз казалась умнее. Это что-то возрастное или исключительно женское?

Ох, эти классические комплименты лэйтарцев.

— Еще один подобный выпад, и я закрою шторы, зацементирую проход к зеркалам погибших миров, а там сам решишь, кто казался умней, чем есть на самом деле.

— Вот поэтому и не люблю я Избранных, — скорчил Аматири обиженку, после чего сразу рубанул. — В Лэйтарии соберется совет по твою душу. Главы девяти домов направят девять глашатаев своей воли, чтобы определить место дикарки, обладающей магией, переданной ей не по праву.

Обмороки от плохих новостей — это не мое. Но кровь отхлынула от лица, а в желудке возникло странное сосущее чувство. Я ухватилась за раму.

— Можно еще раз и медленней?

Он повторил. Смысл особо не поменялся, но я уточнила:

— Речь обо мне?

Он кивнул.

— А что значит не «по праву»?

— Не по рождению от лэйтарца, не по лицензии от соответствующего дома.

— Ничего не понимаю. Я нарушила какой-то ваш закон?

— Это решит совет.

— Так мне что, нужен адвокат? Или я должна подготовить речь?

Он непринужденно рассмеялся, после чего недоверчиво уточнил:

— Кому есть дело до слов не леди? В лучшем случае, тебе позволят пояснить некоторые аспекты.

Обожаю лэйтарские законы!

— Повесток мне не приходило, значит могу не появляться, так?

— О, это ничего не изменит, Не-лэй. Когда внесут решение, всем Странникам поручат перенаправить свои силы на твои поиски.

— Так что мне делать?

— Ни малейшего понятия.

— И смысл меня предупреждать, если я ничего не могу изменить? — спросила я, мысленно заперев себя в Центре на веки вечные.

В принципе тут не плохо. Останусь вечно молодой, незамужней и беззаботной. Всем буду говорить, что ушла в женский монастырь. Все равно тут куча баб, а из мужиков — яма, статуя и отрок.

— Кое-что ты все-таки можешь, — Аматири вернул улыбку беззаботного парня. — Что тебе известно о Незыблемых?

Вопрос оказался не риторическим. Я рассказала все, что знала о Незыблемом Троне Первых и о Вечных, что его представляют. Как оказалась, знаю я не много. Незыблемый Трон Первых — главный управляющий орган Лэйтарии. Вечные — члены правящей семьи. Кто-то из них сверг богов Лэйтарии сотни тысяч лет назад. Наверное.

Ответ Аматри не впечатлил.

— Незыблемые — это Вечные, они же Первые. Те, кто уничтожили богов, даровали лэйтарцам свободу, основали великие дома и заложили фундамент Золотой оси.

— Как много титулов. С первого раза не определились, кто они?

— Незыблемые, потому что их сила и власть нерушимы и не подвергаются сомнению. Они всегда на страже порядков и устоев Золотой оси. Вечные, потому что их покровительство будет существовать всегда. Ну и Первые, поскольку именно они создали империю в том виде, в котором она существует на данный момент. Основали девять главных домов, что управляют всей Золотой осью. Первый Маг основал дом Непознанного. Первый Архитектор — дом Архитектоники. Первый Странник дом Исследователей.

— Гм, — хмыкнула я. — Мощные ребята. И при этом бессмертные?

Чуть-чуть стало не по себе за высказанное ранее пренебрежение к Незыблемым.

Боги, сами по себе, не самые добрые и всепрощающие ребята. Люди, сумевшие их превзойти, вряд ли имели более легкий нрав. Если лэйтарцы — эгоцентристы, что говорить об их предводителях? Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно.

— Квазибессмертные, как и все лэйтарцы. Но они единственные, как считается, существуют так долго.

Э! Я же без интернета. Вся информация только у Атроса. А он занятой и лимитированный.

— Квазибессмертные? Я слов таких не знаю.

В этот раз Аматри приложил трость из блестящего серебра ко лбу.

— Нет, Не-Лэй, не сбивай меня. Ты недостаточно милая и забавная для этого. У Тинхе есть интерес с тобой возиться, у меня — нет. И его интерес — единственное, что есть в тебе стоящего. Повторю всего раз. Незыблемых девять. Это сильнейшие маги ушедшей эпохи. Никто из ныне живущих не смог достичь их уровня. Они положили начало всему.

— И что мне до этих Незыблемых? Или им до меня? У них есть специальные места и особые уровни, где они могут спокойно находиться, чтобы не быть потревоженными остальными лэйтарцами. Не похоже, что они очень любят внимание.

У одного из таких проходов я как раз встретила с Аматри в первый раз.

— Именно! Они скрывают свои личности, не желая быть узванными. Поэтому Ты должна явиться на совет.

Если бы у меня мог выпасть глаз, он бы выпал.

Тинхе, когда пытался обманом получить доступ к Центру, целое шоу разыграл. А тут я даже логическую цепочку построить не могу.

— Не-а. Не прокатит. Долго запрягаешь, приятель. Чего мелочиться, давай сразу сдам все миры, о которых мне известно.

— Сдавай, — равнодушно отозвался Аматри, будто мое предложение скорее обременительное, чем предпочтительное. — Но участи твоей не облегчит. Дети Жребия — единственное, что не может оставить Незыблемых равнодушными. Не отрекшаяся от

предназначения Избранная в самом сердце Золотой оси. Это же скандал на тысячу миров!

У Амати аж глаза заблестели. Будто из ряда вон выходящее событие, открывает ему мириады радужных перспектив. Я же не видела ни одной.

— Хочешь бросить меня на растерзание Незыблемым? После всего, что рассказал о них. С ума сошел?! Да катись ты к черту со своими гениальными идеями.

Я потянулась к шнурку.

Нашел дуру!

— погоди, Не-лэй! В том и суть! Незыблемые не придут. Их давно нет среди нас!

Рука замерла в трех сантиметрах от шнура.

— Не поняла.

— Они — суеверия. Дань традициям.

Я недоверчиво вздернула бровь. Хотела саркастично, но харизмы хватало только на недоверчиво.

— Тинхе опасался, что я случайно наткнусь на Незыблемых и они сразу распознают во мне Избранную. А он не особо суеверен.

— Незыблемые превратились в страшилку для лэйтарцев. Дома сами поддерживают закон на своих территориях. Но власть — тяжелая ноша для лучших из нас. Что может остановить глав дома от нарушения основополагающих законов или от пренебрежения своими собственными? Знание, что наказание неизбежно. Что за каждым твоим шагом следит кто-то из Незыблемых. Они среди нас. Незримые, безликие и могущественные. Они придут за тобой, если ты переступишь черту. Они защитят, если иная сила покусится на твою волю.

- Немного смахивает на религиозную концепцию.

— Мы их чтим и уважаем, — немного помрачнел Амати. Впрочем, на юношеское лицо почти сразу вернулась беспечная улыбка. — Они не требуют от нас поклонения.

Я все еще не врубалась.

— Так если вы знаете, что их давно нет...

— Мы не знаем! — С жаром ответил белобрысый. Я немного отстранилась от зеркала. Амати отметил это и продолжил чуть спокойнее. — То есть, другие не знают. Им нравится думать, что молчание Незыблемых — признак их благосклонности. Но за зеркальными стенами никого нет. Некому протестовать и высказывать волю.

— Откуда тебе это известно?

— Нет ни одного официального подтверждения их слова за последние полторы тысячи лет. Уже столько всего произошло, а никто из них до сих пор не отозвался! Есть, конечно, слухи. Кто-то думает, что видел или что-то знает. Но ни единого факта. Слухи и домыслы.

— А-а-а, — протянула я. Вот чем занимается Амати. Разоблачает мировые заговоры. Плоскоземелец от Лэйтарии. — Вот оно что.

Теперь мне по-настоящему стало не по себе. Сотрудничать с лэйтарцем — это одно, а вступать в сотрудничество лэйтарцу-неадекватом, совсем другое. Тут уже не поймешь, кто большая опасность: Тинхе или Амати.

— Ты должна явиться на совет. Подумай вот о чем.

Амати вновь заговорил. А я слушала и понимала, корни-то подкрашивать не надо. Просто поседею и, наконец, стану настоящей блондинкой. Сколько денег и сил сэкономлю в будущем на краске!

Мало мне того, что я единственная Избранная, побывавшая в Лэйтарии без вейоса, так с

том хоть никто не узнал. Амагри хочет, чтобы я пошатнула столпы, на которых выстроена Золотая ось! Такое мне не простят.

Но есть ли иной выбор?

Я открыла глаза и увидела трещины отштукатуренного потолка. Что странно, учитывая темноту. Я полусидела полулежала на деревянном кресле. Узкие полоски света проникали из-под двухстворчатой двери актового зала.

Я моргнула несколько раз, собирая мысли в кучу.

Тело болело. Порез на груди горел, причиняя неудобства.

На соседних креслах сидели выпуклые тени. Некоторые из них напоминали людей.

Я застонала.

Тень рядом встрепенулась и посмотрела на меня.

Я прочистила горло.

— Извиняюсь, есть у кого телефон? Мне слово нужно загуглить.

— 19 -

Медуза вышла на сцену.

— У нас гости, — голос ее разнесся эхом. Теперь, присмотревшись, я могла сказать, что ни одна школа мира не могла позволить себе такое огромное помещение под актовый зал.

Тени зашептались между собой, и звучало это так похоже на шелест осенних листьев, что меня пробрала дрожь. До того обыденным и привычным казался звук монохромных жителей.

— Проводите ее ко мне.

Не успела она договорить, как два фата, что сидели рядом, поднялись, схватили меня под руки и поволокли к сцене. Хватка отдалась в плече острой болью. Я ойкнула, но тут же прикусила язык. Слишком жадно тени реагировали на проявление эмоций.

— Приветствую тебя в своих владениях, блуждающий маячок. — Сказала женщина, когда меня бросили ей под ноги. — Я — регент царства Забвения. Ты можешь знать меня под именем Медуза. — Она стрельнула глазами поверх меня, и я обернулась, чтобы проследить за ее взглядом. Кулисы скрывались в клубке теней, пряча интерес женщины. — Что привело тебя ко мне, маячок?

Я выпрямилась, посмотрела на Медузу с низу вверх. Потом ей за спину. Белая тень, разделенная надвое, едва заметная в темноте, стояла неподвижно, готовая напасть, стоит щелкнуть пальцем. Одна орудует лезвиями, другая присосками вторгается в память. Оба действия причиняли боль, но последнее еще и опасения.

— Я пришла за своими друзьями. — Сказала я, пытаюсь незаметно помассировать правое плечо. Уф, не вывих. Обычный ушиб. — И за мечом. Я первая на него глаз положила.

Тяжелая железяка торчала у Медузы из-за пояса, так и маня выщерблинами и безвкусным эфесом.

— Маячок ищет своих друзей? Но мои подданные не имеют связей с внешним миром. Таковы правила. Ко мне спускаются те, кого ничего не держит. Одинокие, подавленные, потерянные и никому ненужные. И здесь они обретают дом.

Зал согласно зашуршал.

— Ее увела она, — указала я на раздвоенную тень. — Марина не оставила бы свою семью добровольно. А Виталия вы поймали, как и меня.

— Поймали? Вы вторглись в мои владения, маячок. Тот, кого ты зовешь Виталием, принадлежит Немерности. Другой твой друг пришел в мой мир добровольно. Ива лишь проводила ее. Я и для тебя найду место, если ты того желаешь.

Она изящно протянула руку ко мне. Ее бледная кожа источала холодный сияние, будто изнутри ее подсвечивала луна.

Сердце мое тревожно дернулось в груди, но я не мог позволить себе выказать ни малейшего страха. Ноги мои дрожали, мешая спускаться. Я так и не узнала, зачем фаты забирают людей. Одна мысль о возможности остаться в этом месте приводила меня в ужас.

— Ты говоришь, что люди, которые к тебе пришли, никому не нужны. В твои умозаключения закралась ошибка. Вот она я. И мне крайне необходимы эти два человека.

Рот Медузы скривился, обнажив жемчужные зубы. Если не считать этого, она не пошевелилась. Было что-то неестественное, в этой неподвижности. Настоящие, реальные существа шевелятся, дышат.

— Докажи.

— Чего? — опешила я.

— Люди красивы на словах, но так слабы, когда доходит до дела.

— И каких доказательств ты от меня ждешь?

Под ноги мне полетел меч. От неожиданности я отпрыгнула и тот проскользил по полу, ударяясь о край сцены.

— Срази моего подданного, и я позволю забрать одного из твоих людей.

— Обоих.

Взгляд ее скользнул вправо от меня.

— Наглый и самоуверенный маячок. Выбор — вот что демонстрирует ценность. Одного.

У меня дернулась щека, но я не позволила себе дерзить. Все преимущества на стороне Медузы.

— Ладно, — кивнула я. Сегодня заберу Марину, завтра вернусь за рыцарем. Все просто, так ведь? — Один, так один.

Рыцарь валил фатов одним взмахом. Я-то его половчее. А тени в зале дохловатые, их и ветерок сдует.

Женщина задумчиво почесала подбородок. Змеи на ее голове затихли, будто к чему-то прислушиваясь. Одна из них изогнулась и что-то прошипела на ухо хозяйке.

— Да, — сказала Медуза, делая призывной жест.

Я ощутил внутри неприятную пустоту. Не зря. Из-за спины женщины вынырнула двоящаяся тень. Не сводя с нее (с них?) взгляда, я нащупала ногой меч. С той же осторожностью, опустилась на корточки, поднимая его. Плечо противно заныло, когда тяжесть оружия легла в ладони.

— Это шутка такая? Их же двое!

А еще она уже дважды меня вырубала.

— Это особенность Ивы. — Медуза слегка прикрыла глаза. — Ее не отнять. Она была ей дарована Немерностью и с ней останется. Ты, маячок, обвинила ее в некомпетентности. Так докажи, что она ошибается.

Я злобно зыркнула на Медузу.

— Приступайте. — Женщина отступила в глубь сцены.

— Уже? Но!

Договорить я не успела. В меня полетели пики первой тени. И почти сразу та лишилась половины из них. Вторая тень маячила на периферии. Удары сыпались, я отбивалась на одних только рефлексах.

Улучив момент, я отпрыгнула назад, давая секундную передышку. Щупальца тени были быстры, но сама она двигалась медленно. Чтобы дотянуться до меня вновь, ей пришлось сместиться. Тем временем, вторая тень огибала меня по дуге. Ее способности, беспокоили меня больше чем летящие теневые лезвия.

Едва я позволила себе отвлечься, как первая тень вновь вступила в бой. Она обвила мою ногу и дернула вверх на себя. Я успела извернуться, чтобы не удариться головой. Следующим движением отсекала докучливое щупальце и полетела вниз. Там же в воздухе резким толчком я была перехвачена опять.

— Чтоб тебя!

Я повисла вверх тормашками, вытянувшись вниз будто тростинка. Меч в руках оказался мертвым грузом. Попробовала подтянуться, но только усилила боль в плече. И все же, когда очередное лезвие нацелилась мне в грудь, я кое-как его отбила. Слава маленьким единорожкам, у колючего чучела щупальца заново не отрастали.

— Ты хорошо владеешь собой для новичка, — донеслось из глубины сцены. Хотелось оглянуться, но отвлечься на Медузу было непозволительной роскошью. — Не убивай ее.

«Как пафосно, — подумалось мне, — мы еще до этого не дошли».

А потом что-то холодное дотронулось до моей шеи.

Зараза!

Вторая тень улучила момент, но и я не стала медлить. Ухватившись за протянутое щупальце-жгут, я воспользовалась им как рычагом. В следующее мгновение конечность, что удерживала меня на весу, валялась извивающимся обрубок на полу. Как на зло, удар пришелся на правое плечо. Рука мгновенно онемела, выпуская меч.

Вскочив, я бросилась к потерянному оружию, но тень с присосками уже была рядом.

— Да что ты все липнешь ко мне?

Как у рыцаря выходило все быстрее и проще? — успела я подумать, прежде чем меня тряхнуло ударом тока, и я ничком повалилась на пол.

Вторая тень склонилась надо мной. Но ее присоски не спешили душить меня или колоть. Они тянулись к голове. Их прикосновения напоминали ледяные цепи и безжалостные витки колючей проволоки. От них веяло пустотой, и мраком, и всем тем, чего не должно существовать.

— Хватит, — скомандовала Медуза.

Но тень не остановилась.

Щупальца обвивали меня, причиняя боль. Но в этот раз я не вырубилась. Кокон магии внутри меня откликнулся сигналом бедствия и, я наконец поняла, что пряталось за проявленными воспоминаниями.

Тень не возвращала память. Она пожирала мою магию. Вскрытые воспоминания — всего лишь побочный эффект. Фат слой за слоем сдирала чужую защиту, чтобы добраться до Мальша.

Враг говорил, что в Лэйтарии когда-то пробовали экспериментировать с золотой магией, но все попытки заканчивались плохо. Магия превращала людей в нечто столь ужасное, что это пугало даже лэйтарцев.

Я издала протяжный вой, забившись в черных путах.

— Я сказала, оставь ее! — Взвизгнула Медуза.

Следующее, что я увидела, как черное лезвие щупальца молниеносно пронзает грудь регента Немерности.

— 20 -

Медуза пошатнулась.

Она сделала неуверенный шаг вперед, когда щупальце выскользнуло из нее с неожиданно громким хлопанием. Скопление змеек на ее голове задрожало, колеблясь в странном унисоне.

— Как же так?.. — спросила женщина куда-то в пустоту.

Зрители и до того хранили безукоризненное молчание, а тут и вовсе исчезли все звуки. Белый шум наполнил пространство прозрачной пеленой тишины.

С содроганием я уставилась на Медузу. На то место, где фат оставил в ней дыру. Фантазия рисовала кровавые подробности из крови и вываливающихся внутренностей. В монохромном зале это должно было выглядеть ярко, насыщенно и противоестественно.

К счастью, Немерность жила по другим правилам.

Что-то склизкое и черное показалась из пробитой грудины. Медуза попыталась запихнуть это обратно. Но все шло как в замедленной съемке и ее движения казались долгими и неуклюжими. Мазутная жижа просачивалась сквозь ее пальцы, повисая на ладонях склизкими червями.

Мне стало дурно. Я отвернулась. В самый раз, чтобы вспомнить, чем я тут занимаюсь. Моя рука освободилась в достаточной степени.

Тень отдернулась от меня с протяжным воем-возмущением. Сначала гаечный ключ заехал ей по черепушке. Потом тот же самый ключ впечатался ей прямоком в безликую рожу. Скорее от неожиданности, чем от боли, тень замерла.

— Бедная Ива. — Донеслось со стороны Медузы. Сидя на коленях, она сочувственно покачала головой. — Ты никогда не голодала. Что произошло?

Спрашивала она не у тени. Медуза ухватила одну из змей на своей голове за горло. Та издала что-то среднее между рыком и шипением. В следующее мгновение извивающееся существо дергалась на полу в предсмертных конвульсиях.

Медуза выдрала змею с корнем.

Вдох-всхлип пронзил зал. Регент Немерности двумя пальцами сжала чернильное горло змеи. Но звук издала не она, а тень, что несколько секунд назад размахивала щупальцами-присосками. Двоящийся фат тлел на глазах. Подобно сигаретному дыму она таяла на деревянных подмостках сцены, а вслед за ней исчезал ее двойник. Первая тень, что до последнего момента оставалась в стороне.

Ее не стало за считанные мгновения.

— Какого единорога? — Услышала я себя.

Мне грех обижаться, но чему я стала свидетелем?

Грациозно, будто поднимаясь с трона, а не с пола, после собирания мазутных внутренностей, Медуза встала. Ее блеклый вид немного потерял сияния, но самоконтроль остался на высоте. Одна ее ладонь оставалась прижатой к груди, но каким-то образом, женщина продолжала выглядеть спокойно и естественно.

Подумаешь, чуть на части не располосовали.

— Ты новенькая? — озадачила она меня странным вопросом.

— В чем? — не поняла я.

— Новенькая, конечно. Ты не сказала, что тебя заразили.

Я дотронулась до шрама поперек груди, что был не виден под рубашкой. Он не болел, но доставлял некоторые неудобства при движении.

— Меня ничем не заражали, — возразила я. Голос дрогнул. — Рана чистая.

Лицо Медузы осталось непроницаемым, но змейки-тени посмотрели на меня весьма скептически. Я не хотела знать, имеют ли они свой разум или это проекция эмоций регента Немерности.

— Чем ты питаешься? — продолжила она допрос.

— Кофе, в основном. И так, по мелочи, что в холодильнике найду.

Или на столе. Или на тарелке. В меню.

— Нет. Чем ты себя подпитываешь?

— А?

Очень жалкое такое «а?», но очень искреннее и прочувствованное.

— Совсем новенькая? — я почти расслышала сочувствие ее внутренней тьмы.

Это напомнило мне кое о чем.

— Я видела нечто странное в одном из кабинетов твоего, эм, Царства. Вулкан, — изобразила я руками. — И голубой свет. Что это?

Она поморщилась, будто я попросила приготовить мне ванную из жидких отходов.

— Это не я. Это было до.

— До чего?

— Ты знаешь.

— Нет, не знаю.

— Тогда откуда у тебя оно?

— Слушай, я теряю нить разговора. Можешь ответить полным предложением? О чем мы говорим?

Я пропустила тот момент, когда Медуза оказалась рядом настолько, чтобы схватить меня за грудки и притянуть к себе. Змейки зашипели, свешивая свои головки вниз. Их подрагивающее дыхание побежало по моей коже, даря совершенно новую нетривиальную фобию.

— Я была слепа, но теперь вижу. — Медуза была выше меня, отчего мне пришлось приподняться на цыпочки. Вместо тонкого аромата духов или же могильной земли, я ощутила просачивающуюся смесь ярости, тоски и обреченность. — Оно бьется под твоим сердцем. И оно не голодает.

— Оно?

— Заражение.

Очередная дрожь пробежала по моему телу.

Речь о Малыше?

— Оно не голодно, но поверхность от тебя не отказалась. Зачем порождать еще одно чудовище?

Змеи издали шипящий звук.

Она разжала пальцы. Отступила. Безумная женщина.

— Убирайся, — короткое слово, сочащееся презрением. — Сейчас же.

Я не хотела спорить с кем-то пережившим проломленную грудину, но...

— Конечно, только заберу обещанное.

— О каких обещаниях речь? Ты проиграла.

— Разве? Я — жива. Фат — нет. — Пожала я плечами. — Кажется, так выглядит победа, а не поражение.

Медуза уставилась на меня. Прошло не дольше секунды, но казалось минуло три вечности, прежде чем Медуза перестала прожигать меня испепеляющим взглядом.

— Почему бы и нет? — внезапно согласилась эта необычная женщина. — Забирай двоих. Они были добычей Ивы, кто станет возражать?

— Правда?

Не осуждайте меня за скептицизм. В моей жизни редко случаются хорошие вещи, за которые потом не приходится платить слезами.

— Если они согласятся уйти добровольно — пущай идут. — Заключила она режущим слух устаревшим оборотом с привкусом деревенского говора. — Ежели нет, — она помолчала, качнула головой, когда к ее уху наклонилась змея, и поправилась. — Это мой уголок Забвения. Вернешься, и не сыскать тебе иной судьбы, кроме смерти.

Она резко развернулась и, обхватив себя руками, скрылась в покачивающейся темноте закулисы. Тени потекли из зала, подражая хозяйке.

Не нравится мне это «добровольно». Тинхе мне целю оскомну этим словом набил.

— Эй, — спрыгнула я со сцены, не забыв прихватить свои средства защиты от монохромных будней. — А где Марина?

Когда фатов стало меньше, я заметила, что не все спешат покинуть зал.

— Марина!

Семнадцатый ряд, шестое место. Скупо, ребята.

Я сдвинула несколько рядов деревянных сидений, прежде чем добралась до желанной цели. Марина была все в той же одежде, что и в рестопабе. Чуть менее красочная (в прямом смысле), но живая и невредимая.

Я едва не упала перед ней на колени, переполненная радостью и облегчением. Я сделала это! Я нашла ее! В кой-то веки все идет как надо. Скоро все закончится. Мы возвращаемся домой!

— Вставай, Марин.

Девушка повиновалась, но восторг выражать не спешила. Я же лучилась счастьем.

— Заберем одного мужика, и по домам! Улетные выходные получились, ага? Выйдем из школы, и мы почти дома.

И словно гром среди ясного неба.

— Нет, Анюта. Я никуда не пойду.

— 21 -

— Марина?

Моя спасаемая коллега-подруга не спешила отвечать. Мне пришлось потрянуть ее за плечо.

— Что ты имеешь ввиду?

— Я не пойду, Анюта, — повторила она.

— Почему?

Она вновь промолчала. Ее взгляд бездумно блуждал по залу.

Я потянула ее за руку, но Марина не позволила себя сдвинуть.

— Что с ней сделали? — обернулась я к рыцарю. Виталий сидел достаточно близко,

чтобы слышать и видеть происходящее. — Она такой никогда не была.

— Я предупреждал.

— Но что-то же можно сделать?

Марина продолжала безучастно разглядывать сцену. Когда я перестала с ней говорить, она будто отключилась, уйдя глубоко в себя.

— Дроби. — Рыцарь подозвал меня жестом.

Я оставила Марину.

— Вот, — он покопался в складках пальто и выудил зажигалку. — Это ее крючок.

— Все еще не понимаю, как это должно работать. — Взяла протянутый предмет. — Почему ты все еще сидишь? Вставай уже. Плевать мне на добровольность. Если что, силой потащим.

Рыцарь как-то грустно улыбнулся.

— Марина, — метнулась я обратно к заложнице монохрома. — Зажигалка? Что-то значит для тебя?

Она не отреагировала.

Конечно, это же зажигалка!

Я вытащила из заднего кармана чудом уцелевшее фото в Марины.

— Нашла в твоём кошельке. Ты же не просто так ее хранила?

Девушка взяла в руки смятое фото. Освещения едва-едва хватало, чтобы разглядеть изображение, но Марина и без того прекрасно знала, что на нем. Ее воспоминания хранили гораздо больше, чем я могла видеть.

— Через три дня я узнала, что беременна. — Тихо сказала она.

— Своей дочкой, так? Хорошо. Сосредоточься на этом воспоминании, Марина. На том, как много девочка для тебя значит. Как ее зовут? Сколько ей лет?

Она посмотрела на меня. Впервые. По-настоящему. Проникновеннее, чем за все время знакомства.

— Я бросила учебу, — меня ударил больной лихорадочный взгляд. — Потеряла всех друзей. Мать изводила меня день за днем за решение, принятое не мной. Я потратила свою молодость на людей, что меня не любили и не уважали. Дочь ненавидит меня. Я отдаю все деньги ей на кружки, подарки и учебу, а она даже не хочет со мной жить!

Марина выхватила у меня зажигалку. Щелкнула кнопка. Я отшатнулась, когда потертый снимок вспыхнул черно-белым пламенем.

Не все я знала о Марине. На самом деле, ничего не знала. А мои жалкие уверения, что лучшие годы наступают как раз после тридцати, могли только ухудшить ситуацию.

— Дроби, — окликнул меня Рыцарь.

Я с радостью позволила себе отвлечься.

— Есть какие-то идеи? — спросила с надеждой. Он привык спасать людей из Немерности. У него должен быть план. Но вместо этого он сказал:

— Ты должна уходить.

— Что?

— Если до рассвета не выберешься, станешь такой же заложницей, как и мы. Проходы закроются, когда взойдет солнце.

Я взглянула на часы. На чей-то крючок, доставшийся от Георгия. До рассвета оставалось меньше получаса.

— Не поняла. Ты что, не идешь со мной?

Он вытянул вперед большую ногу, из-за которой хромал всю дорогу.

— Я буду тормозить.

— Нет-нет-нет. Марина не соглашается, ты хандришь. Как я могу уйти без вас?

— Ты не сможешь пережить день, — спокойно продолжал рыцарь. — Ты недостаточно сильна.

— В самом деле? Видел, как я лихо скакала по сцене? Я бы точно победила, если бы фат не психанул.

— Твой дух недостаточно силен, — поправил себя мужчина. — Ты падешь еще быстрее, чем твоя подруга.

Тут я тоже хотела возразить, но именно с этим пунктом у меня возникали проблемы.

— Медуза велела мне не возвращаться! Что если завтра она вас не отдаст или натравит на меня еще что-то более жуткое?

Рыцарь отвернулся, скрывая выражение лица.

— Тогда не возвращайся. Может так будет правильно.

Да вы издеваетесь!

Я стиснула зубы. Марина не хочет идти, этот упирается! Почему мне в спасаемые всегда достаются те, кто совсем не хочет спасаться? У меня тоже дела не очень, но я хотя бы делаю вид, что моя жизнь чего-то стоит.

«О-па, — поймала я меланхоличные мыслишки. — А монохромность-то прилипчивая зараза. Гладко кроет.»

Время утекало быстро и неизбежно.

— Я вернусь. За вами двумя, так что приглядывай за Мариной.

Рыцарь кивнул, но я видела, что он не верит. Это был утешительный кивок, из тех, где вы встречаетесь на улице со старым знакомым, мило беседуете, а после обещаете друг другу как-нибудь сходить вместе посидеть, и прощаетесь, зная, что ни один из вас другому звонить не станет.

«Я не сдаюсь, — пообещала себе, — я отступаю, чтобы перегруппироваться и все обдумать.»

— Дробь, погоди. Возьми.

Протянула руку и мне на ладонь упало что-то тяжелое. Перстень с зеленым непрозрачным камнем. Будто изумрудный лед в металлической огранке холода.

— Это мой крючок. Сохрани его.

— Сохранить его до завтра, поняла. — Отрапортовала я, а потом спохватилась. — Знаешь, я тут встретила мужчину. — Фраза прозвучала двусмысленно, но времени подбирать другие слова не было. — Может ты его знаешь?

В нескольких фразах я описала Георгия и подробности нашей встречи.

— Он из моих бывших коллег, — будто эхом повторил за мной лысый рыцарь. — Фотографии исторгает Немерность. Не знаю, как Георгий их достает, но он пытается находить этих людей раньше, чем они исчезнут. У него другое представление о спасении.

Не совсем то, что я ожидала услышать. Червячок сомнений (да какой червячок, дракон сомнений в полны рост!) грыз меня всю дорогу. Виталий казался подозрительным вот прямо во всем! Привыкла я к тому, что привлекательные мужчины подкладывают мне свинью.

Именно об этом я думала всю дорогу до выхода, пока часы вели обратный отсчет до моего краха. Когда же выбралась на поляну из белой шуршащей бумаги, времени почти не осталось.

Я достала кольцо, проверяя, не потеряла ли его случайно. Еще раз взглянула на зеленые отблески камня, и меня захлестнула очередная порция воспоминаний.

— 22 -

В воздухе рассыпаны блески. Они парят. Отражая крупицы света. Я будто в сказочной стране волшебства, если представить, что она заточена в каменных наростах и вогнутых вниз сторонах уступов внутри пещеры.

— Атрос.

Эхо проносится по пещере, спускается в яму и тонет в глубине кристальной бездны переливом колокольчиков.

Последний бог Золотой оси пребывает в задумчивости.

— Атрос, — повторила чуть громче. — Я не знаю, что делать. Он загнал меня в угол.

— Хм, — исторгла яма облако из голубых искорок. — Враг умен и хитер, Дробь. Уверена ли ты, что все обстоит так, как тебе видится?

— Про совет лэйтарцев рассказал Аматри, Тинхе подтвердил его слова.

— Аматри тоже Враг, Дробь. Не забывай этого.

Я вскочила на ноги.

— Смысл ему врать? Если нет никакого совета, то и последствий не будет.

— Аматри хочет, чтобы ты явилась в Лэйтарию, — напомнил Атрос.

— И он явно себя переоценивает. Единственная причина отправиться на негуманный и несправедливый суд лэйтарцев — напоследок насолить Врагу. А я готова героически жертвовать жизнью (желательно не своей) только ради спасения мира или рыженького котенка, но никак не для того, чтобы щелкнуть по носу верхушку правящих домов. Вот среди кого никак не хочется наживать недоброжелателей. Сдались Аматри эти Незыблемые.

Атрос хмыкнул очередным снопом блесков. Те тут же осели у меня в волосах и засвербели в носу. Я чихнула. Пнула камушек. Стряхнула налипшие пылинки и двинулась по часовой стрелке вокруг бого-ямы.

— Атрос, а эти Незыблемые действительно так сильны?

— Они свергли пантеон богов, — очень спокойным и размеренным голосом произнес Атрос. Колокольчики аккомпанировали ему перезвоном одной единственной ноты.

— Ох, прости. Забываю, что для тебя это тяжелая тема. Но мне больше не у кого спросить. Ладно с этим советом. Повернуты они на своей магии и статусах. А что ждать от Незыблемых? Если они решат меня искать? Если они через меня доберутся до Центра?

— Лэйтацы не видят в Избранных противников. Досадная помеха, развлечение, феномен, пережиток прошлого — они готовы поведать любые ярлыки. Избранная в Лэйтарии — это скандал и нарушение традиций. Незыблемые же иначе воспринимают детей жребия. Они рождены в эпоху великих войн.

— Погоди. Одну минутку.

Незыблемые свергли богов. Тинхе не узнал Атроса, даже когда столкнулся с ним лицом к лицу, потому что поколение, победившее богов, стерло все следы их существования вплоть до имен. Выходит, те девять Незыблемых как раз богов помнят и знают. Они с ними сражались. Они сохранили ненависть к любому проявлению божественной воли, оттого и ополчились на Избранных, узнав, что те — посланницы богов из каких-то уничтоженных миров.

Если Аматри ошибается, а я явлюсь на совет, Незыблемые от меня мокрого места не

оставят!

Я заглянула вглубь ямы. Кристаллы подозрительно мерцали в такт.

— Атрос, а ведь ты должен знать, где находятся Незыблемые. Раз они тебя помнят и когда-то были твоими последователями, у них должно стоять в пещере у каждого по зеркалу. Это же так работает, верно?

— Нет, Дробь. Незыблемые несут в себе первозданную магию. Они гораздо сильнее опаснее и страшнее, чем Странники.

Куда еще опасней?

— Я мог бы их увидеть только в том случае, если бы кто-то из них признал меня в качестве бога и вознес молитву.

— Так что же мне делать?

Бог не ответил. Свет из ямы внезапно начал слепить глаза. Я отвернулась. Атрос что-то недоговаривал.

Что если быть леди не так плохо? Ну вот стану я ей и что? Не превращусь же сразу в стерву, желающую уничтожить миры. Может даже с магией научусь ладить. Разберусь с внутренней политикой домов. Начну продвигать идею мирного сосуществования с другими мирами.

Хуже, если меня признают недостойной гражданства Золотой оси. Лэй из меня выйдет весьма фиговая, как и имари. Но прежде меня заставят пройти процесс освобождения от Избранности.

Первый этап — отречение. Поцелуй не со своим предназначенным возлюбленным, как отказа от воли богов. Второй этап — опустошение. Избранная должна перенести сильное эмоциональное потрясение. Распад личности приветствуется. Физическое и психологическое насилие входит в меню. Третье — отказ от идентификации. Передаче всех своих талантов и особенностей на благо Лэйтирии. Не знаю, как они могли бы забрать мое высококлассное умение объедаться пирожками, но как они забирают магию, я поняла. Следом идет официальная церемония. После наступает четвертый этап — адаптация, где тебя отправляют на переобучение.

Первый этап я прошла. Ко второму и третьему была очень близка. Хорошо бы, если мне это засчитают и не заставят «добровольно» проходить все заново.

— Отлично, теперь я думаю, как бы мне безболезненной сдаться!

Из зала я вышла в растрепанных чувствах.

Быть загнанной в угол — не в первой для меня. Но даже в этом случае, я всегда надеялась на помощь Атроса. Он выступал для меня наставником. Мог решить любую проблему. Казалось он знает все, но не говорит, чтобы подтолкнуть к самостоятельному решению проблемы.

Коридор сменился. Вместо привычной анфилады комнат возник еще один коридор.

Здесь я раньше не была.

Я научилась пользоваться потайными проходами, благодаря чему могла оказаться в желаемом месте за максимально короткое время. Но, видимо, в этот раз я слишком сильно задумалась или не проследила за собственными мыслями, отчего подземный путь увел меня глубоко вниз.

Комната разбитых зеркал. И лишь одно целехонькое, с матовой пеленой. Не привыкшая к подобным оттенкам, я подошла ближе.

Это был не обычный портал, не сродни тем, что стояли на верхних уровнях. От него не

веяло чуждостью. На уровне тонких энергий он казался знакомым. Одно прикосновение к раме и во мне встрепенулся отголосок Золотой магии.

Когда я глянула на картинку, плывущую за межпространственной мембраной, глаза мои поползли на лоб.

— Я знаю эту улицу! — Ахнула я. — Эй, какого черта там происходит? Это еще кто?

Вопросы летели в пустоту, не адресуясь ни к кому конкретному. Оттого, внезапно пришедшие ответы, поразили до глубины души. Дремавшая магия откликнулась на зов.

Я подняла руку с часами вверх и небо пронзила тонкая нить магии. Возвращение в город больше не казалось мне желанным путешествием. Мысли мои занимали совсем другие вещи.

— Наверное, я совсем поехала крышечкой, раз отправилась искать Незыблемого.

ЧАСТЬ II

— 1 -

Свершилось.

Я настоящая попаданка. Но можно ли считать, что я попаданка в чужое тело, если это мое тело, но из параллельного мира, где меня не изымали? Никого не изымали. Зато, кое-кто сюда добавился. И застрял.

Найти Незыблемого.

Это он или она?

Где искать? Как заставить помочь?

Вопросы роились жужжащим ульем. Я отмахнулась от них и позволила себе погрузиться в убаюкивающую тишину.

Меня качивало из стороны в сторону. Так тепло, спокойно и хорошо. Будто плаваю по волнам или парю в облаках. Маленькое легкое перышко, которое качается из стороны в сторону. Беззаботное и свободное.

У перышек нет проблем. Они планируют, но только по воздуху.

Щух-щух.

Щух-Щух.

А потом зазвонил будильник.

— Че происходит? — подорвалась я на диване.

Попыталась вскочить и долбанулась головой. Успела подумать, какие же нынче низкие потолки и схватилась за ушибленный лоб.

— Ай-я-яй! — сцепила зубы.

Противный сигнал продолжался. Только звонил не будильник, а кто-то давил на клаксон. Сигналила машина. Я же свернулась калачиком на заднем сиденье. Не своего транспортного средства, которое двинулось вперед, когда загорелся зеленый свет. Меня везли в незнакомой машине, по незнакомым улицам, в незнакомое место.

Зеркало заднего вида отразило поддернутый ржавчиной металл обеспокоенных глаз.

Незнакомые глаза незнакомо мужаика.

Я рванула вперед к водительскому креслу. Под рукой как-то сразу оказался меч. Лезвие застыло у обнаженного горла водителя.

— Тормози, — приказала я, наклонившись к его уху.

— Аня, ты чего?

Машина вильнула. Руки, с ухоженными ногтями и безупречными кутикулами, крепко

вцепились в руль. Моя хватка осталась железной, а голос опустился до неживого угрожающего шипения, сбегаящего из джезвы кофе.

— Без шуток, приятель, тормози.

— Мы на мосту, нельзя. Аня, что ты делаешь?

Он знает мое имя.

— Повторять не буду.

Я не смотрела на его лицо. Я следила за его действиями.

Мужчина включил поворотник, перестроился в крайний правый ряд и медленно остановился. Когда рычаг коробки передач встал на «parking», а кнопка стоп-сигналы включена, человек за рулем спросил:

— Аня, ты понимаешь, кто ты и где находишься? Ты помнишь, кто я?

Вопросы застали врасплох.

Дробь. В салоне дорогого автомобиля. И...

Мужчина медленно повернул голову. Вот тогда-то моя рука дрогнула.

Георгий выглядел ошеломленным, но не напуганным. Обеспокоенность так отчетливо проступала на его лице, что я начала волноваться. Не зря, кстати. Я напала с оружием на мужика, что вел транспортное средство повышенной опасности. Мы едва в аварию не попали!

— Ге-ге-оргий. Что произошло?

— Ты не могла бы? — он взглядом указал на меч.

Разумом я понимала, что маньяк, возжелавший сотворить со мной непотребства, вряд ли бы оставил мне оружие, но, привыкшее к разным пакостям тело, не желало отказываться от полутора килограмм стали. Переборов рефлекс, я отвела лезвие в сторону.

— Как я здесь оказалась?

— Хотел бы я знать.

— Не поняла.

Мужчина отстегнул ремень безопасности и повернулся. Я подвинулась, чтобы Георгию не пришлось сворачивать голову для разговора со мной. Нервно почесав бородку, мужчина начал рассказ.

Он ждал меня.

Когда я исчезла, он не ушел. Ходил вокруг, искал потайные ходы, пробовал докричаться. Тень испарилась в тот же момент, как я растворилась в пространстве. На холмике остались все мои вещи. Георгий не мог их оставить без присмотра и не мог забрать с собой. Поэтому он остался и принялся ждать.

Всю ночь он провел в парке дожидаясь рассвета. Георгий не знал, на что рассчитывает. Люди из Немерности не возвращаются. Если тени уводят их, надеяться не на что. Вот так он остался в одиночестве и темноте покинутого парка.

За мгновение до рассвета, когда Георгий уже ни на что не рассчитывал, появилась я. Он закрыл глаза всего на секунду. Может чуть дольше. Он-то столько кофе на кануне не пил.

— Ты лежала на земле будто кукла. Неподвижная и бездыханная. Бледнее мертвеца. Посиневшие губы, закатившиеся глаза. Я не знал, что еще делать, кроме как забрать тебя. В самом деле, что мне оставалось? Оставить в парке?

Звучало пугающе. Я знаю, каково это увидеть полумертвого человек. Даже если ты его плохо знаешь или ненавидишь, все равно, то еще зрелище. Во мне всколыхнулось запоздалое чувство вины. Ко мне со всей душой, а я изображаю опасную маньячку.

— Клянусь, я не делал с тобой ничего странного или недопустимого. Уложил поудобнее на заднее сиденье и повез домой.

— Откуда ты знаешь, где я живу? — подозрительно осведомилась я.

— К себе домой, — уточнил он с ноткой смущения. — А стоило вызывать скорую, да?

— Ха! — Воскликнула я, тыча в него пальцем. Очень по-взрослому. Мастер общения, чтоб его. — То есть, спасибо. Извини. Не хотела напугать. — Я откинулась назад на сиденье. Меч лег на колени, рука на гладкую рукоять. — Прости, что использовала против тебя. Представляю, что ты теперь обо мне думаешь.

— Что ты самая удачливая из всех людей, которых я когда-либо встречал! — неожиданное восхищение в карих глазах откликнулось во мне чувством неловкости. — Ты выбралась из Немерности. Да еще с трофеем. Аня — ты восхитительна! Небольшие проблемы с нервами — меньше из возможных побочных эффектов.

Повернувшись к окну, я уставилась на проплывающие облака, окрашенные золотисто-малиновыми бликами рассвета. Моя паника не имела ничего общего с Немерностью. Я едва могла самой себе признаться, в чем же дело.

— Аня?

Должно быть я молчала дольше, чем рассчитывала.

— Да, Георгий?

Мужчина облокотился на кресло грудью, почти полностью развернувшись ко мне. Положив голову на скрещенные на спинке сиденья руки, он неуверенно попросил:

— Если не затруднит, могла бы ты не называть меня Георгием? А то я начинаю чувствовать себя орденом.

— Но ты же разрешил! Это твое имя.

— Анечка, то как ты его произносишь, отличается от того, как его говорят другие. В твоих устах оно звучит как нечто более грандиозное, чем простое имя.

- В твоих устах? — переспросила я. — Вам сколько лет, Георгий?

— Анна. Анечка. Аня. Анята.

— Хватит, — замахала я руками. — Поняла.

— И раз уж мы разобрались, — он повернулся обратно и снова пристегнулся. — Теперь мы можем закончить маршрут? Полагаю, ты бы хотела немного отдохнуть и рассказать удивительную историю про выживание в Немерности.

Георгий вдавил газ, и мы понеслись вперед по полупустым улицам. И, судя, по району, маршрут не включал в себя возвращение обратно в парк или в мою квартиру.

— Мы все еще едем к тебе, — заметила я. Голос даже не дрогнул. Не женщина, а кремень! — Не то что бы я тебе не доверяла, но откуда мне знать, что ты не маньяк?

— Эм, — замялся машинный похититель бездыханной девушки из ночного парка. — Я угощу тебя завтраком.

— И как это поможет?

— Не знаю. Но может ты поешь, станешь чуть спокойней и попробуешь мне поверить?

В желудке протяжно завывали киты. Я хотела есть. Мне надо переодеться, прежде чем возвращаться домой. И я точно не могу сесть за руль в таком состоянии. А еще Георгий задолжал объяснения.

— Хорошо, приятель Не-Маньяк. Но у меня вместо салфетки на коленях будет меч.

— Договорились. — Карие глаза встретились с моими через зеркало дальнего вида. — Какую кухню предпочитаешь?

— Ты можешь приготовить что угодно?

— Я могу заказать что угодно.

Он открыл бардачок, вытащил стопку буклетов и протянул мне. Сначала возникло легкое разочарование. Я скучала по домашней еде. Но паническое настроение быстро сменилось восторгом. В груди вспыхнул огонечек тепла. Я могу выбирать еду!

— Гера, ты сегодня разоришься. — Пообещала я. — погоди, ты сказал, что я лежала на земле бледна и бездыханна. А как же я задышала?

— Эм...

— 2 -

Он включил свет.

Одна за другой вспыхнули люминесцентные лампы.

Где-то внутри с души упал камень. Квартира была просторной и чистой, в успокаивающих кремовых цветах. Безликой, как бывает у тех, кто отдает предпочтение работе, а не личной жизни. На полках в коридоре стояли сувениры. Никаких прожженных сигаретами шпор, десятисантиметрового слоя пыли, скатерти в пятнах и горы посуды в раковине.

Если Георгий и был маньяком, алкоголиком или наркоманом, то не явным.

Мужчина распахнул окна в зале, позволяя утреннему ветерку, еще не наполненному выхлопными газами утренних пробок, пробежаться по комнатам. Мне был выдан комплект чистых полотенец и халат. Затем последовала небольшая экскурсия, что завершилась в ванной комнате.

Хозяин квартиры занялся кухней, а я, посчитав свой вклад достаточным, скрылась в ванной. Принимая душ, отчаянно старалась не замечать, но мой острый (незамужний) глаз отметил отсутствие второй зубной щетки, женского парфюма и любых других намеков на присутствие посторонних.

Прежде чем выйти, я стерла с запотевшего зеркала капли конденсата (да знаю, что останутся разводы!). Несмотря на мешки под глазами и пару пожелтевших синяков, выглядело все неплохо. Речь о лице, тело пестрело гематомами. Рана поперек груди никуда не делась, из-за чего возникла заминка.

В дверь деликатно постучали.

— Ты в порядке? Нужна помощь?

После горячего расслабляющего душа и ментолового геля, чувствовала я себя одновременно посвежевшей и разваливающейся на куски. Красочности добавляли наливающиеся цветом гематомы.

Правильно, нечего расслабляться.

— Порядок, — отозвалась я.

— Доставка приехала, — предупредил Георгий (Гера!). — Все четыре.

На три раза замотавшись поясом махрового халата, я вышла из ванной комнаты. Пар последовал за мной. Запах ментола мгновенно смешался с аппетитными ароматами еды.

Идеальное утро, если забыть про далеко не идеальную ночь

Я плюхнулась на стул с мягкой обивкой. Гера перекладывал сырники из контейнера. Остальные блюда уже призывно манили из геометрических тарелочек. Посреди стола красовалась ваза с цветами. Мой завтрак никогда не выглядел настолько богемно.

Домашняя кухня, ага.

А вот самое важное отсутствовало.

— Мое сердце вот-вот лопнет от тахикардии, но мне нужен кофе. — Предупредила я, опустошив стакан с водой. — Еще часа два на ногах мне жизненно необходимы.

Обмороки ни в коем случае не заменяют полноценный сон, как и магические перемещения из мира в мир. Проведенная в Немерности ночь, откат после вечернего кофеина и спад адреналина брали свое.

— Лавандовый чай? — предложил Гера.

Он сменил костюм на фланелевую рубашку и домашние штаны. Прическа его по какой-то причине осталась идеальной, а сам он продолжал источать бодрость и свежесть.

— Кофе. Самый черный. Самый крепкий.

Я проследила за тем, как мужчина заполняет молотыми зернами френч-пресс.

— Ты напряжена до предела. Уверена, что не хочешь чего-то менее раздражающего нервную систему?

— Мужчина, с которым я провела вечер, но не ночь, угощает меня завтраком в своей квартире. — Фыркнула в кружку. — Это немного рвет мои шаблоны. Я про тебя ничего не знаю кроме имени.

— Как и я о тебе, — возразил радушный хозяин, легко улыбнувшись. — Ты задерживаешь дыхание каждый раз, когда я приближаюсь ближе чем на метр. Ты почему-то боишься меня? — Гера развел руки в стороны. В домашней одежде он выглядел безобидно. Почти плюшевый зайчик. — Разве я выгляжу опасным?

— О, я не собираюсь судить о тебе по моим впечатлениям. Опыт подсказывает, что я плохо разбираюсь в других людях.

— Были прецеденты?

— А то! — я схватила столовые приборы и нацелилась на первое блюдо.

— Тебя ранили?

— Пара синяков, — закатала рукав, продемонстрировав малую часть монохромных приключений, — царапины и ушибы.

— Я имел ввиду мужчин. Кто-то ранее причинил тебе боль?

— Опять же, — пожалала я плечами, заглывая солидный кусок сырника, — пара синяков, царапины и ушибы.

Глаза мужчины поползли на лоб, но удивление лишь маскировало напрягшиеся на руках мышцы.

— Извини, — как-то холодно отозвался он. — Я говорил о душевной ране. Измене или предательстве. Наверное, это слишком личное, но я не могу остаться без ответа. Твой бывший парень тебя обижал?

А, вот мы о чем.

Вилка замерла на полпути к следующему сырнику. Пока я мешкала, кофе терял градусы тепла.

— Ну, — сказала и умолкла.

Предательств в моей новой жизни хватало. Все телесные повреждения имели отношение к неофициально работе (Избранная попаданка!). Но только один случай задел достаточно сильно, чтобы оставить глубокую рану. Именно после него я стала шараться от мужчин чуть больше, чем они заслуживали.

— Ты его не бросила? — продолжал допытываться Гера.

Он прав, это слишком личное. Я не смогла поговорить об этом с Клодом или Атросом.

Не раскрылась новому потоку Избранных. Вывернуть душу наизнанку перед человеком, которого я совсем не знаю и вряд ли увижу еще раз?

Почему нет?

— Это был не мой парень. Я ни с кем сейчас не встречаюсь, — зачем я это добавила? Глубокий вздох дал передышку. В голове замелькали события прошлого. Я могла дать им определение, но открыть рот и сказать все как есть сухим слогом не хватало сил. Сдавшись, я облекла все в расплывчатые фразы. — Какое-то время назад со мной произошел неприятный инцидент. В машине. В итоге все закончилось хорошо. Ничего необратимого. Виновные наказаны, я отделалась небольшими травмами.

«Вау, — тут же мысленно поддела себя, — как жалко и убого. Можно подумать у тебя телефон из сумочки пропал, а потом оказалась, что он застрял между подушками.»

Вообще-то все было плохо. Пострадала я очень сильно, а что случилось с напавшими, до сих пор оставалось загадкой. Единственное, что меня утешало, те скоты остались в другом мире и ничего хорошего им светить не могло.

— Мужики бывают теми еще мудаками? — то ли уточнил, то ли спросил.

— Не только мужики, — ответила я. От женщин мне тоже нехило доставалось. Взять ту же Алису или девчонку, что подсыпала наркоты. — Но в тот раз, да.

— Как давно это произошло?

Я прикинула разницу во времени между мирами.

— Недостаточно давно.

Гера нахмурился и, казалось, совсем забыл про овсянку с фруктами. К лавандовому чаю он и вовсе не притронулся.

— Твоя реакция в машине была нее из-за Немерности. Ты решила, что я такой же?

Я ухватила за спасательную чашку кофе.

Вот, почему реальность настолько отвратительна. В ней приходится говорить о сложных и травмирующих вещах, вместо того что бы обсуждать наряды, магию и какой некромант воскресил стаю голубей-метросексуалов с болезнью раздраженного кишечника.

— Да, — честно ответила я.

— Прости. — Потухшим голосом произнес Гера. — Я не хотел.

Блеск в карих глазах исчез. Кофе безнадежно остыл.

Аня, да научись же ты нормально врать!

— Ты же не хотел ничего дурного, — отмахнулась, отодвигая кружку. — Это мои заскоки и мое абсолютное неумение разбираться в людях. Забудь.

Гера забрал кружку. Выплеснул в раковину и налил еще одну порцию.

Повисло густое напряжение. Чтобы как-то его сломать, я спросила:

— Хочешь расскажу про Немерность?

С монохромного мира разговор плавно перетек на отдаленные темы. Гера снова смягчился, а я почти перестала дергаться. Ум ускользал, отказываясь заикливаться на том, как вернуть Марину и Виталия. Блокировался моментально. Слова исчезали.

Я зевнула.

Вроде я что-то собиралась сделать?

Зевнула еще раз.

Вилка исчезла из моей руки. Куда-то пропала кухня. Я повисла в невесомости, а может кто-то взял меня на руки. Потом под головой появилась подушка, а сверху одеяло. Захотелось возразить и потребовать еще чашечку кофе, но мысль добиралась от мозга к

языку тягуче медленно. В конце концов ее обогнал сон.

— 3 -

Открыла глаза.

Начинать день не хотелось. Все, чего я желала — продолжать лежать под одеялом и нежиться в лучах солнца. Важное уточнение: под своим собственным одеялом.

В комнате было свежо. Сквозь опущенные шторы пробивались настойчивые солнечные лучи. Они не добирались до огромной постели, растекаясь по пушистому ковру с длинным ворсом.

Несколько минут собирала сознание в кучку, чтобы вспомнить, где я и кто я.

С некоторым чувством разочарования поняла, что мне привычно по размытым кусочкам прошлого вспоминать, как и почему я оказалась не в своей постели. И хоть бы раз повезло истолковать это фривольно, а не с опасностью для жизни!

Непроизвольно вырвалось недовольное мычание.

— Аня, ты проснулась?

В дверях спальни появился Гера. Растрепанные волосы и растрепанная одежда давали понять, что он сам не так давно покинул объятия Морфея. Только где он с этим Морфеем обнимался, если кровать в его квартире одна?

Я дернула одеяло, натягивая его до подбородка. Бессмысленно, учитывая, что я все еще была в его халате, а значит все, что должно быть спрятано — спрятано.

— А, да, — хрипло отозвалась я, желая полностью завернуться в одеяло и скрыть смущение. — Привет. Доброе утро. День? Только не говори, что вечер.

Гера хмыкнул, давая задорную улыбку.

— Ты проспала три часа.

— А ты?

Мужчина мягкой походкой проскользнул в комнату. Стулья отсутствовали и Гера сел на кровать. Чуть ближе, чем я считала комфортным для личного пространства. Скрывая неловкость, подтянулась к спинке кровати, принимая сидячее положение. Вот, достойное расстояние.

— Диван в зале раскладывается, — ответил добродушный хозяин, не заметив нервозности в моем вопросе. Густые брови нахмурились и растерянность отобразилась на его лице. — Сегодня узнал. Надо же, почти пять лет прошло. Кто бы мог подумать.

— Как я могла так отрубиться?

— Ты выглядела очень измотанной. Походы по Немерности отнимают много сил.

Его губы дрогнули. Я отдала бы все на свете, чтобы узнать хотя бы одну мысль из его головы.

Мой новый знакомый вел себя безупречно. Придаться абсолютно не к чему. Кажется, он был первым человеком, что за долгое время на самом деле поинтересовался моим состоянием. Проявил внимание.

Из-за толики проявленной доброты я ощутила вину за вопрос, который собиралась задать. Как можно открыто проявлять опасения, учитывая, что мужчина дважды наблюдал меня слабой и беспомощной?

Одеяло окончательно сползло, когда я подтянула колени к груди. Длинные халата хватало, чтобы спрятаться в нем.

— Я рассказала все о Немерности, но ты так и не поделился своей историей.

— Не все, — возразил он, глядя мне прямо в глаза. — Как рыцарь повредил ногу?

Вношу поправки. Гера был недостаточно далеко, а я действительно не упомянула о том, как покалечила лысого беднягу. Неожиданная симпатия к Георгию заставила умолчать о некоторых моментах моей агрессии, направленной на других. В итоге, почти вся моя история выглядела как приключение Алисы в стране Чудес. Все вокруг мрачное, странное и опасное, но из всех передраг я выбираюсь как по волшебству. Или благодаря магии Удачи, если бы та действительно работала.

Я собиралась сказать, что Виталия ударил фат, но отказалась от лжи в тот же момент, как открыла рот. Мужчина, что сидел напротив меня, легко распознавал бы обман. Частичка меня не смогла бы смириться с пониманием того, что тонкая нить, связавшая нас в момент моей уязвимости, порвется в тот же момент, как с моих губ слетит первая ложь.

Внутри все разрывалось между скребущимся недоверием (базирующимся на трагичных сюжетах зараженных миров) и искоркой надежды, нашедшей благодатную почву в одиночестве, что тщательно следило за каждым моим шагом, сражая метким ударом каждый раз, когда в миссиях появлялась передышка.

И я растерялась.

Насыщенным горький шоколад его глаз таял в лучах пробивающегося солнца. Я чувствовала на себе нечто похожее.

— Рыцарь посчитал, что я — Избранная. Наслушался бредней от скучающих фатов и слегка сорвался, когда увидел меня. Видите ли, есть жуткое пророчество и все такое.

— Избранная? — мягко и учтиво переспросил Гера, но в глазах его мелькнула смешинка. Что ж, для обычных людей это должно звучать пафосным клише. — Как Нео?

Я фыркнула. Вечно этот Нео. Других знаменитых Избранных что ли нет?

— Как рыжая из Пятого элемента.

Долго спала, проснулась — пошла драться с жутиками, в конце красиво умерла. То есть, выжила, конечно, но это уже фантастика.

— Ты не восприняла его опасения всерьез?

— Лысый мужик с мечем наперевес, что шатается по Немерности. Мне одной ночи хватило, чтобы чуточку умом двинуться. Представляешь, что с ним стало за эти годы? Людям там внизу не место. К тому же, Избранная и пророчество? Это для красивых фэнтезийных миров, а не для нашей суровой реальности. Тут такое просто невозможно!

Резкое осознание пронзило меня посреди последнего предложения.

Возможно. Очень даже возможно! Я не совсем в своем мире. В нем присутствует гость из Золотой оси, а значит все могло покатиться прямым в ад. Об этом я не подумала. Не успела подумать. Это же меняет абсолютно все!

— Аня?

— А?

— Ты замолчала и уставилась в пространство.

— Да, я...

Прохладная ладонь легла мне на лоб. Только чудом я подавила озноб, призвав все свое самообладание, чтобы не отшатнуться от прикосновения.

— У тебя, кажется, температура.

Я дотронулась до лба.

— Где мой телефон?

Георгий огляделся, будто вправду выискивал в своей спальне постороннюю вещь.

— Может остался в сумке?

— А где сумка и мои вещи?

На самом деле я хотела спросить о мече.

— Прости. Я думал, что ты проспишь дольше и кинул одежду в стирку. Она была вся в грязи.

Мужчина и правда казался растерянным. И хозяйственным. Надо отдать должное, умение заказывать еду и забрасывать одежду в стиралку — одни из моих любимых черт характера в мужчинах.

Я положила голову на колени. Следующая просьба сопровождалась взглядом из-под ресниц.

- Будет нагло с моей стороны попросить тот чай с лавандой?

Гера встал.

— Никогда не мог отказать девушке в моей постели. Заодно принесу градусник.

Но прежде чем выйти из комнаты, он остановился, обернулся и спросил:

— Я что-то сделал не так?

По загровку пробежал холодок.

Все так. Ты сделал все идеально так.

— 4 -

Он прикрыл за собой дверь. Мое сознание дорисовало щелчок замка.

У вас есть знакомая, что раз за разом вляпывается в одни и те же отношения? Вроде парни меняются, а проблемы — нет. Этот много пьет, следующий много пьет, а тут почти все идеально было, почти замуж выскочила, а он внезапно пристрастился к бутылке. Неважно, что там вместо алкоголизма. Замените на что-то знакомое. Ревнует, поднимает руку, не берет на себя ответственность, бабник. Вариантов много.

Недавно я поставила диагноз своим предпочтениям. Буквально минуту назад. Звучит он примерно так. Если мужчина мне начинает нравиться, скорее всего, он тот еще психопат из далекого мира, в котором я никогда бы не захотела жить.

Я должна была сразу сообразить. Незыблемые — носители все той же Золотой магии, что заражает миры. А значит, Дробь, никаких тебе здесь романов не видать. Наоборот, приглядишься к идеальному, заботливому, еще и симпатичному мужику в уютной обстановке дорогой квартиры. Ничего не смущает? Не напоминает классическую стратегию Врага, где тебя очаровывают, влюбляют, заманивают в ловушку и пытаются до тех пор, пока не сдашь пароли, явки и собственную магию в придачу.

Дура, вот надо было ляпнуть про Избранную! Ведь он наверняка сомневался.

Ох, не так я все это планировала!

Бежать. Бежать без оглядки. Я еще не готова к этой стычке. У меня двое неспасенных людей за плечами.

Я опустила босые ноги на мягкий прикроватный коврик. Холодок скользнул по полу, будто загоняя меня обратно на кровать.

Хотела бы сказать, что сработал инстинкт Избранной. Но будем честны, подобные планы побега я не раз совершала из одних недолгих, но очень нездоровых отношений. И еще немного после разрыва этих отношений, воссоединения, разочарования и еще одного разрыва (больше одного).

Шестеренки завертелись слаженным механизмом.

Одежда в стирке. Меча нет. Рюкзак остался в коридоре. В нем запасной костюм. Не совсем подходящий для погоды за окном. Я как-то не рассчитывала остаться без ветровки. Переживу ли я это? Легко.

Ключи Гера бросил в вазочку на полке.

Программа максимум: вернуть рюкзак и выбраться из квартиры. Вызвать такси и добраться до машины или дома. Программа минимум: свалить в долбанном халате. И дальше по обстоятельствам. Звонок вымолить у консьержки. Пережить неловкость, вместе с таксистом подняться до своей квартиры, взять деньги у мамы или у соседки.

Сколько требуется времени на приготовление чая? Очень мало. Не успею свалить потихому. Внесем коррективы. Все хорошо скрытое — то, что на виду.

Не скрывая щелчка ручки и собственных шагов, я вышла из комнаты.

— Аня? — тут же раздалось с кухни, сквозь звуки воды и кипящего чайника. — Зачем ты встала? Сейчас все принесу.

— Не торопись, — отозвалась я, оглядывая коридор. Ключи лежали на месте. Но мне попросту не хватило бы времени отомкнуть замок. — Хотела посетить ванную. Ты не помнишь, где я оставила рюкзак? Наверное, мой телефон там.

Звук воды прекратился. Гера выглянул из-за угла кухни.

— Если тебе надо позвонить — возьми мой.

— Хорошо, поймал. Не нужен мне телефон. У меня там лежат некоторые женские штучки, о существовании которых мужчинам знать строго запрещено, дабы сохранить их сон крепким и сладким.

Последовала пауза.

Тут уже не скажешь, что все необходимое можно найти на нижней полочке ванной комнате.

— Видел я твои женские штучки. Одна из стали и в два локтя длинной, а второй можно гайки у БелАЗа откручивать. — Поправив рубашку, Гера махнул рукой вглубь коридора. — Последняя дверь справа.

Внутри все заклокотало от перенапряжения

Меня он значит в комнату донес, а вещички кинул в другом месте.

Я изобразила беззаботную улыбку. Гера скрылся на кухне.

Все идет слишком просто.

Или это я паранойю? Что, кроме всяких неадекватов ко мне уже никто внимания проявить не может? Человек из лучших побуждений помощь оказал, а я сразу ярлыками кидаюсь. Мол, маньяк и извращенец. Вот так и проплывает любовь всей жизни по реке Стикс пузом кверху.

Рюкзак нашелся легко. Меч не нашелся совсем. Проглотив неудачу, направилась в ванную. Я не могла видеть, но внутренний голосок утверждал, что человек на кухне обратился вслух и следит за каждым моим шагом.

Дверь я закрыла громко. Щелкнула замком несколько раз. Врубила душ и тут же набросилась на рюкзак. Спортивный костюм натянула махом. Он был зеленым с красивой нашивкой бренда на груди. Куплен несколько лет назад, на тот случай, если звезды сойдутся и как следует шарахнут меня по мозгам, чтобы я наконец-то начала с понедельника делать все то, что обещала во все другие дни недели. Ну а зеленого цвета, составляющего с тоном моей кожи, цветом глаз и оттенка волос идеальную дисгармонию, он как раз подходил, чтобы нейтрализовать зловерное действие вышеупомянутых небесных тел. Ага, я

продуманная.

Бросив взгляд на свое бледное отражение, что в уродском костюме (оттенок — лесная зелень, если верить этикетке), я выбралась в прихожую. Халат остался на пуфике (да, такие бывают ванных комнатах, когда они реально комнаты, а не два на два). Душ остался включенным, создавая слуховую завесу.

Из кухни продолжали доноситься звуки бренчащей посуды.

Что он там делает, а?

На цыпочках я добралась до своей обуви. Опять же, если у вас хорошая квартира, скрип пола не выдает ваши шпионские поползновения.

Хоть кроссовки на месте. Им бы я точно не нашла замену. Мои крошки идеально сидели на ногах, поддерживая стопу. Посмотрите на свою обувь и признайтесь ей в любви. Пока вам не придется крутиться на платформе в уродских туфлях и с деревянным мечем, вы никогда не оцените прелесть супинаторов и моделей, разработанных исходя из анатомических особенностей стопы.

Стянув ключи, я сжала их так, чтобы они не издавали лишних звуков. Прижимая подушечками пальцев повернула замок. Второй.

На кухне продолжался шум.

Пространство сузилось до одной единственной точки.

Полностью сосредоточившись на плавности движений, я повернула ручку. Потянула дверь. И ничего. Та осталась неподвижна.

Дрожащими руками снова пробежалась по замкам. Ощупала все выпуклости. Мелкая щель между дверью и косяком указывала, что ригель отсутствует. Так почему не открывается?

Паника взметнулась вверх, подступая к горлу. Меня затошнило.

В чем же дело?

— Магия.

Я дернулась, отскакивая от двери, будто ужаленная током.

Прислонившись к стене, Гера вытирал руки вафельным полотенцем.

— 5 -

— Куда-то собралась?

Гера выглядел так по-домашнему, что я почувствовала себя неверной женой, сбегавшей посреди ночи к любовнику.

«— А как же наши дети, Аня? — передразнила я свои мысли плаксивым голосом».

— О, это? — Ткнула я ключом себе за спину, где маячил рюкзак. — Там такое дело, кошка соседки забралась на наш балкон. А дома никого нет. Мама мне уже весь телефон оборвала. Сотня пропущенных и в два раза больше сообщений.

Мужчина понимающе кивнул, после чего спокойно заметил:

— Должно быть непросто дозвониться на разряженный телефон. Он сел у тебя еще вчера.

Зараза! Было девяносто процентов, и я им не пользовалась. Батарея новая. Когда испустить дух успел?

— Откуда ты знаешь, что он разряжен? — закрались подозрения.

Вот также с моим предыдущим телефоном было. Но он хотя бы имел совесть отрубаться при минусовой температуре.

— Зараза на холоде так разрядился?

Гера не стал утруждать себя ответом, а закатил глаза.

В чем дело? А, дошло. Телефон вместе с моими вещи были в его распоряжении всю ночь. Наверняка рубился в игры и побил мои рекорды. Он сам признался, что всю ночь не спал.

Так, стоп. Дробь, не тупи.

— Тогда я точно должна идти домой. Не мог бы ты?.. — ткнула себе за спину.

Гера отстранился от стены и сделал несколько шагов по направлению ко мне. Я не шелохнулась. Во-первых, выжиматься в дверь было не в стиле крутой Избранной. Во-вторых, отступить в глубь коридора — равно загнать себя в ловушку. В-третьих, я еще не настолько потеряла совесть, чтобы ходить в грязных кроссах по чужой квартире.

И да, я пыталась сообразить, как с помощью магии заперта дверь.

— Гера, я хочу уйти. Я же могу уйти, да?

Он выглядел растерянным. Не угрожающим, не злым, не обиженным. Я не смогла разглядеть ни единой отрицательной эмоции. Прямо сейчас мужчину можно было сфотографировать на обложку журнала для домохозяек.

Откинув полотенце на коридорный пуфик, он укоризненно заметил:

— Я же спрашивал, что сделал не так.

— Все так. Ты просто не в моем вкусе. Ничего личного, но ты немного опережаешь время. Нынче предпочитают мрачных и таинственных красавцев с пронзительно-черными глазами и шлейфом тумана из тайн и соблазнительных пороков. Они хватают тебя в крепкие мускулистые руки, втягивают в зависимые отношения и насильно причиняют счастье. А симпатичные хозяйственный парни, с уважением относящиеся к чувствам, готовые подставить плечо под слезы, грудь под меч, уши под женскую болтовню, еще не в тренде. Здоровый отношения — такая скука. Может позже? Попробуй набрать меня через две-три свадьбы моих подруг.

Гера прищурился, стараясь переварить мою запальчивую тираду.

Монолог готовился для другого человека и с иначе расставленными акцентами.

— Какая магия тебе доступна? — внезапно спросил он. — Не могу разобрать.

— Не понимаю, о чем ты.

Я ухватила за дверной косяк. Не для сохранения равновесия, а чтобы удержать себя на месте и не броситься трусливым зайцем обратно в комнату.

— Конечно же понимаешь, Аня. Ты не удивлена.

— После Немерности-то?

— Ты почувствовала опасность. — Продолжал он, приближаясь. — Сразила фата. Не потерялась среди черных вышек. Сохранила боевой дух. Нет, — покачал Гера головой. Темно-русовая прядь скользнула ему на лицо. Он недовольно заправил ее за ухо. Идеальная прическа. У кого может быть идеальная прическа с утра пораньше, да после бурной ночи в лесу? У жутких сверхъестественных созданий. Обаятельных и идеальных до тошноты. — Нет, это не может быть стихия. Мир бы этого не потерпел. Что-то простое, но эффективное. Бесстрашная героиня с мечом наголо.

Он протянул руку к моему лицу и обхватил ладонью щеку, мягко погладив скулу.

Моя рука крепко сжала косяк. Внезапно пальцы нащупал крохотное углубление. На деревянной поверхности был вырезан какой-то знак.

— Гера, что происходит? — я слегка повернула голову. — Зачем?

Теплая ладонь скользнула по коже, застыв на подбородке. Могло показаться, что я намеренно провоцирую контакт такого рода.

— Аня, вернись, пожалуйста, в постель.

Я отвела взгляд.

Мои пальцы оглаживали выскобленный символ. Лотос в кружке (точнее какой-то вид лотоса, неведомый земной ботанике). Теперь я убедилась.

— Почему тебя интересует моя магия? — спросила напрямую.

— Ты не поймешь. Это за гранью человеческого понимания.

— А ты попробуй.

Большой палец скользнул по моей губе. Я задержала дыхание и смогла спокойно выдохнуть только когда мужская ладонь легла на дверь рядом с моим лицом.

— Я ждал тебя очень долго, Аня. Слишком долго. Поверь мне, я не собираюсь тебя обижать. Ты невероятно ценна для меня.

— Да? А вот я к тебе схожие чувства совсем не питаю.

- В самом деле? — в карих глазах мелькнули золотые искры. Мое сердце оседлало коня и бросилось вскачь. — Это скоро изменится.

— Если ты рассчитываешь на Стокгольмский синдром, то для его появления нужно больше времени. Сколько ты планируешь меня удерживать?

По лицу мужчины скользнула тень непонятной эмоции.

— Все должно было пойти не так. Ты права. Я потерял хватку. Что ты говорила о своих предпочтениях? — Он наклонился ближе, хотя между нами и так было недостаточно пространства. Свободной рукой он подпернул мой подбородок, заставляя смотреть на себя. — Мечтаешь принадлежать мужчине против своей воли. Полагаю, тот случай в машине наложил свой отпечаток.

Я перехватила его за запястья, отводя в сторону.

Мои глаза сузились до щелочек. Его горели жидким огнем.

— О, да. — Прошипела я в миллиметре от его губ. — Отпечаток остался.

Я не вжималась в дверь. Все ради того, чтобы отклонить голову назад и со всего размаху врезать лбом в маячившую перед глазами переносицу.

— Ах ты ж!

Схватившись за нос, Гера отпрянул назад.

— Смело, но бесполезно. Это тебе не поможет.

Ему было больно, но голос едва ли изменился. Лишь стал немного гнусавей и напряженней.

Вот за что «люблю» некоторых мужчин. Никакой агрессии. Причиняют моральную и физическую боль исключительно с сочувствующим видом. Ты для них маленькая букашка, что замахнулась на аллигатора. Ай-я-яй. А о бабочке, что переломила спину слона, а потом махнула крылышком, снеся под корень соседний континент, конечно же никто не помнит.

Гера не волновался. Он хозяин положения. Прекрасно понимает, что сквозь магию человеку не прорваться. Могу поспорить, начни я орать, никто не услышит криков. Квартира либо звукоизолирована, либо под еще одной магической печатью.

Он и правда меня ждал.

— Хочешь знать, какая у меня магия? — спросила я.

Гера взял оставленное полотенце и приложил к переносице.

— Удиви меня.

— Двери.

Он озадаченно моргнул.

Символ не-лотоса вспыхнул под моей ладонью. Гера уставился на поврежденный замок. Золотившаяся гравировка ошарашила его сильнее, чем удар в нос. Именно на это я рассчитывала, вырываясь к долгожданной свободе.

— Я открываю двери, — пробормотала я, захлопывая дверь с другой стороны. — А потом закрываю.

Магия вспыхнула еще раз. Малыш охотно откликнулся на призыв. Он не сразу сообразил как работает замок, но как только разобрался, нас было не остановить.

Я выбралась!

Не совершая ошибок новичка, я сразу бросилась к лестнице. Никаких лифтов, не-а. Как во время пожара. Быстро и своими ножками.

Я не знала, сколько времени потребуется, чтобы взломать работу моего дара.

— 6 -

Такси пришлось ловить по старинке. Не самый безопасный способ, но вероятность, что в разгар дня меня повезут убивать в ближайший лесок, была меньше, чем та, где за мной выбежит Георгий и утащит обратно.

Водитель попался молчаливый. Когда мы двинулись, спокойно откинулась на сиденье и, разглядывая мелькающий пейзаж бетонного города, принялась упорядочивать мысли.

Марина и рыцарь Виталий все еще заперты в Немерности. Эта ночь последняя, когда есть возможность спасти девушку. Меча остался в квартире. Медуза предупредила, что, если я попробую вернуться, добром для все не кончится.

Обозначим это как одну проблему. Самую простую из всей груды моих неприятностей.

Проблема номер два разбивается на всю мою историю от начала и до настоящего момента.

Совет в Лэйтирии. Да, именно он. Потому что все остальное — его симптомы.

Что мы знаем?

Совет состоится в ближайшее время. Вынесет он решение, удобное Врагу. Иначе зачем мой мрачный преследователь все это начинал? А вот какое решение ему удобно, остается загадкой. Тинхе ничего конкретного не говорил. Мои предположения не в счет.

Идем дальше.

Я обнаружила в Центре белое зеркало. Зеркало, что отличается от прохода во все другие миры. Потому что оно ведет в параллельный мир моего закрытого? Потому что в нем находится Незыблемый? Обе причины сразу? В любом случае, нашла я его не благодаря Атросу, а с помощью свой избранности.

Я отправилась в новый мир, чтобы найти Незыблемого. Зачем? Потому что любые другие действия Враг мог бы просчитать. Он уверен, что все Незыблемые анонимно скитаются по Золотой оси и стерегут порядок и здравомыслие лэйтарцев (ха и еще раз, ха!).

Я рассчитывала договориться с Незыблемым. Он изъявит на совете свою волю, потребовав, чтобы от меня отстали. В ответ, я помогу ему выбраться из закрытого мира. Верно, я все еще в закрытом мире. Оттого ни Атрос не отзывается, ни Клод за мной не приходит, Враг не достает, да и Малыш не шибко спешит открывать магические проходы. Отсюда вопрос. А как именно я собиралась вытащить Незыблемого?

Проблема третья.

Гера, че за дела? Что это вообще было, ало? Ты тот Незыблемый, которого я ищу? Тогда какого хрена с тобой все вообще не так?!

— Приехали.

— Что? Да, — я протянула таксисту деньги и выбралась из машины. — Спасибо.

На улице было прохладно.

За своей машиной я ехать не решилась. Гера знал, где та стояла. К тому же, я не была уверена, что в таком состоянии смогу водить.

— Ньюта, в чем это ты? — всплеснула руками мама, встретив меня на пороге. Судя по выражению ее лица, она прислушивалась к каждому шороху, ожидая моего возвращения. — Вся растрепанная. Где ты была?

— Привет, мам. — Я скинула кроссовки и поплелась в комнату. — Почему ты не на работе?

— Воскресенье же. — Так просто маму не сбить. — Твой телефон был не доступен.

Простая констатация требовала от меня какого-то пояснения.

— Точно, — подтвердила я, доставая из рюкзака безжизненный аппарат.

Через несколько секунд после соприкосновения с зарядкой, экран вспыхнул светом. Посыпались оповещения о пропущенных звонках.

Мама проследовала за мной.

— Ньюта, у тебя все хорошо? Ты ведешь себя странно. У тебя какие-то проблемы?

Я подняла взгляд на маму. Она изо всех сил старалась не выказывать внешних признаков волнения. Она переживала за меня и хотела помочь. Будто пыталась заглядить передо мной вину. А ведь это я ее вчера обидела.

— Я потом тебе расскажу, — соврала я. В душе что-то оборвалось. Я даже не представляла, насколько огромная пропасть пролегла между нами. — Устала, мам.

Повисла пауза. Знакомая развилка. Мама размышляла, сорваться на меня, давя на чувство вины или проявить более здоровый вид заботы. Видимо остатки золотой магии все еще следовали за мной. Она выбрала мирный вариант.

— Моя дорогая, — сочувственно покачала она головой. — Приготовить твой любимый суп?

— Я не голодна, мам. — Ответила я, заползая на кресло с ногами.

Мама кивнула. На душе стало как-то по-особенному погано. И когда мама покинула комнату. Поразмыслив пару минут, я прокричала:

- Подожди, если тот, что с гренками, то давай! Через пару часиков! А у нас остались те конфеты с двойной прослойкой?

— Всегда голодная, будто кит. — Тут же донеслось притворно-ворчливо. — Как в тебя все влезает?

Небольшая заплатка на дыру в наших отношениях.

Ничего, уйду обратно в Центр и все наладится. У другой «меня» нет страшных секретов.

Господи, я не переживу этого.

Притянув к себе колени, я крепко обняла их. Пустой взгляд уставился на цветастую фактуру обоев. В голове царила пустота. Я понятия не имела, что делать. Оставалось столько вопросов.

Откуда в мире без магии взялась Немерность? Можно ли вытащить Марину силой? Как Незыблемый связан с монохромным миром? Откуда пророчество и ожидание Избранной? Гера — Незыблемый? Судя по используемой печати — он точно лэйтарец. Но зачем ему моя

магия? Эти Незыблемые и так невероятно крутые шишки! Почему не пришиб на месте, если так ненавидит Избранных? Впрочем, тут как раз все ясно. Убивать Избранных не так интересно, как мучить их.

Вот с ним я должна договариваться? Обвести вокруг пальца. Заманить на свою сторону.

Я поежилась. Жуткий тип.

Пока я не помню, как вытащить его, все это не имеет значения. Недостаточно данных. Мне нужно больше информации. Пару лекций банальной теории. Только Атрос мне не помощник. С ним не связаться.

Спросить у Врага?

Как в поговорке. Из огня да в полымя. От Незыблемого к Врагу. Угу.

Гениальный план, Дробь. Примерно на том же уровне, где ты пыталась убедить Тинхе, что он тебя любит. Видишь, чем все закончилось?

— Я у себя дома, а мама готовит мне обед, — пробормотала я, оправдываясь.

То, что до Центра считалась полным провалом в жизни, в Центре стало почти мечтой. А значит, мои планы не так уж плохи.

Итак, как же мне поговорить с Тинхе?

В Деополисе я связалась с ним во сне. Но, кажется, это было его желанием, а не моим. Какой-то особый вид магии. Сработает ли еще раз? Насколько хорошая связь из этого мира?

Я прикрыла глаза. Спать не хотелось. Чувство тревоги поглощало меня миллиметр за миллиметром. Разбитая, усталая и одинокая. Я тонула в своей беспомощности. В таком состоянии я точно не могла идти к Врагу. Но какой у меня выбор?

Кажется, я почти задремала, когда рядом звякнул телефон.

Я автоматически потянулась к дисплею. Новой сообщение. Отправитель неизвестен.

Не ожидая ничего интереснее рекламы, я ткнула на иконку.

— Блять, — выругалась я совсем не в духе героини любовного романа. — Еще и точку поставил.

Текст на зеленом оформлении гласил:

«Твои друзья все еще в Немерности. Приходи по указанному адресу, если хочешь их вернуть. Георгий.»

— 7 -

Всегда поражалась абсолютной неестественности природы стерильного мира.

Яркие сочные краски. Зеленая поляна и яркое безоблачное небо. Идеальные травинки, одна к одной, будто созданные компьютерной графикой и ленивым разработчиком.

— Тинхе? — позвала я, выглядывая черное пятно докучливого визитера.

Гора Атроса, как и ведущая к нему тропинка, не отображались, будто низкое качество графики этого не позволяло.

В прошлый раз Враг ждал встречи со мной. Предполагал ли он, что я еще раз захочу с ним связаться подобным образом?

— Тинхе!

Поляна задрожала. Зелень поплыла туманом.

«Абонент не доступен, — пояснила сама себе. — Попробуйте связаться с более достойным мужчиной.»

Я вздохнула. Мир поплыл. Реальность безжалостно утягивала в неласковые объятия. Едва коснулась ее кончиком сознания, как меня рвануло обратно. Неизвестная сила ухватила

и бросила в водоворот. Я нелепо взмахнула руками, в надежде за что-нибудь уцепиться.

Безрезультатно. У сознания нет рук.

— М-мать ее! — вскрикнула я, шлепнувшись на что-то твердое.

Это был не Центр.

Вокруг царила слабо-знакомое серебристое марево. Оно плотно опоясывало огромную мраморную площадку зеркальной тьмы.

— Что за прикол? — спросила у своего отражения, поднимаясь на ноги.

Учебный наряд Избранной испарился, сменившись полупрозрачным одеянием из ниспадающих складок и трепещущей дымки. Полураспущенные волосы выглядели так, будто меня застали после бала, расплетающую сложную прическу. При всей небрежности это не выглядело растрепано или некрасиво. Наоборот, мое лицо приобрело несвойственную утонченность.

— Не-а, — схватила я перламутровые шпильки, вытаскивая их из прически и швыряя на пол. — Не пойдет.

Следующим должен был стать длинный подол, но едва я коснулась ткани, как прозвучал женский голос.

— Довольно, вещь.

Тон не допускал возражений.

Я выпрямилась, выискивая угрозу. Из «тумана войны» вышли две женщины. Одна постарше в брючном костюме, другая чуть пониже и младше спутницы. Цокая каблучками по мраморным плитам, они остановились метрах в пяти от меня.

Внутри все напряглось. Незнакомые красивые люди редко вносили в мою жизнь что-то помимо страданий. А вынырнувшие из белесой тьмы дамы в полной мере имели право зваться мисс Вселенная и мисс Мира.

— Меня зовут Дробь, — представилась я.

Высокая женщина махнула рукой, как бы отсекая услышанное.

— Нонсенс, — безапелляционно возразила она. — У ничейной вещи не может быть имени.

Досчитав до пяти, я медленно вздохнула и решила быть спокойной, осторожной и вежливой. В конце концов, я не обязана враждовать с каждым встречным лэйтарцем. А дамы явно принадлежали к породе Золотой оси.

— Не имеет значения, кто ты. Важно, кто мы, — продолжила она. Глубокий изумрудный костюм идеально сидел на тощей фигуре. Спина прямая, как прут арматуры. Рыжие волосы скручены в строгий пучок. При всей строгой красоте ее глаза оставались блеклыми и безжизненными. Если бы не жемчужный блеск, можно было назвать их мертвыми. — Леди Опал. Комитет нравственности и утвержденного стиля. — Женщина повел ладонью в направлении своей молодой спутницы. — Леди Дана. Комитет неписанных правил.

Юная девушка коротко улыбнулась, обнажив безупречный жемчуг зубов.

Мой разум неожиданно свернулся в комочек. Инстинкт потребовал срочно материализовать оружие для защиты. Во сне-Центре получалось.

Леди с мертвыми глазами заметила возникшее напряжение.

— Тебе не стоит волноваться, вещь.

— Да-да, — хмыкнула я, — именно когда меня называют вещью, я чувствую, что волноваться не надо.

Женщина склонила голову набок и сухо заметила:

— Моя терминология верна. Что вызывает твоё недовольство, вещь?

— Я — Избранная, а не вещь. Вы не имеете право так меня называть. Я не часть вашей империи.

Леди Дана опустила голову, пряча улыбку. Её нелепый наряд не имел ничего общего со строгим одеянием старшей спутницы. Тем не менее, она не вызывала никакой симпатии.

Леди Опал кивнула.

— Ты отдаешь предпочтение другому термину? — Она немного замешкалась, прежде чем выдать неприятные ей слова. — Дитя жребия?

В легком белом платье я казалась самой себе призраком. Чем-то недостаточно настоящим, чтобы иметь вес против Леди. И все же, возразила:

— Вообще-то, Избранная.

— Дитя жребия, — сообщила Леди второй лэйтарке. В смешанной пустоте её голос прозвучал подобно разбитому стеклу: холодно, остро и смертельно опасно.

Леди Дана вытащила из сумки блокнот и тут же черкнула в нём пару строчек. Её облик все еще плохо ассоциировался с комитетом неписанных правил. На самом деле, я не знаю, как выглядят его представители. Но вряд ли они похожи на подростков, ушедших в смешанную субкультуру, где пестуют косички с вплетенными в них разноцветными нитями, мешковатую одежду непонятной формы и линзы с геометрическими фигурками. Впрочем, последнее могло быть и естественным состоянием глаз. Кто знает этих лэйтарцев.

— Есть проблемы? — насторожилась я.

— Мы предпочитаем использовать более нейтральные термины. Возможно тебе неизвестно, но выбранный вариант несет негативный окрас. На мнение совета это никак не повлияет, они беспристрастны. Но, быть может ты хочешь изменить решение?

Все-таки дело в совете.

— Меня устраивает сделанный выбор, Леди. Может вернемся к сути? Чем обязана вашему гостеприимству?

Девушка с косичками слегка дернулась, но Леди Опал остановила ее.

— Мы занимаемся проверкой фактов. Прежде чем совет назначат, мы должны убедиться, что не тратим его время зря.

— Совет еще не назначен? — В горле пересохло. — Он может не состояться?

Леди Дана вновь дернулась. Что-то из того что я делала вызывало в ней недовольство.

— Большая часть домов посчитала повод абсурдным. Другая часть остановилась на мнении, что если причина споров исчезнет, то собирать совет не понадобится.

Я попятилась.

Малыш внутри вспыхнул теплом, но проявление магии ни коим образом меня не успокоило.

— И к какой части относитесь вы?

— К объективной, — Леди Опал оставалась неподвижной. — Назови своё предназначение, дитя жребия.

— Мое предназначение исполнено.

— Это не ответ.

Но обратилась она не ко мне.

Не успела я возразить, кончик уха обожгло огнем.

— Ай! — отпрянула я, хватаясь за ухо.

Когда я отняла ладонь, на пальцах виднелась кровь.

Я во все глаза уставилась на Леди Опал. Та оставалась холодна и молчалива. Ее спутница наоборот, блистала улыбкой, острой как лезвие. В руках Леди Даны вместо блокнота появилась странная вещица. Что-то среднее между лассо и хлыстом. Рубиновый окрас зловеще мерцал в черном отражении мраморных плит.

— Что началось-то?

— Должно отвечать, когда Леди задает вопрос. — Мило прощепетала Леди Дана.

— Так я ответила!

Косички внезапно засветились розовым.

— Если Леди недовольна ответом или не считает его таковым, это засчитывается за отказ отвечать.

Как чувствовала, что мне не понравится эта Дана.

— Ну так большего вы не получите, — разозлилась я.

Леди Дана шагнула вперед, перехватывая кнут-хлыст.

— Я предупреждала, — бросила она первой лэйтарке, — о чем можно говорить с вещью?

— 8 -

Леди Опал отвернулась, будто потеряла интерес к происходящему.

Ее роль закончена.

— Преклони колено перед Леди, вещь, — приказала Леди Дана. Косички встрепенулись. Маленькие безделушки на их концах предупреждающе звякнули. — Не сопротивляйся и прими ее власть.

Рубиновый кнут зловеще блеснул в аккуратных ручках младшей Леди.

Я попыталась вспомнить, когда в последний раз мой разговор с кем-то не заканчивался дракой. До этого момента я считала, что все проблемы у меня возникают только с мужиками. А вот нет. Девочки, ало, ну мы же все свои! Зачем сразу бичом размахивать? К чему нам оружие? Куда делись пассивная агрессия и психологическое насилие? Давайте обсудим жир на ляжках, почему меня бросил последний парень и кто кому что сказал, каким тоном и как при этом посмотрел.

— Или что? — спросила я нарываясь.

Хотя, «или что» вполне угадывалось по воинственному виду розовых косичек.

— Или мне придется обучить тебя правилам поведения в присутствии Леди. — Воздух разрезал свист. Тонкий конец кнута мелькнул перед лицом вспарывая кожу. Полупрозрачная ткань рукава тут же окрасилась в красный. Я взвизгнула, прижимая пораженную руку к груди. Девушка блеснула зубами, довольствуясь произведенным эффектом. — Я не принадлежу дому Порядка, но и ты не лэй и не имари, чтобы тебя укрощать. Моего уровня дисциплины хватит.

Я во все глаза уставилась на зарвавшуюся малолетку (которая вполне могла быть старше моего рода до десятого колена).

Почему так больно?! Мы же во сне.

— Вот поэтому вещи должны находиться на своих местах. — Продолжала девица слащаво-милым тоном. — Если у вещи нет места, она мешается и причиняет неудобства.

Дана двинулась мне навстречу, я попятилась назад. Длинна кнута не бесконечна. Чтобы еще раз ударить, девушке нужно подобраться ближе.

Была Леди хлестко и безжалостно. У тех же самых фатов вместо конечностей были щупальца, но кожу они не прорезали при каждом прикосновении.

От следующего удара я увернулась. В складках воздушного платья я не путалась благодаря тренировкам в форме Избранной. Но продолжаться бесконечно так не могло.

— Леди Опал сказала, что мне не о чем волноваться.

— Она не солгала. Не волнуйся, вещь. Я хороша в своем деле.

Я конечно надеялась, что все мои приключения рано или поздно из боевого фэнтези перерастут в романтическое фэнтези (с элементами эротики и гаремом мужиков), но зачем сразу бросать в жесткое БДСМ? И если на то пошло, где мое стоп-слово?

— Не надоело бегать? Я думала дети жребия храбры и отчаянны. Всегда готовы встретить опасность лицом к лицу.

— А я думала, лэйтарки не способны на нечто большее, чем дефилировать на высоких каблуках и зубоскалить за спиной. Все мы ошибаемся.

Желанный меч в руках не материализовывался по моему желанию. Как и доспех, и пулеметная рота. Во сне-Центре у меня была форма и меч. Во сне, где я встречалась с Аматри на солнечной веранде, с зонтиком и в платье под тон его костюма, он спокойно манипулировал обстановкой. Почему сейчас у меня ничего не получается?

Мир не терпит использования того, чего в нем быть не должно. Это касается магических снов? Если понять, где я...

Задумалась я чуть сильнее, чем позволяла ситуация.

— Не отождествляй нас, вещь. Преклони колени перед Леди и признай ее власть.

Девушка замахнулась. Звук, рассекающего воздух хлыста.

Ногу пронзило жгучей болью. Будто раскаленное железо с иглами врезалось в кожу. Я снова не сдержала крика. От падения на пол меня удержала только победная улыбка злючки-неформалки (или формалки, но лэйтарской).

Все Леди такие садистки? Солярис вон подставила на своей же вечеринке, заковав в лед.

О-па!

Я глянула на кровь, стекающую вниз по ноге. На кровавые следы, оставленные порезом на руке. Опаленные болью раны были битым стеклом и живым огнем. В голове что-то начало складываться и, в конце концов, мелькнуло зловещим огоньком.

Честное слово, я милая. Не люблю скандалить. С трудом переношу ссоры. Предпочитаю спастись бегством, а не вцепляться противнику в волосы и царапать лицо. Но в последнее время что-то идет не так.

— В чем дело? Это не так больно, чтобы лишить дара речи. — Перешла к насмешкам Леди Дана. — Я толком не приступила к делу. Не привыкла к такому, вещь?

— К чему? — подняла голову, встречаясь взглядом с Леди. — К неадекватной реакции незрелых особ? Как раз-таки привыкла.

Она рванула вперед. Рассчитывала, что я опять начну отступать?

Я перехватила конец кнута на лету. Тот должен был вонзиться в мою ладонь подобно ножу, пронзающему тающее масло, но этого не произошло. А Леди слишком спешила, чтобы понять.

- Я имела ввиду, что ты не привыкла терпеть поражение, вещь! Боги все устраивали за тебя. Ты не знаешь настоящего боя.

Мелкая сделала резкое движение, подразумевающее, что сейчас мои ладони превратятся

в кровавое месиво. Но кнут не поддался. Ухватив рубиновый жгут второй рукой, я с силой дернула его на себя. Не ожидав подобного, Леди полетела вперед и шлепнулась о блестящий черный пол.

— Ох, — вырвалось у нее.

Ага, коленкой и локтями вписаться в мрамор, это вам не шутки.

— Кто из нас тут терпит?

Леди Дана ответила. Назвала с десятков нецензурных прилагательных. Когда я навалилась на нее сверху, скручивая в захват, список неприличествующих Леди слов увеличился.

— Как ты?.. — задыхаясь. Ее щека была прижата к полу, моя рука давила сверху на ее голову.

Что, не привыкла получать отпор?

— Не лезь в дела бывших Избранных. Живешь в великой империи, так занимайся тем, что положено Леди. Блистай на приемах чужой магией и краденной силой.

Вот тут я видимо перегнула. Не только у меня есть точка кипения и второе дыхание.

Леди Дана перевела взгляд на мою руку. Ее глаза злобно сощурились, когда она обнаружила, что кровь и порез исчезли.

— Магия, конечно.

Перед глазами вспыхнули золотые искры.

Меня тряхнуло. Внутренности съежились, к горлу подступила тошнота. Эти симптомы я уже не смогла снять простым отрицанием, как когда-то на арене у Солярис. В тот раз я выбралась из льда, осознав, что это нереально. Золотая магия же была вполне настоящей.

Сырая сила без каких-либо заморочек. По болевым точкам, чтоб наверняка.

Я повалилась набок.

И пока мое тело сводило судорогой, Малыш охотно потянулся к родной для него магии.

Магия заколебалась. Свет неустойчиво замерцал и вспыхнул. Золото заискрилось, шипя и плюясь. Лицо обдало ужасающим жаром.

Внезапно Дана испустила искаженный бессвязный крик. Давившая на меня сила пропала.

Ну да. Малыш атаковал носителя золотой магии. Чему научили, тем и оперирует.

— Леди Дана! — раздался взволнованный возглас другой Леди, но вмешиваться она не спешила.

С трудом я повернула голову.

Леди удерживал за плечо мужчина в черном.

— Ваше мнение, Опал. — Произнес он, когда понял, что его присутствие обнаружено.

— 9 -

В огромном зале из мраморных плит и тумана Тинхе выглядел самым чуждым и инородным элементом из всех нас.

Враг. Странник. Мужчина в черных одеждах, полностью скрывающих его тело. Перчатки, сапоги и наглухо застегнутый воротник. Капюшон скрывает копну угольно-черных волос и тенью опускается на глаза.

— Не знаю, что сказать, — растерянно ответила Леди Опал. — Это похоже. Это имеет все признаки дара Золотой оси. Не представляю, как такое может быть.

— Предположи, — предложил Тинхе.

Женщина колебалась. Ее пустые глаза отражали мертвую пустоту, но линия губ отчетливо рисовала смесь ужаса и отвращения.

— Может что-то сбежало из лабораторий, — Леди Опал взяла себя в руки, голос обрел твердость. — Бывали случаи. Некоторые объекты довольно длительное время остаются жизнеспособными и в определенной степени разумными.

— У нее нет вейоса. Она не часть эксперимента дома Непознанного.

Вейос — метка, означающая принадлежность кому-то из Лордов или Леди. Она есть у всех живущих в империи Золотой оси, кто относится к истинным лэйтарцам.

Губы Леди задрожали.

— Я знаю, что ты хочешь услышать. Но все не так однозначно. Не все законы действенны за пределами империи. Могли быть проведены исследования без согласия дома. Она сама могла это с собой сделать! Дети жребия непредсказуемы и безумны. Они не отвечают за собственные поступки.

Вот кто мы для остальных лэйтарцев. Неуравновешенные, недееспособные, опасные для себя и окружающих. В каком-то смысле так оно и было.

Леди Дана заворочалась рядом. Шок спал, девушка пришла в себя.

Если она сделает хоть одно резкое движение...

Но лэйтарка не спешила брать реванш. Интерес ко мне был утерян, она внимательно вслушивалась в диалог Странника и Леди.

— Если предназначение исполнено, она свободна. Разве нет, Опал? Или она лжет?

Леди поджала губы и отвернулась.

Враг перевел взгляд на меня.

В чем дело, Тинхе? Чего еще ты добиваешься? С магией понятно. Решил заранее заручиться свидетелями моих сил. Устроил представление. Я мастерски спалилась. Иного исхода быть не могло, ты просчитал меня на раз-два. Но что тебе до предназначения?

«Это элементарно, Ватсон. Если нет предназначения, то не надо выстраивать схемы по отречению от избранности. Забирай горяченькой!»

«Но секундочку, Холмс, Врагу и раньше сообщалась эта информация!»

Он мне не поверил? Почему? Что еще значит факт законченного предназначения?

— Не берусь утверждать, — ответила Леди Опал.

Она разглядывала туман. Скрестив руки на груди, дама в изумрудном костюме ушла в глухую защиту.

— У комитета нравственности и утвержденного стиля нет экспертного мнения? — Тинхе продолжал давить.

— У комитета неписанных правил есть. — Подала голос Леди Дана.

У меня тоже оно было, но больше походило на скандал с вкраплениями насильственных действий и несло мало смысловой нагрузки. Поэтому я отложила образ Королевы Драмы в коробочку «когда-нибудь пригодится» и продолжила валяться «пораженная магией».

— Ты не можешь делать никаких заявлений!

Дама едва ли ножкой не топнула.

— Утверждать — не могу. — Девушка бросила на меня оценивающий взгляд, после чего скрутила рубиновый хлыст и на показ (для меня) засунула его обратно под слой бесформенной одежды. — А мнение все же выскажу.

Пошатываясь, она направилась к двум высоким фигурам лэйтарцев.

— Нет у нее никакого дара. — Заявила Леди Дана с вызовом глядя на Тинхе. — Он сам

по себе, и он зеркалит. Вот откуда весь блеск и золото.

— Дана!

— Нет, Опал. Магия материальна. Она имеет вес и форму, — девушка сложила руки так, будто держит невидимый арбуз средних размеров. — Когда передаешь другому магию, она должна прижиться. Сродниться с сутью. Мы научились без последствий имплантировать дары присоединенных миров. Наша же магия эволюционировала. Видоизменилась, став отличной от того, что когда-то было. В таком виде она не подходит никому, кроме лэйтарцев. Когда ее пробовали пересадить обычному человеку, магия легко приживалась, но в итоге, подчиняла носителя себе и коверкала до неузнаваемости. Это убивало обоих.

На лице Тинхе промелькнуло недовольство.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она не мутант, — это адресовалось Леди Опал. — Не превратится в монстра. Ее дар не прижит. Они не одно целое. Поэтому ничего не понятно. Дар развивается, но не ее практикой, а своей собственной. Предположу, что это сохраняет ей разум.

Надо же, я все-таки особенная.

И да, Малыш, на секундочку.

Тинхе, кажется, такой ответ не устроил. Да он и мне не особо понравился.

— Магия не разумна. — Холодно возразил Враг.

— Я не утверждаю обратное. — Пожала плечами Дана. Обойдя Тинхе, девушка заняла место подле Леди Опал. — У дятлов, к примеру, нет самосознания, но в случае появления соперника, они дадут отпор.

Не переживай, Малыш. Сравнение с дятлом не худшее, что могло прозвучать.

— Отлично! — Внезапно вмешалась Леди Опал. — Ты услышал, что хотел? Если ее дар передать, скорее всего, он убьет следующего носителя. И я не могу дать однозначного ответа о ее принадлежности. Только совет может решать, что все это значит. Он состоится.

Враг не улыбнулся, но то, что отразилось в его глазах, означало победу.

— Леди, — кивнул он. — Не смею больше задерживать. Свободного дня.

— Свободного пути, Странник, — эхом отозвались обе Леди. И если Дана откликнулась вполне дружелюбно, Опал позволила проявиться раздражению.

Пространство пошло рябью.

Плиты подо мной зашлись ходуном. Туман и зал растворялись вместе с фигурами лэйтарок.

— Дробь.

Ах, да. Я еще здесь.

— Как ты меня заметил?

Тинхе оказался рядом раньше, чем я успела подняться. Не терпя возражений, он подхватил меня с черных плит. Мрамор растворялся на глазах (даже во сне на материалах экономят!).

— Что происходит?

— Это уголок Леди Опал. Ее площадка. Уходит она, исчезает и ее творение. Держись, мы отправимся в другое место.

Я вцепилась в Тинхе.

Безопаснее было сорваться в пропасть.

Враг перехватил меня крепче.

«Это все не по-настоящему, — напомнила я себе, игнорируя близость Тинхе. — На

самом деле он далеко и не может ничего сделать. Мы оба не реальны».

— Не тешь себя иллюзиями, моя неосторожная Дробь.

— 10 -

Цветущий зеленый сад. Под ногами клеверная дорожка, убегающая сквозь украшенные арки. Вдоль изгородь декоративных кустарников, в центре миниатюрный фонтанчик. Примятая трава мягкая, пышущая здоровьем и блеском. Так сразу не поймешь, что стоишь на крыше особняка в самом центре Золотой империи.

Сердечко ёкнуло.

Нет, конечно же, мы не в Лэйтарии. Такой же сон, как и другие. Враг не способен вытащить меня в реальность. Все элементы — не более чем кусочки из воспоминаний, собранных вместе.

— Тинхе. Отпусти. — Потребовала, пробуя выбраться из чужих рук.

Несколько долгих секунд Враг не реагировал.

— Тинхе!

Мужчина вздрогнул. Легкое замешательство мелькнуло на безупречном лице и тут же пропало. Ладони в перчатках скользнули по моему телу, цепляя тонкую ткань полупрозрачного платья.

— Позволил себе забыть, Дробь. — Открыто усмехнулся Враг, пряча руки в карманах. — Сны такие коварные. Особенно магические.

— Да, я помню, — хмыкнула я, уставившись на ковер из клевера. — Знаешь, я не думала, что на самом деле до тебя дозовусь. Я же не владею магией снов. Как все получилось?

«И когда ты успел подготовить засаду?» — повисло в воздухе.

— К чему удивление? Ты же не в первый раз связываешься со мной подобным образом.

— Да, но в прошлый раз вопрос шел о нескольких днях. Ты ждал меня. Сам оговорил срок. Но сейчас иная ситуация. Как ты понял, что я позову?

Враг неохотно вытащил руку и продемонстрировал кольцо. Опалесцирующий камешек мрака в оправе из черного металла.

— Он предупреждает меня.

Мои брови поползли вверх.

— Секундочку. Ты знаешь, когда я сплю?

Если он скажет «да», я плюну на свое будущее и навсегда запрусь в Центре. Потому что, извините конечно, но у преследования должны быть границы.

— Я знаю, когда ты зовешь меня по имени. Во сне. — Тинхе немного поколебался, но добавил. — Осознанно и с целью меня увидеть.

Я прижала руку к груди, всем видом демонстрируя возмущение до глубины души.

— А для чего, по-твоему, я еще могу использовать твоё имя?

В мечтах я до нашей свадьбы даже не добралась (мы всего лишь помолвлены, мило держимся за ручки, болтаем всю ночь напролет и долго смотрим друг другу в глаза на фоне мириады звезд), первая брачная ночь далеко впереди. У моих преследований тоже есть границы!

Тинхе отзеркалил мое движение рукой, скопировав выражение лица.

Я фыркнула.

Издавайся-издавайся. Вот назову первенца Клодом (в честь Моне, конечно же).

Враг поправил отвороты кардигана и вновь спрятал руку. Будто боялся, что иначе позволит себе больше, чем заложено в образ сконструированной роли.

— Вернемся к главному вопросу. Какому восхитительному событию я обязан за радость видеть тебя, моя чудесная Дробь?

Иногда я подозревала, что Враг специально подбирает приторно-клишированные фразы из слащавых романов. В другие дни таких сомнений не возникало. Конечно же у него под подушкой лежит потрепанная книжечка в мягком переплете, из которой черпается вдохновение.

Если сильно не подфартит, я ее отыщу. Если сильно не подфартит Тинхе, я ее сопру, и сама прочитаю.

— Какому событию, Тинхе. Серьезно? Тому, который устроил сам. Что за представление? Ладно бы столичных див пригласил, так нет, офисная змея и школьница с опасными игрушками.

Мужчина кивнул в сторону тропинки.

— Ты все уже поняла, — сказал он, пропуская меня вперед. Сидеть у фонтана под огромным развесистым деревом куда приятней, чем топтаться под палящим солнцем. — К чему тратить ускользящее время на разговоры о других женщинах? Пусть они не занимают мысли в твоей головке. Скажи, ты помнишь мой сад?

— Да, особенно те лианы у карниза.

Мы разместились у фонтанчика. Трубочки успокаивающе перекачивали воду по деревянным сосудам, приятно позвякивая.

Враг стянул капюшон.

— Тебе здесь нравилось?

Красивые арки, экзотические цветы, петляющие тропинки. Как такое может не понравиться?

Я мотнула головой.

— Не морочь голову, Тинхе. Какая разница? Я хотела видеть тебя не для того чтобы обсуждать природу.

— Так ты хотела меня видеть, — произнес он так, будто поймал меня на чем-то постыдном. В глазах мелькнули зловещие искорки. — Скажи где ты и я тут же окажусь рядом.

— Вряд ли получится, там не очень с порталной связью.

Аура вокруг мужчины внезапно стала вязкой и тяжелой. Я совсем забыла, каково находиться рядом с ним, когда он не утруждает себя игрой в человека. Когда нас не разделяет зеркало и множество миров. Когда нет защиты забытых богов. Когда желания Врага на поверхности, и он требует их исполнения.

На самом деле, Тинхе не милый. Он не хороший человек. Он не злодей, что пленен моей красотой (умом, душой, характером или подставьте то, что вам больше нравится). Каждая Избранная, что попадалась ему — неизбежно проигрывала. Среди них были девушки и умнее, и красивее, и хитрее, чем я.

Каждая из них пала.

«Не обманывайся им, Дробь, — напомнила я себе. — Если он с тобой говорит, значит ему это выгодно.»

Черные бездонные глаза жадно ловили мои эмоции. Неуверенность. Страх. Задумчивость. Горечь. Они отметили все, хотя я сама не отражалась в их поблескивающей

тьме. Они смотрели куда-то глубже. Они запоминали. Просчитывали. Сохраняли. Использовали.

- Ты не в Центре. — Заключил Тинхе. Я непроизвольно сжала складки платья, сминая их еще сильнее. — Будь там, не дозволясь бы. Да и зачем, если есть зеркало. Подвергать опасности новый поток ты бы не стала. Значит их миры отпадают. Но куда-то же ты отправилась, так? Так. Затеяла свою игру, Дробь?

— Ожидал от меня иного?

— Было бы глупо с моей стороны.

— А ты не глуп, — пробурчала я обвинительно.

Солнечные зайчики играли светом на бамбуковых трубочках, тон Врага играл всеми цветами самодовольства.

— Ты пришла за информацией. Но не простой. Тебе нужны ответы, что положат начало моему проигрышу, так ведь? Ты задумала нечто особенное, что в конечном итоге не позволит мне добиться желаемого. — Губы мужчины дернулись в ухмылке. — Потрясающе. Мне нравится. Что ты хочешь знать? Спрашивай, я отвечу.

Я не сразу сообразила, о чем он говорит.

— Что ты сказал?

— Ты пришла что-то у меня узнать. Хорошо.

Я готовилась к более тонкой игре. А это — это ненормально.

— Почему?

— Просто так.

Я не нашла, что еще сказать. Его слова не укладывались в схеме. Враг должен был угрожать, пуститься в шантаж, предлагать блага мира. А он сидит рядом, молча разглядывая меня. Сам-то понимает, что делает?

Может на самом деле...

Да хватит вестись, Дробь!

Он — Странник. Во второй раз на те же грабли не наступит. Он согласен отвечать не из-за уверенности в своей победе, не из-за эго и не из-за гордыни. Он охотно делится информацией, чтобы выработать в тебе зависимость. Чтобы ты раз за разом приходила к нему за дозой. Он поступает так не в первый раз. А ты зовешь его не в последний.

Думаешь, что играешь с ним? Обводишь вокруг пальца, хитростью выманивая ответы? Очнись, дурочка! Он даже не скрывает радости от вида твоей наивности. Списываешь на то, что он увлечен тобой? Оглянись, задумайся. Ты — непокоренная вершина. Щелчок по носу от богов. Нерешенная задачка. Реванш.

Между вами нет особой связи. Единственной пострадавшей будешь ты.

— С тобой ничего не бывает просто. — Возразила я, встречаясь взглядом с Врагом. — Назови цену.

В беспросветной тьме радужек, сквозь тонну льда, прорезалось нечто жадное и оголодавшее. Оно смотрело на меня в пугающе-алчущим предвкушении. И не было в нем искр золота.

Улыбка Тинхе потухла.

— Если это то, чего ты желаешь.

— 11 -

Ладонь в черной перчатке легла на лавочку между нами.

Пустота и безразличие.

Тинхе легко играл эмоциями. Обрезал все чувства и ушел в глухую защиту. Бездна растворилась, не оставив следов в антрацитовых глазах. Ничего, кроме потустороннего холода.

Странно, но я ощутила спокойствие.

— Расскажи о себе. — Наконец произнес он, впитывая обуревавшее меня смятение. — Я отвечаю на твои вопросы, ты — на мои.

Как в старые добрые...

— Что ты хочешь знать?

— Что угодно.

О себе. Что угодно.

— Я не стану говорить о Центре, — сразу очертила границы, — И об Избранных, которым помогаю.

— Нет же, — Тинхе прикрыл глаза, после чего покрутил пальцем в воздухе (нет, не у виска). — Что было до.

Я слегка подвисла. Подождите: система перезагружается.

До? До начала времен? Я не знаю, мне не рассказывали.

— До чего?

— До Центра, — ответил Тинхе, как само собой разумеющееся. — В твоём мире. Неважно, о чем. Об учебе, о работе, интересах и вкусах. Что угодно. Хоть о цветке на подоконнике.

— Зачем?

— Нет, Дробь. Так не пойдет. Я же не спрашиваю твоих мотивов. — Он приложил палец к губам. — Ты хотела цену — вот она. Твой выбор, Дробь.

Ненавижу свои выборы.

Я поднялась с лавочки и направилась к фонтачику. Рябь на воде подрагивала в рассинхроне с законами местной физики. Дневная дрема легка и ненадежна. Время убегало безжалостно быстро.

— Хорошо. — Вода заскользила по пальцам, когда очередная трубочка дрогнула и опустилась. — Расскажи о магии и будет тебе история.

— Ты должна уточнить. Магия — обширный раздел.

Тинхе остался на садовой скамейке, оттуда наблюдая за мной.

— Магии требуется подпитка? Мана?

— Ты могла узнать об этом у богов.

— Могла, — согласилась я. — Но спрашиваю у тебя. И ты обещал ответить.

Мужчина задумался.

— Всему требуется подпитка. Человеку нужен сон и пища. Магия тоже устает, истощается и допускает ошибки. Но как часть организма она вполне довольствуется общими потребностями человека. Что помогает в восстановлении тебе, то сойдет и для нее. Конечно, мы не говорим об условностях некоторых миров. Но там уже дело не в магии, а в законах мира.

— А если в мире нет магии? Если законы ее не приемлют? — спросила я и сразу вспомнила Деополис. В нем из магии высасывали энергию, в итоге убивая ее вместе с носителем.

Казалось у Тинхе мелькнула та же мысль.

— Нет. Проблемы возникают, если дар неправильно прижился. При трансплантации случился сбой. Или человек недостаточно искусен. На заре первых присоединенных миров Золотая ось сталкивалась с подобными сложностями.

Сразу представились стерильные лаборатории с иглами, белыми халатами и пищащими аппаратами. Скальпель, надрез, скальпель, зашиваем. Уф.

— В чем они выражались?

— Лично я не застал тот период. Из того, что известно, могу предположить. Магия захватывает носителя и начинает питаться им или окружающими. Вроде вампиризма, но без блесков, без эротической подоплеки и без эстетики.

Тинхе говорил тихо и как-то отстраненно. Не очень он любил упоминать о вещах, бросающих тень на Золотую ось или на самих лэйтарцев. Отчего у меня и возник вопрос иного рода.

— А что ты вживлял в себя?

— Дробь, — мужчина наклонился вперед, складывая ладони в замок. — Лэйтарцы не оскверняют себя дарами иных миров. Мы используем их без имплантации. Как единичные заряды. Отдельные заклинания.

— То есть, вы берете какую-то часть магии, используете ее, и она исчезает. Как если бы у меня был пистолет, где вместо пуль — магия.

— Не самая точная аналогия, но сойдемся на ней. Вживлять чужую магию неразумно и опасно. Нужно учитывать сотни факторов. А жизнь лэйтарцев слишком ценна для опасных экспериментов.

Я не удержалась от ухмылки.

Лёша подобных сложностей не испытывал. Не такая уж Лэйтария и продвинутая. Не по всем фронтам вы, ребята, догоняете богов.

А потом стало немного не по себе. Атрос создал чистую золотую магию, но я сама поймала ее в междумирье. И если верить леди Дане, дар не прижился. Еще и живет сам по себе, а лет через восемнадцать устроит мне истерику и съедет жить в отдельную квартиру. И кто мне в старости наколдует стакан воды и шоколадку?

Отлично! Влюбляйся во Врага — не влюбляйся, все равно останусь с разбитым сердцем.

— Я ответил на твои вопросы, Дробь?

Кот запрыгнул на колени, требуя внимания и ласки. Пушистый комочек тепла. Одной рукой я гладила Тимьяния, другой наворачивала суп с гренками. Мама пересказывала последние сплетни.

Я кивала, периодически поддакивая. Меня гложимо чувство вины, за то, что я слушала ее невнимательно, но заставить себя полностью сосредоточиться на ней не получалось. Я прокручивала разговор с Тинхе. В обмен я дала ему бесполезную информацию, но все равно казалось, что где-то сильно прокололась.

Кот. Что может быть безобидней, чем рассказать о своем коте? Никому не интересны истории о вашем коте. То же самое, что незамужней и бездетной подруге слушать о малышах, пеленках и распашонках, а потом улыбаться тремстам фотографиям розовощекого карапуза.

Ладно, беру свои слова обратно. Тут перегнула палку, признаю. Как можно не любить истории про котиков? Вы видели интернет? А про Египет слышали? Котики — самое прекрасное, что есть в жизни. Вот они вас любят. Потому, наверное, в Лэйтарии кроме пегасов нет животных. Не смогли бы лэйтарцы существовать рядом с пушистыми

красавцами и не любить их.

Примерно это услышал Тинхе. Сам виноват, что спросил. И продолжил спрашивать до тех пор, пока не выяснил каждую мелочь о Тимьяне.

Звякнул телефон.

— Кто это тебе пишет? — мама заинтересованно глянула на экран. — У тебя появился друг?

Я тут же прикрыла телефон рукой.

— Мама!

— Что «мама»? С каких пор у тебя секреты от меня?

— Со второго класса.

Я убрала телефон на колени. Тимьяний ревниво потянулся к нему, памятуя, что из-за этого устройства его королевскому Величеству стало меньше перепадать внимания.

— Какая красивая морда, — засюсюкала я против собственной воли.

Кот уловил интонацию и боднул ладонь. Мол, че остановилась, гладь дальше. Я бросила взгляд на всплывающее окно и отключила телефон. Тимьяний довольно замурчал.

Гера прислал время и место встречи.

Вот же доставучий. Всего одна встреча, а уже закидывает смсками. Неужели не слышал о правиле трех дней?

— 12 -

Остаток дня прошел в подготовке.

Искала разогревающую мазь. Смазывала синяки. Занималась порезом: тот покрылся корочкой и жутко чесался. Нашла разогревающую мазь. Сделала компрессы на коленочки. Ночной паркур — красиво звучит и выглядит эффектно, когда тебе восемнадцать или магия стерильного мира на твоей стороне. Чудо, что мои приключения не закончились в травмпункте с растянутой лодыжкой или разрывом мениска.

Мышцы стонали. Если моя обычная форма позволяла носиться по лестницам и заброшенным школам, то состояние тела из реального мира оценивалось плачевно. Болело в тех местах, где давно уже ничего болеть не должно. Времени заскочить к мануалисту не оставалось. Зато никто не ругался, что я убого разминаюсь. И не скидывал в грязевую яму.

Прогресс.

Прогресс, который я запила болеутоляющим. Из успокоительного дома нашелся грудной сбор и кексики с шоколадом (мама, ты святая!).

— Ты случайно не беременна? — спросила та самая святая женщина, заметив, что с тарелки исчез пятый кекс.

— Случайно — нет, — ответила я, зачерпывая пальцем клубничный крем. — Специально — нет.

— Ты раньше столько не ела. Переживала за фигуру. В буфете до сих пор хлебцы диетические лежат.

— Дурой была, мама. Как есть, дурой.

Впрочем, на последнюю вкусняшку посмотрела с сомнением. Голодной идти в бой не стоит, но и набитое брюхо не в помощь. С другой стороны, я отправлялась в монохромный мир, где лишняя доза серотонина не повредит.

Пока я боролась со своей жадностью, мама оседлала любимого конька.

— Сегодня соседку встретила с пятого этажа. Тетя Валя, помнишь ее? Тыквы нам в

прошлом году приносила. Так вот, у нее сын с армии вернулся. Красивый, умный, опрятный, поступать на программиста будет. Конечно, много времени за компьютером проводит, но была бы девушка у него заботливая. Парень-то работающий. Олежечкой зовут. У тебя же сейчас никого нет?

— А что, у Олежечки есть старший брат?

Глядя мне в глаза, мама пододвинула тарелку с кексом себе. С той же невозмутимостью съела ее до последней крошки.

— Мама!

— Да, я мама. Тридцать два года как замужем. А ты что? Дома ночевать перестала, мешки под глазами вон какие огромные. На звонки не отвечаешь. Говорить со мной не хочешь. Ты ведь и сегодня куда-то собралась!

— Мне тридцать, мам.

— Двадцать девять. Почему ты не хочешь со мной поговорить?

Я вздохнула.

Хочу, мам. Очень хочу. Дело в том, что мне кое-кто нравится, но все мои чувства глупы и безответны. Нет с ним будущего. Смешно, я знаю. Нет, он не женат. Детей нет. Наверное. Понятия не имею, если честно. Он намного старше меня. Не знаю насколько. Прожив столько лет у него наверняка есть прошлое. Три развода, пятнадцать детей и тридцать внуков, может и правнуки. Опять же, я не знаю. Нет, он не старик, мам! Все сложно, понимаешь. Выглядит-то он вполне прилично. Я бы сказала, очень даже хорошо. Слишком. Но суть не в возрасте. Хотя и в нем тоже.

Мы разные, мам. У него другой менталитет и культура. Наши взгляды на мир отличаются как небо и... Нет, не земля. Как небо и планета без атмосферы. А еще он какой-то особый вид атеиста. Или верующего. То есть, он знает, что бог существует, но не любит его. И нет, к сатанизму отношения он не имеет. Нет, мам, тут я точно уверена.

У нас нет ничего общего. Ну и черт с этим, да? Ты вот гуманитарий, а папа технарь. Ты рак, а он козерог. Ты смотришь турецкие сериалы, а он не знает, как включить ноут. Вы познакомились на практике и влюбились с первого взгляда. А вот он меня не любит. И не полюбит. Вот как бывает. И неважно как я выгляжу, сколько у меня лишних кило и какого цвета маникюр.

Я даже не могу назвать его хорошим человеком. Мне чертовски не нравятся мои чувства, но с ними ничего не поделать. Не переживай. Я не собираюсь плакать из-за него или впадать в депрессию. Взрослая уже девочка. Не я первая и не я последняя.

Проблема в том, что он делает все возможное, чтобы быть рядом. Не обращать на него внимание невозможно, я бы сказала, опасно для жизни. Мы, типа, враги. Не знаю, как объяснить. Суть в том, что я должна понимать, как он думает, должна просчитывать его ходы, должна знать его мотивы. Должна с ним взаимодействовать. Должна каждую ночь прокручивать наши разговоры раз за разом, выискивая зацепки.

Это тяжело, мам. И больно. Как будто я медленно умираю.

Нет, не так медленно, как от старости.

Почему должна? Ради спасения мира, конечно же. Нет, не шучу. И не преувеличиваю!

И еще кое-что. Я собираюсь совершить самоубийственную глупость, в той лишь надежде, что тот самый мужчина потеряет ко мне интерес. Что именно я решила сделать? Так просто не объяснишь, но это сломает меня, мама.

Да позвоню я этому Олегу. Зарегистрируюсь на сайте знакомств. Что хочешь сделаю.

Мне важно пережить эту ночь. Убедить одного мудака, что в его интересах пойти со мной на сделку. А там разберемся. Разрулим дела в Немерности. Вытащим людей. Закроем порталы.

Как думаешь, я смогу остаться дома? Здесь не так плохо. Мир большой. Приключения всегда найдутся. Я почти нигде не была.

Но всего этого я не сказала.

— У Марины проблемы. — Я встала из-за стола. Разговор окончен. — Я ей помогаю. Завтра все объясню. Обещаю. Не жди меня.

В этот раз, рюкзак я брать не стала. Одни у меня были джинсы, и я их оставила в квартире у маньяка. Мелькнула мысль попросить Геру принести мой шмот, но руки к телефону не тянулись. У меня и так внутри все переворачивалось, при мысли о нем.

Воспоминания о Гере вызвали сильное внутреннее отторжение. Я немного сожалела, что на мне не работает флер Странников. Хоть чуть-чуть симпатии не помешало бы к этому козлу.

Перед выходом я остановилась у зеркала. Волосы заплетены в тугую косу. Мешки под глазами просвечивают сквозь слой пигмента. Косметики по минимуму, исключительно ради того, чтобы случайные прохожие не шарахались.

— Пока, мурчалка. — Попрощалась я с котом.

Да, я разговариваю с котом. И со своим телефоном. И с многими бытовыми приборами в доме. Иногда с едой. Если вы так не делаете, то это просто потому что я Избранная, а вы нет.

— Вернусь завтра, мама. Не переживай.

В ответ донеслось что-то недовольное.

— И ты соберись, — приказала я себе.

Гера сильный противник. Незыблемый. Не стесняется грязных приемчиков. Но и я не новичок. Избранная со стажем. И о том, что он не первый лэйтарец на моем пути, знать не знает.

— 13 -

Очередной проход в Немерность располагался на заброшенной парковке под мостом. Проржавевшие ворота поскрипывали от порыва ветра. Прошлогодние листья и мусор кружили в танце. Где-то рядом выла собака.

— Ты пришла.

Гера вынырнул из тени перекошенной сторожки. Брючный итальянский костюм он сменил на фланелевую рубашку и джинсы. Холод и сквозняки его совсем не беспокоили. Меч Виталия был закреплен у него за спиной специальными ремнями.

Злорадство мазнуло острым теплом. Поперек носа Геры был приклеен тоненький пластырь, скрывающий следы моего удара. Он не залечил рану.

— У меня был выбор?

Я сунула руки в карманы стеганного жилета, надетого поверх вязанного платья. Кулаки так и сжимались еще разочек пройтись по носу брюнету. Так, ради профилактики и за все то, что он со мной сделает.

— Вызвать полицию. Остаться дома. Сбежать в другую страну. Впасть в истерику. — Принялся перечислять Гера. — Я немного удивлен, что ты пришла к разумному решению.

Разумное решение в его понимании — притащиться на ночь глядя на встречу с мужиком, который за двенадцать часов до этого тебя домогался, и, скорее всего, замешен в

исчезновении энного количества людей.

Геру достался мой самый презрительный взгляд из все имеющихся (специально натренированный и заранее отточенный у зеркала).

— Время поджигает. Ты можешь помочь вытащить Марину и рыцаря или нет?

— Часы взяла?

Я продемонстрировала сжимаемый «крючок». Все это время я держала его, разглядывая темные ворота за спиной Геры. Те стояли аккуратно у разрушенной сторожки охранника.

— Давай сюда.

— Нет уж, сначала объяснись. Я в слепую сотрудничать не буду. Откуда знал, что у меня дар? Что это вообще было в твоей квартире?

— Ты Избранная. — В его тоне невозможно было углядеть отвращения к моей профессии. Но, как выяснилось, актер из Геры не хуже, чем из Тинхе. — У тебя все признаки дитя жребия.

— Как в пророчестве, о котором шепчутся фаты? — припомнила слова Виталия. — Придет та, кто неизбежна. Назовется Избранной. Изменит то, что незыблемо. Воссияет сила что утрачена. Откроется проход тому, кто заперт.

И мир пошатнется.

Все на поверхности. Без завуалированных тайн. Четко и конкретно, как раз для тех, кто туго соображает с первого, со второго и с третьего раза. Какая Избранная, такое и пророчество. Чему удивляться. Хотела — получила историю, где я реально Избранная. Но почему это параллельный моему мир, а не академия меча и магии?

— Ты его слышала? — казалось искренне удивился Гера. Интересно чему? Туплю я в духе классики жанра. — Хорошо, значит ты понимаешь.

Я не понимала. Но и Гера не был единственным претендентом на Оскар за лучшую роль.

— Как нашел меня?

— Долго искал. Очень долго. Я знал, что ты проявишь себя в этом городе. Именно здесь открылся первый проход в Немерность. Вопрос — когда? Я почти начал отчаиваться, но ты сама нашла меня.

Гера протянул раскрытую ладонь. Я положила в нее часы. Мужчина нацепил их, и не успела я убраться подальше, как он схватил меня за руку. Дрожь отвращения пробежала по коже. Я начала понимать Врага, что вечно ходит в перчатках и наглухо застегнутых тренчах.

— Эй!

Я дернулась. Гера держал крепко.

— Иначе ты не пройдешь, — кивнул он в ту сторону, где только что стояли ворота, а потом перевел взгляд на другую руку. — Бросай его.

Речь шла о моем телефоне.

— Черта с два! Долбаный ты маньяк!

Гера потянул меня. Я уперлась ногами в асфальт.

— Это твой «крючок». Оставь его здесь или забудь о спасении Марины.

Я стиснула зубы. Да знаю, что это всего лишь вещь. Не то из-за чего следует жертвовать здоровьем или чужими жизнями. Но блин, мне за него еще полгода выплачивать кредит (вообще-то он в рассрочку, но...). Треть зарплаты!

Положив телефон на асфальт, я пнула его в сторону забитого досками домика охранника. Может, за ночь никто его не найдет?

«Я вернусь за тобой, любовь моя, — пообещала я мелькнувшему в свете фонаря темному экрану. — Мы обязательно будем вместе. Года четыре точно.»

Гера сместил руку, для большего удобства беря мою ладонь в замок.

— Аня, ты неправильно поняла меня в первый раз. Я на твоей стороне. Все это время я помогал тебе. Показал проход, отдал «крючок», ждал возвращения, позаботился о тебе, когда вернулась.

— Чтобы проверить Избранная ли я или очередная потерянная душа.

Удивлен, да? Может в долгосрочных стратегиях я не сильна, но, когда мне дают два и два, проблем со сложением не возникает.

Фотографии на стенде в кафе. Много-много девушек, пропавших без вести. Не Избранные. Не те самые. Не способные справиться с Немерностью.

Гера ждал Избранную. Гера сделал все возможное, чтобы подтолкнуть мир к угасанию. Не знаю, с его ли помощью возникла Немерность или он подкармливал ее как мог. Неважно. Он всеми силами пытался заполучить Избранную. Зачем? Хотел разболтать мир до состояния, когда тот перестанет быть закрытым? Выманить богов? Ну же, Гера. Не стесняйся, расскажи. Ты столько лет здесь один, неужели не хочешь прочитать проповедь для глупенькой наивной Избранной?

— Я не какой-то преступник, Аня. Не вселенское зло, которое рисует твое воображение. — Сказал он не без иронии. — Всего лишь затерявшийся путешественник, которому нужна помощь.

— О помощи не просят угрозами.

— Ты злишься, что я пытался тебя поцеловать? Я неправильно понял ситуацию. Ты сказала, что свободна, что тебе нравятся напористые мужчины. Я решил, что ты хочешь этого. Хотел сделать момент приятным для нас обоих. Верь мне.

Ага. И конечно же поцелуй не имеет никакого отношения к первому шагу лишения Избранной предназначения. Поддалась бы в тот раз и до спасения Марины и рыцаря мы бы не добрались.

- Очень хочется, Гера, но почему-то не получается.

— Почему-то, да, — пробормотал он со смешанной интонацией. Отвернувшись, мужчина протянул свободную руку вперед, открывая невидимые ворота. — Держись крепче. Переход будет пытаться нас разделить.

Я не ответила. Весь мой вид демонстрировал неприятие ситуации вперемешку с глубокой жертвенностью во имя спасения невинных: одной бухгалтерши, мухлюющей с документами, и психа с мечом из армии Некрополиса.

— Лучше закрой глаза.

Все внутри протестовало против подобного решения. Но я подчинилась.

Следующий шаг был в пропасть. Неистовая сила подхватила меня, закручивая в водоворот энергии. Хотя я знала, чего ожидать, крик вырвался помимо воли и потонул в бушующем потоке.

Совсем не то, что падать в колодец.

Сознание вернулось внезапно. Будто я не отключалась. Падение закончилось, и я обнаружила себя в школе-тюрьме. Справа и слева простирались длинные коридоры. Гул в голове эхом доносил воспоминания о Медузе, что угрожала мне расправой.

— Аня, ты как?

Ах, да. Очнулась я в руках Геры. Мое любимое клише, где я просыпаюсь в объятьях

мудака, а не наследного принца.

— 14 -

Я оттолкнула Геру.

Гнетущее пространство Немерности давило со всех сторон. Монохром цеплялся за эмоции, будто энцефалитный клещ. Злость утекала по капелькам, сменяясь чем-то близким к безразличию. И все же, близость Геры продолжала терзать ненавистью.

Выдыхай, Дробь.

— Разные проходы ведут в разные части Немерности? Почему в прошлый раз ты отвел меня в парк, а не сюда?

Если бы я знала об этом месте, не пришлось бы бросать рыцаря. Перстень Виталия лежал в нагрудном кармане, ожидая своего звездного часа.

— Сразу запустить в логово фатов? — Скептически поинтересовался мужчина, поднявшись. Он отряхнул джинсы и принялся с любопытством разглядывать серые стены школы-тюрьмы. Заметив мой интерес, он пояснил: — Давно здесь не был.

— Зачем ты ждал появления Избранной? — спросила я, понизив голос.

Фаты реагировали на шум. С Георгием или нет, но я желала подольше не встречаться с душевысасывающими жителями нижнего мира.

Душевысасывающий?

Слово сработало триггером. В голове щелкнула кнопка. Шумно и неохотно заработал процессор. Перегруженный информацией, кряхтя и чихая, он последовательно выдал на синем экране белые строчки.

Медуза спрашивала, чем я восполняю свою магию.

Тинхе говорил, что подпитка нужна тем, кому неправильно имплантировали дар.

Гера не воспользовался силами, чтобы залечить подбитый нос.

Город теней. Человекоподобные фаты. Пропавшие люди. Отсутствие тел. Женщина-медуза.

— Я застрял, Аня. — Голос мужчины прозвучал совсем близко. Я вздрогнула, отстраняясь. — Это не мой мир. Мне здесь не место.

— Мне тоже, но я же не прошу прислать мне в подарок крашенную блондинку.

— Я не о Немерности. Оба мира: что тот, что этот — не мои.

И не мои. Но я опять же, не возникаю.

— Хочешь сказать, ты какой-то пришелец с планеты Небиру?

— Я из другого мира, — Гера попытался взять меня за руку, но в этот раз я была проворнее. Увернувшись, я чересчур громко прошлепала по бетонным плитам. — Мне нужна Избранная, которая поспособствует моему возвращению домой. Что весьма иронично.

Я усмехнулась. Приятно знать, что госпожа Ирония отыгрывается не только на мне. Незыблемый просит помощи у богов, которых уничтожил, чтобы те прислали одну из Избранных, которых он на дух не переносит, вытащить его из мира, откуда этих самых Избранных похищают (простите: изымают) для превращения в оружие судьбы.

— И чем я могу тебе помочь? А главное, как ты мне поможешь спасти друзей?

В карих радужках Георгия зажглась медовая искорка. Он тут же ее спрятал, прикрыв глаза.

— В настойчивости тебе не откажешь, — Гера поманил за собой, устремляясь в глубь темнеющего коридора. — Хочешь услышать мою историю? Почему нет.

То, о чем мне поведал мужчина дальше, я знала или догадывалась. Впрочем, детали оказались достаточно интересными.

В далеком и прекрасном мире жил-был Гера (звали его иначе, но к сути истории не относится). У него было все, чего желала душа и самые извращенные фантазии. Долгое время он наслаждался обширными богатствами, почестями, силой и высоким статусом. А потом настал поворотный момент. Заметил Гера, что трава уже не такая зеленая, прекрасные девы не вызывают бывшего желания, а слава и внимание вызывают одно лишь раздражение. Вот тогда Гера и задумался, а чем же ему заняться? Как вновь ощутить краски жизни? Подвиги великие он уже совершил и чего-то более грандиозного не намечалось. Наука его не прельщала, а обременять себя еще большей властью он считал утомительным.

Пошел Гера по друзьям и коллегам, с которыми когда-то воевал против коварных поработителей воли, во славу освобождения мира. Хотел выяснить, кто чем заполняет серые будни в золотых хорах. Так он узнал о миссии Странников, что путешествуют по другим мирам и привозят всякие диковинки. Вот тут он впервые услышал о феномене Избранных, что встречаются у Странников на пути.

Впервые за долгие годы Гера ощутил прилив вдохновения. И хотя он не возглавлял дом Непознанного, да и к дому Исследователей не имел никакого отношения, идея путешествий полностью захватила его сознание.

Не сказав никому ни слова, последовал он за своим приятелем в неведанные ранее приключения. Много повидал. Опробовал на себе феномен Избранных (тут Гера не стал уточнять, в чем именно это выражалось) и был заинтригован. Захотелось ему узнать, откуда же берет начало экспансия неординарных дарований.

Вот так он добрался до этого мира.

И все бы ничего, но не знал Гера о закрытых мирах и таившихся в них опасностях. Бился с головоломкой, искал лазейки, ломился силой. Границы разверзлись и тут же схлопнулись обратно. Мир безжалостно расправился с вторженцем, швырнув его в одну из параллелей.

Когда Гера пришел в себя после всех межмировых декомпрессий, познал он страшную истину. Закрытый мир. И ладно бы. Но мир, откуда приходят Избранные, оказался без магии. А значит, выбраться уже никак. Миры, как живой организм. Не приемлют ничего, что не предусмотрено создателям. (Да, есть Немерность. Но она появилась позже и магии в ней чуть — на уровне паразитизма). Съедают заживо, подстраивая под свои правила.

Сильная и прекрасная магия, которой обладал Гера, начала терять свой блеск. Он перепробовал все известные ему способы, но выбраться или позвать на помощь не получилось. Тогда-то он и вспомнил про феномен Избранных.

— Но прежде обратился за помощью к богам? — подколола я.

— Что?

— Я видела в одном из кабинетов алтарик с голубыми искорками.

— А, — по лицу Геры пробежала досада. — Давно надо было его уничтожить. Но кто же знал...

Мы остановились у высоких дверей. Как я уже знала, вели они в актовый зал, где скапливались фаты, а мадам Медуза ведет крышесносные и костедробильные шоу.

Надеюсь Гера не задумал бросить меня на съедение теням? Я ведь нужна ему!

— Ты думаешь, что с помощью моей магии сможешь вырваться? — между лопатками пробежал холодок. Я сделала наивную догадку: — Хочешь, чтобы я попыталась открыть

проход в иной мир? Я не против. Знаешь, мог сразу сказать без всяких подкатов. Я девушка жалостливая.

— Нет, — слабо улыбнулся Гера. За его плечом призывно маячила рукоять меча. А вот я свой пробивной ключик не взяла. — Ты милая девушка, Аня. Несмотря на то, что едва не сломала мой нос.

Гера кончиком пальца подцепил выпавшую из косички прядь.

Чуть не сломала, да? Ты погоди, впереди еще вся ночь.

— Каждая Избранная несет в себе частицу бога. И она сильнее и важнее любого дара. Мне нужна эта частица. Но получить я ее могу только если ты согласишься отдать ее добровольно. Для этого потребуется сущая мелочь.

А вот мы и пришли к моим любимым фразочкам: добровольно, по своей воле, по доброй воле.

— Сделай это для меня. Для друзей. Для своего будущего. Для тех, кто еще не сталкивался с Немерностью. Как только я покину мир, ты и твои друзья получают свободу.

Вот тот самый момент. Я уже приняла решение, но легче как-то не становилось. Наоборот, я почувствовала себя настолько паршиво, что закружилась голова. Дышать стало тяжело. Перед глазами пролегла рябь.

— Дыши, Аня. Дыши глубоко.

Оказалось, я сползла на пол. Там на корточках и осталась. Гера сидел рядом, придерживая мне голову. Безумно не хватало сквозняка, оставшегося на поверхности, и терпкого вкуса кофе.

Когда дыхание выровнялось и опасение гипервентиляции ушло, Гера заговорил.

— Бедняжка, все эти сражения и подвиги не для хрупких женских плеч. Аня, мне нужен от тебя лишь один поцелуй.

Я подняла на него взгляд. И кроме холода в нем больше ничего не могло быть. Впрочем, в интонацию я плеснула немного иронии.

— Надеюсь не истинной любви? А то один раз меня уже так развели. Точнее разводила я, но в мое оправдание, парень был огонь, а волшебный камень утверждал, что мы созданы друг для друга.

Гера потрогал мой лоб, проверяя температуру.

— Твой самый обычный поцелуй, Аня.

Горящие карие глаза — плавленная медь. Они пылали жаром и предвкушением. Наивная я из прошлого, могла бы опознать в них страсть. Опытная я из настоящего видела в них желание скорее перейти ко второму этапу отречения Избранной от предназначения.

Атрос, что же прячется в душах твоих созданий?

— 15 -

— Я не могу.

Сказала и тут же зажал рот ладонью.

Какого черта?

— Аня.

План летел в бездну, прямиком на пики голубых кристаллов Атроса. Что-то темное и тяжелое сдавливало действия, порожденные необходимостью. Оно пульсировало, разрастаясь ядовитыми спорами. Мир сжался до одной единственной точки.

Я не понимала, что происходит. Сердечный приступ что ли? Рановато! Переела

кексиков? Допустим. Ну не может причина быть в необходимости кого-то целовать!

Ведь я делала так. Один поцелуй. Падение. Последнее желание. Я прошла с Врагом первые два этапа. Пройду с Герой. Я нуждаюсь в сделке, которой не пренебречь. Та, что на третьем этапе. Когда он не сможет ее нарушить ни под каким предлогом.

Так почему я смотрю на Геру и не могу выдавить из себя ни слова?

Я не какая-то неженка. Я справлялась с худшим.

Дробь, давай же!

Цепляясь за обшарпанную стену, я поднялась на ноги. Монохромный свет мельтешил острыми неровностями. Лицо Геры расплывалось перед глазами.

Проклятые кексики!

— Хватит все усложнять, — процедил Гера.

И тогда я заехала ему локтем в кадык.

Запоминаем на будущее. Нельзя реагировать на слова насилием. Нельзя вступать в схватку с заведомо сильным противником. А если вступил, имей план. Атакуй с ясной головой и не поддавайся эмоциям. Перешел к защите, не забудь, что побег лучший способ избежать ответочки.

Ну а если ты нарушил все правила сразу... Выхватывай у противника меч и размахивайте им будто припадочная. Наплюйте на подготовку и советы тренера. Время, место, обстоятельства — да к черту все. Ты женщина, у тебя нервный срыв, на тебя давит ответственность, а времени поплакать в подушку никто не дал. Давай, сходи с ума.

Первый удар Гера пропустил. Но тебе же плевать, что ты не знаешь о его уровне подготовки? Или что лэйтарские мужчины могут оказаться физически сильнее и выносливее, чем человеческие (земные). Что он справится быстрее.

Вот ты поднырнула, выполнила захват, вытащила заветный меч и отскочила на безопасное расстояние. А не забыла, что у Геры есть магия? Не так много, исключительно золотая, но все равно, магия. Пусть она не боевая, но если ты когда-то могла ее использовать как пресс, концентрируясь на одной лишь мощи, неужели он не догадается?

Хорошо. Увернулась. Отбила. Даже не поскользнулась и не запнулась о порог. А учла, что сражаешься на неизведанной территории? Для тебя неизвестной! Да, Гера сказал, что давно здесь не был, но как думаешь, безопасное прохождение всей школы — случайность? Фаты попрятались от красоты и мужественности могучего лэйтарца? Или, может быть, Гера способен ими управлять и призвать на помощь, когда потребуется?

Что в итоге? Почувствовала эйфорию. Забылась. А он лишь поддавался, утягивая в ловушку. И вместо того чтобы быть прижатым к стене, с лезвием у горла, дающим обещание выполнить все что пожелаешь, что происходит?

Вокруг ноги обвивается черное щупальце, дергает назад и ты плашмя летишь вниз. Гера прижимает подошвой твое запястье, а после выбивает меч. И ты Дробь, окончательно загоняешь себя в... ну ты поняла. А все почему?

Насилие — не выход.

Надо уметь договариваться, блин!

— Это было близко. — Спокойно произнес Гера, утирая рукавом кровь с губы. — Врожденное бешенство или дни особые?

Что ж, он удержался от выражений «чокнутая сучка» и «ополоумевшая баба». Уже можно аплодировать. Вот бы руки были свободны.

Когда пелена ярости спала, я обнаружила себя сплетенной по рукам и ногам черными

щупальцами. Меня пришили к стене подобно бабочке коллекционера. Медуза во всей своей красе возвышалась рядом, поглядывая на меня с легким ужасом.

Я клацнула зубами. Медуза попятилась.

Высокомерная теневая рептилия, думаешь, что лучше меня, просто потому что твои волосы живее и блестящей моих?

— Безумие, — тихо прошептала она. Змейки согласно зашипели, поддерживая свою королеву.

Гера оторвал взгляд от созерцания капель крови на фланелевой рубашке. В монохромной яви те выделялись сочными яркими пятнами.

— Она заразила безумием двуликого. — Повторила Медуза. И поскольку она не торопилась насаживать Геру на пику, я с прискорбием осознала свою правоту. Если Гера не повелевал всей Немерностью, то явно состоял с ней в крепком союзе. — Она больна, как и остальные.

— Нет, — возразил мужчина. — Ее дар чист. Но почему-то неправильно реагирует на мою силу. Что ты скрываешь, Аня?

Самой хотелось бы знать.

Неужели дело в Малыше? Он свел с ума фата, атаковал леди, а теперь что, указывает, с кем целоваться? Святые единорожки, что за метафизическая фигня тут творится? И почему о ней никто не предупреждает?!

— Вздорная Избранная, — хмыкнул Гера. — Впрочем, все вы такие.

Мы больше не в путанном лабиринте коридоров. Узкие проходы сменились пространством актового зала. На этот раз не было зрителей, рядов скамеек и прочих атрибутов. Лишь полотна тяжелых белых штор, свисающих до самого пола, выделялись в матовой черноте.

На сцене, среди искусственных деревьев, сидели две фигуры. Одна, будто бездыханная кукла. Другая связана тонкими нитями цепей.

Марина и Виталий.

— Предложение остается в силе. — Гера перекрыл вид, встав напротив меня.

В голове царил легкость, а смутные тени кружили мысли. Что мне оставалось?

Сморгнув пелену, я тихо ответила:

— Хорошо.

Никаких заминок. Гера приподнял мой подбородок и мягко поцеловал в губы. Я не отозвалась на поцелуй. Зачем? Мои эмоции поблекли, покрываясь изморозью.

Его пальцы погладили мою шею, после чего скользнули к волосам на загривке. Гера издал звук недовольства. Не отрываясь, он сорвал резинку, высвобождая пряди из косы. Ладонь другой руки касалась моей груди. Не столько с желанием, сколько с наказанием.

Долгие секунды спустя, Гера отстранился. Некоторое время он держал глаза закрытыми, а когда, наконец, открыл, в них было не больше искренних чувств, чем в отражающей луну воде.

Мое сердце ни разу не дрогнуло. Оно оставалось спокойным и продолжало равномерно отбивать счет. Поцелуй остался безликой пустотой. Будто его и вовсе не было.

И, кажется, кто-то это заметил и остался недовольным.

— Все оказалось не так сложно, верно, Аня? — Гера принял протянутый Медузой меч. — Вернемся же к твоим друзьям.

Миновав пустой зал, он поднялся на сцену.

Во мне всколыхнулась слабая надежда.

— Ты сможешь им покинуть Немерность?

Остановившись у скованных фигур, Гера обернулся.

— Свободу они обретут после моего ухода. — Донеслось со сцены. — Есть еще идеи?

Меч пронзил бедро обездвиженного рыцаря.

— 16 -

Доведите Избранную до отчаянья.

Так звучит второй пункт в схеме отречения Избранной от предназначения. Если поцелуй с нелюбимым (не предназначенным тебе принцем) — это отказ от воли богов, то второй пункт — отказ от веры в них.

Когда причиняют боль, когда истязают, когда сводят с ума. Когда ты обращаешься ко всем известным и неизвестным высшим силам. Когда в ответ звучит тишина. Когда капля за каплей уходит вера: в справедливость, в себя, в людей. Неважно, кому ты молился, определенным богам или абстрактным, своим или чужим, в общем-то, молитва не важна, как и факт того, был ли ты верующим. Суть сводится к тому, что ты опустошен. Ты принимаешь, что спасти тебя некому. Никто не придет. Ты один.

Ты не справился.

— Нет. — Тихо и жалобно.

Мозг отчаянно силился стряхнуть оцепенение. Я видела, что делает Гера. Слыша вскрик Виталия. Но никак не могла совместить полученную информацию с реальностью.

— Нет.

Он пытается не меня. Он пытается тех, кого я пришла спасать.

Гера отстранился и на сцену выплыли двое фатов. Один протянул присоски к рыцарю. Как только они обвили голову, легонько поглаживая лысую макушку, мужчину потрянуло с такой силой, будто те находились под напряжением.

Живо вспомнилась моя первая встреча с истошающими душу щупальцами и дробящая изнутри боль, пришедшая вместе с ними. В тот раз рыцарь спас меня.

Марина тихонько вскрикнула. Второй фат мазнул по ее щеке сплюснутым до остроты лезвия гибким жгутом. На мгновение показалось, боль вернула девушке ясность мысли. Она удивленно заморгала, склонила голову, будто выискивая причину дискомфорта, но прошла секунда и она вновь погрузилась в трясину безразличия.

В том, что фаты выбрали жертвами Марину и рыцаря, была моя ошибка.

Я не из тех, кто готов терпеть боль. Я ненавижу ее. Не переношу. Начни меня истязать, и я быстро взмолюсь о пощаде. Поймите правильно, я не хочу умирать. Но я предпочту быструю и красивую смерть взамен долгой, но мучительной.

Я готовилась к своим пыткам, а не к чужим.

Теперь же мои страхи вспыхивали красными росчерками на теле Марины. Она вздрагивала, всхлипывала, но не сопротивлялась. Каждый новый след на ней, будто пронзал меня каленым стеклом.

Не помню, когда я закричала. Когда попросила остановиться. Когда слова превратилась в бессвязный бред, обращенный к фатам. Когда забились в судорогах, беспорядочно молотя руками и ногами, стараясь вырваться из чернильных пут.

— Аня. — В устах Геры имя прозвучало раздражающе-отталкивающим, будто наждачкой протерли грифельную доску. — Ты вредишь себе.

Гера перехватил мою руку. Черное щупальце тут же сместилось.

Вздрыгнув, я затихла. О чем он? Откуда взялся? Стоял же на сцене.

— Не порти то, что тебе не принадлежит.

Я покосилась налево, направо, и увидела собственную кровь, стекающую по теневым оковам в тех местах, где они прорезали кожу. Я не помнила, когда получила раны. Наверное так сильно билась мазутных путях, что не заметила.

— Ты обещал, что освободишь их.

Мой голос прозвучал сухой надтреснутой доской.

— Я сказал, что они будут свободны, когда я уйду.

— Так чего ждешь? Забирай свою частичку бога и вали.

Гера стер кровь. Чуть дольше чем следовало, он рассматривал как та вновь наполняет ранки до краев, выступает за границы и каплями срывается вниз. Мужчина резко выдохнул. Будто бы ничего не случилось, он мазнул по краю пальцем. В несколько мазков соединил линии полукругом, нарочно оставив несколько клякс. В монохромном освещении зала, те казались рядом зловещих рун.

Закончив, Гера отстранился, разглядывая меня как произведение искусства.

— Мягче.

Сказано было не мне.

Щупальца расплющились лентами, обматывая мои руки. Крепко и надежно. Теперь, чтобы сделать движение, мне потребовалось бы выдернуть кости из суставов.

— Терпение, девочка. — Сказал он, а я не нашла сил возразить или хотя бы поморщиться. — Не так быстро.

— Она готова, — возразила Медуза. Бледная как смерть в серебряных лучах луны. Я совсем о ней забыла. — Немерность активна как никогда.

Гера перевел взгляд на меня.

— Ты готова отказаться от себя?

— Прекрати их мучить, — глухо отозвалась я.

Мужчина сделал жест рукой. Сцена замерла.

— Я думал ты крепче, — сказал он, разглядывая остатки запекшейся крови на своих пальцах. Моей крови. Я могла ошибаться, но в монохромном свете, казалась она поблескивала золотом. — С такой страстью себя защищала. И с такой же страстью сдалась. — Он покачал головой. — Я должен подготовиться.

Миновав Медузу, мужчина покинул зал.

Я проводила его спину взглядом. И с трудом переборов себя, посмотрела на сцену.

Тени кулис скрадывали порезы Марины. Можно только догадываться, сколь сильно она ранена. Рыцарь был в еще худшем состоянии. Правая нога ниже колена полностью почернела от крови.

«Третий этап. — Продолжала себя убеждать. — Дотерпеть до третьего этапа»

Убедить чувство самосохранения проще, чем договориться с совестью.

Гера мог не рассчитать силы фатов. Мог неправильно оценить противников. Что если Виталий испустит дух раньше, чем мы выберемся? У него серьезная рана! Он и так хилый, слабый и хромой. Дунешь и надвое переломится. Гера же в него меч вонзил!

Сцепив зубы, я посмотрела на Медузу.

Женщина стояла молчаливым изваянием. Ее не интересовал застывший на сцене спектакль. Отвернувшись, она изучала дверь актового зала.

— Если рыцарю не перевязать ногу, он умрет от кровопотери раньше, чем Гера вернется.

Медуза не отреагировала. Если закрыть глаза, можно было представить, что ее и вовсе нет.

Я облизнула губы.

Все остальные фаты — человекоподобные тени, тихие и безликие. У Медузы же голос и прическа из змей. Все это время я считала ее лишней в уравнении. Черт, да я вообще ее не считала. Кто берет в расчет второсортных помощников? Точно не я. Хотя не раз обжигалась.

— Ты отличаешься от них, — заметила я.

Кто же она — Медуза Горгона темного мира? Женщина с поверхности, ставшая жертвой фатов. С магией, что заставляла ее подпитываться от других, будто она какой-то вампир. Но разумней, чем ее коллеги. Она спасла меня от обезумевшего фата. Да, это мог быть приказ Геры, присматривать за мной. Но также она предупреждала меня не возвращаться.

— Отпусти их, — тихо попросила я. — Они не важны. Больше нет. Гера тебе не хозяин. Он же уйдет. Оставит вас.

Трагично-красивая королева монохромного мира легонько качнула головой. Змеи недовольно зашипели.

— Когда он покинет Немерность, мы освободимся.

— Также как Марина и рыцарь получают свободу?

— Я их выведу, когда он уйдет.

— Они могут не дожить.

Медуза уставилась на меня немигающим взглядом.

— Они уже мертвы.

Я дернулась слишком резко.

— Нет, они дышат. Я вижу.

— Немерность сохраняет их души в телах. Как только они переступят порог в реальный мир, все кончено.

— 17 -

Она врала.

Должна была врать.

Я зажмурилась, смаргивая слезы.

— Не правда. Они не мертвы.

Теневые змейки переглянулись между собой.

Медуза кивнула удерживающему меня фату. Тот замешкался. Одна из змеек вытянулась и, не дожидаясь приказа, впиалась в эфемерное тело. Существо дернулось, Дрожь побежала по угольно-черным конечностям. Не издав ни звука, оно сотряслось в предсмертном спазме.

Я едва не упала, когда щупальца неожиданно растворились, истлевая черной дымкой.

Он умер?

Выражение лица Медузы не отражало ровным счетом ничего. Она оставалась холодной, безразличной и болезненно-сломленной.

— Не веришь? Проверь.

Дважды ей повторять не пришлось. На негнущихся ногах я направилась к сцене. Десяток метров показался чертовски длинным, а ступени едва ли не Эверестом. И причина

была вовсе не в усталости.

Под ногой что-то хрустнуло. Меч. Гера оставил его лежать на полу в качестве насмешки. Проигнорировав его, я пошла дальше. Проклятая железяка не сослужила мне доброй службы.

— Виталий?

Опустилась на колени. Монохромное освещение мешало разглядеть рану.

В Центре учили оказывать первую помощь, но все равно в решающий момент нахлынула паника. Из головы вылетели все знания, что так упорно вдалбливались Клодом. Теория помахала ручкой, отправляя разум в пустоту ступора. За дело взялась практика.

Оторвав край рубашки, я соорудила повязку. Меч не задел артерию. Рана оказалась не настолько глубокой, как виделось издали. В Немерности законы физики вели себя иначе. Время и пространство искажалось в замедленной съемке, и все движения выходили менее резкими, чем могли бы. Каким-то же чудом я ходила после вчерашней битвы с двуликим фатом.

— Вить, — позвала я. — Ну же. Возвращайся в себя.

Он не ответил.

— Не заставляй давать тебе пощечину. Я не могу, пока ты выглядишь таким жалким и беззащитным. Мне придется представить, что ты меня бросил.

Шутка не удалась.

Я зажмурилась. Замахнулась. Ладонь прошила воздух, не задев рыцаря. Промазала.

— Ой.

Все-таки не промазала. Спасаемый отклонился.

— Я вернулась. — Шмыгнула я носом. — За вами двумя. Как обещала.

Взгляд рыцаря был тверд, как и хриплый голос.

— Я надеялся ты умнее.

Да все надеются, чего уж там.

Он покачал головой.

— Тебе не следовало возвращаться.

А это мне говорят очень часто.

— Почему? Медуза ошибается. Ты выводил других. Ты знаешь, как вам помочь. Потому и дал его. — Вытащив из кармана перстень, продемонстрировала рыцарю. — Как оно работает?

— Я давно никого не спасал, Дробь. Не помню, — он опустил взгляд на мою дрожащую ладонь. Перстень осуждающе мерцал переливами. — Немерность забирает не только хорошие эмоции.

Я сжала «крючок». Грани впились в ладонь острыми краями. Запястья саднили от ран, а засохшая кровь противно стягивала кожу.

— Почему же ты продолжал возвращаться?

- Надеялся вспомнить. Вернуть, что потерял.

— Что изменилось? — я продолжала не верить. — Ты жив. Рана не тяжелая. Болезненная, потенциально-опасная, но не смертельная. Ты соображаешь! Не может быть, что путь закрыт. Я же вчера ушла! Почему вы с Мариной не можете?

Виталий нахмурился. Взгляд забежал, будто выискивая ответ в темноте актового зала. И тот нашелся.

— Он нарушил связь.

— Что? О чем ты?

— Он разорвал ее. — На мгновение показалось, что Виталий сейчас скажет что-то еще, что-то важное. Но Немерность не дает надежд, она их только отнимает. — Все кончено, Дробь. Мы кончены.

От его тяжелого открытого взгляда у меня встал ком в горле.

— Я знал, на что иду. Всегда знал.

Я отвернулась. Утерла рукавом выступившие слезы.

Там вдалеке стояла Медуза. Она не смотрела в мою сторону. Ей положено было злорадствовать, но она игнорировала злодейские клише. Мое присутствие ей было тягостно и неприятно, будто у существа темного мира осталась совесть.

Нет.

— Все равно, ты уходишь. — Сказала я, продолжая разглядывать хрупкую фигуру владычицы монохрома. Мой голос дрожал. Я сама дрожала. — Если останешься здесь, превратишься в тень. Так хоть свободным помрешь.

Нет, я совсем не злилась. И слезы вовсе не текли по щекам. Не от безысходности я начала трясти Марину, чтобы хоть как-то привести ее в чувства. Сердце вовсе не сжималось при виде ее кожи, исполосованной и разукрашенной кровоподтеками.

Я Избранная. Я спокойна как безоблачное небо. Если я плачу, то вам просто кажется.

Я пнула ножку стула.

— И ты, Марина, вставай. Вы с Виталием уходите.

Поскольку мне надоело всех уговаривать не умирать, ей я пощечину все-таки влепила. На этот раз без промаха. А потом и себе влепила, ибо нефиг распозлзаться тряпкой. Расплакалась она тут. Пожалела себя. Тьфу!

Я склонилась над потерянной бухгалтершей, что так отчаянно не желала возвращаться в реальность.

— Ты меня слышишь, — прошипела я.

Женщина дернула щекой, скривилась, но так и продолжила безучастно пялиться в одну только ей видимую точку. Впрочем, голос все-таки подала.

— Я не покину Немерность.

Нейтрально и безжизненно. У Марины в самом деле заканчивалось время.

— Вы не уходите из Немерности, — устав цацкаться, я силком заставила девушку встать. Раз у нее нет сил сопротивляться гнетущей атмосфере монохрома, то долго противиться моим желаниям тоже не суждено. — Вы по ней немного прогуляетесь. Недалеко. Даже пределов школы покидать не придется. — И ты, — указала я на рыцаря. — Вставай. Покажешь Марине дорогу.

— Дробь, ты только продляешь ее агонию. Перестань. Не расходуй силы. Лучше уходи, пока он не вернулся.

Мне некуда уходить. А Гера не вернется, пока я окончательно не распишусь в собственном бессилии. Хотя, куда больше?

Надо взять этот чертов меч и...

— Нарушил связь, говоришь? — я впихнула перстень обратно в руки рыцарю. — Наладим.

— Говорю же, — Виталий с силой отпихнул меня — Не получится. Я не помню.

— Зато я вспомнила. Да-да, не знала, но вспомнила. Навык приобретенный в универе не пропьешь и порталами не сотрешь.

— О чем ты?

Рыцарь вскрикнул, когда я ухватила его за грудки, сдергивая со стула. Прижавшись к мужчине сильнее, я поднялась на цыпочки и прошептала у самого уха. Так тихо, чтобы услышать мог только он.

— 18 -

Мои шаги не разлетались эхом в заполненном пустотой пространстве. В черно-белом мире драматизма и так хватало с лихвой.

— Ты подарила ложную надежду мужчине и обрекла женщину на мучительный пароксизм боли. Они уже смирились. Тебе не стоило тревожить их души.

Рыцарь и Марины нырнули в «карман» сцены, легко растворяясь в темноте потайного хода. Им не препятствовали.

Преодолев половину зала, я остановилась напротив Медузы. В цветовой немощности Немерности она казалось заблудившимся светлячком.

Несколько долгих секунд я внимательно разглядывала ее профиль, после чего сказала:

— Тогда тебе следовало меня остановить.

Венера Милосская выглядела более объемной и живой, чем Медуза в этот момент. Впрочем, древнегреческому искусству не приходилось жить с теневыми змеями вместо прически.

— Вы все падающие звездочки. Ярко сияете, мимолетные и все верят, что вы исполняете желания. А вы всего лишь отблески давно погибших космических тел.

— Как скажешь. — Устала я от метафор и завуалированных речей. Мало в них смысла, зато пафоса до небес, а то и до соседних галактик. — В прошлый раз ты дала мне совет: вали и не возвращайся. Вот тебе мой: следуй за теми, у кого осталась надежда.

Сказав это, я протянула Медузе прихваченный меч. Женщина уставилась на меня как на сумасшедшую. Впрочем, так она относилась ко мне с первой встречи.

— Я не нарушу его слово. — Возмутилась она, отмахиваясь. — Они обретут свободу и расстанутся с прежним существованием без моей помощи. Я не стану их убивать.

Мои мысли плавали в ином адском котле, оттого я не сразу сообразила, в чем королева Немерности меня обвиняет.

— А, ты про меч? — Дошло. — Нет же. Я отдаю его, потому что думаю он твой.

Змейки вскинулись, изобразив боевую стойку. Два десятка пар глаз не мигая уставились на меня. Еще чуть-чуть и закачаются в гипнотическом трансе.

Пожав плечами, я бросила меч к ногам подземной царицы.

— Избранные с мечами, Враг с магией. Если есть дракон, должен быть и рыцарь, да? А, к черту, никто меня не понимает.

Я продолжила свой путь.

Мир не потерпит использования того, чего в нем быть не должно.

Гера не смог бы сохранить магию, если бы остался единственным ее представителем. Требовались другие. Как же создать магов в мире без магии? Легко. Галилей сказал, что земля вертится вокруг Солнца и его сожгли на костре. Но гораздо позже, когда идея вошла в массы и распространилась, избавиться от нее одним огнем стало невозможно.

Именно это сделал находчивый неостранник. Вписал магию в уравнение мироздания. Если ты не единственный обладатель магии? Если вас десяток, сотня или тысяча, что тогда? Миру придется принять новый элемент.

Как же распространить магию? Нарожать. Конечно, все самой. Но если ты мужик, тут проще. За пару сотен лет, если работать не покладая главный инструмент... То тоже может не получиться. Генетический запрет на продолжение рода с простыми смертными.

К счастью, необязательно создавать носителей золотой магии, есть же другая. Передать ее проще. Ну да, люди от нее во всякую гадость превращаются. Незыблемый же давно покинул Лэйтиарию. Откуда ему знать о новых разработках в сфере магии? Да и какая разница, если цель достигнута?

Так появились чернильные монстрики, назвались фатами в честь оптических иллюзий и отправились искать пропитание. Магию кормить надо. Организм-то не приспособлен. Бродили они, бродили, наплодили мифов о вампирах, оборотнях и прочей нечисти. Где-то здесь мир вспомнил, что магия ему все-таки чужда, и дал ответочку. Исторг все лишнее в монохромное подпространство.

Родилась Немерность.

— Скоро вернусь, — махнула я рукой единственной женщине, что сохранила человеческий вид. Хороший, наверное, у нее был дар. Еще и меч в придачу. Не скупился раньше Центр на случайные артефакты.

Гера не собирался возвращаться. Он ждал, когда я выйду к нему.

Двери актового зала выпустили меня в преображенное помещение пустой школы.

Все было готово.

Расчерченный рунами пол. Золотистые блестки. Полосы света. Зеркало в центре магической вакханалии. Скучающий в ожидании Незыблемый.

— Отличное выступление, — похвалил Гера, изобразив насмешливые хлопки. — Ты прекрасно справилась.

— Сказал бы раньше, закончила бы быстрее, — с понурой головой, я шагнула в колдовской круг. Один за другим символы вспыхнули золотом.

Почему всегда самой надо догадываться, чего именно от меня ждут злодеи? Разве им не положено выкладывать коварные планы передо мной на блюдечке с пояснениями и перекрестными ссылками?

— Традиции, — Гера посторонился, пропуская меня к зеркалу. Его движения были размеренными и неторопливыми. Ничего не выдавало страстного желания поскорее покинуть монохромность и серую реальность, из которых состоял мой мир.

— Что я должна делать?

Пропавшее напряжение вновь сжало тисками. Плечи напряглись. Хотелось зажмуриться и свернуться калачиком.

— Сделай также. — Мужчина прислонил ладонь к поверхности зеркала. — Нет, Аня. Ближе ко мне. Не бойся. Больно не будет.

Глубоко вдохнув, я подчинилась.

Мне пришлось повернуться к Гере спиной, чтобы использовать правую руку. Все внутри меня противилось присутствию чужого. Ощущать позади себя человека, вывернувшего тебе душу наизнанку, чувствовать отголоски его дыхания у себя на шее, ловить тепло от ладони, лежащей в паре миллиметров от моей — тут самый чахлый инстинкт самосохранения забьет тревогу.

Гера зашептал какие-то слова. Я не желала вслушиваться.

Рукав рубашки натянулся, обнажая порезы и кровавые символы. Чтобы хоть как-то себя отвлечь, я принялась сравнивать надписи на полу с тем, что Гера оставил на моем запястье.

Они разнились. Из всего, что происходило и должно было произойти, такая ерунда меньше всего должна была меня волновать, но чутье отчего-то взвыло.

— Попроси моего покровительства.

— Что? — Я глянула на Геру через плечо.

— Последний шаг, Аня. Просто скажи: я прошу твоего покровительства и соблюдения моих интересов. Это добровольный выбор.

— Погоди-погоди. Об этом речи не шло.

— Я не смогу взять божественную частицу, пока ты этого не скажешь. Ты отдаешь ее, взамен получаешь мою защиту.

— А можно защиту от тебя?

Гера издал смешок.

— Это формальность. Твой мир не присоединен к нашей империи. Ты не часть Золотой оси.

Так, Дробь. Соберись. Пришло время соображать.

— А если бы оказалась там, получила бы соблюдение своих интересов?

— В этом суть Избранных. Они отдают все что у них есть, а в обмен получают все блага империи.

Ага. Но есть одна деталь. Ты и свободу свою отдаешь. А интересы и блага остаются на усмотрение покровителя.

— Но ты же получишь божественную частичку. Без всяких формальностей. А мне ничего?

— Чего же ты хочешь, Аня. — Снисходительная улыбка. — Богатство, вечная молодость, красота?

Ох, Гера, какой из тебя Незыблемый? До Врага-то не дотягиваешь.

Я извернулась, чтобы встретиться взглядом со насмехающимся золотом карих глаза.

— Думаешь меня можно купить этим?

Кстати, можно. Просто начните предлагать. Торг уместен.

Но, видимо, я подаю какие-то неправильные сигналы. Вместо того чтобы добавить в корзину единорога, здоровые крепкие ногти и подарочную карту аптеки, Гера наклонился непозволительно близко. Неожиданно его голос стал богаче и насыщеннее, как изысканное вино, раскрывшее всю гамму букета.

— Стать любимой и желанной? — Томно произнес он, а вот глаза остались пустыми и сверкающими, как новогодняя игрушка. Какой-то момент я искала в них что-то знакомое, но так и не увидела ничего, кроме собственного отражения. Не было в безликой темноте той мрачной силы, что ломала Избранных одним лишь взмахом черных ресниц, и заставляла меня просыпаться по ночам от кошмаров. — Мужчину, что жаждет заполучить тебя любой ценой?

— Спасибо, такой уже есть.

Улыбка Геры стала шире.

— Добавь желание в клятву, и я найду способ его исполнить.

— Ты так в себе уверен?

— Ты даже близко не представляешь, на что способны такие как я.

— Немного все-таки представляю. — И прежде чем Гера успел заподозрить неладное, я затараторила. — Прошу твоего покровительства и соблюдения моих интересов. — Наши отражения поддались дымчатой пленкой. — А если конкретно, скоро состоится совет

лэйтарцев по моему делу. — По поверхности зеркала поползла рябь. У Геры сползла улыбка. — Они скажут, что у меня их магия и начнут выяснять, какой у меня статус в их золотой социальной сети. — По руке пробежал холодок. Магия устремилась к раскрывающемуся portalу. Брови Геры полезли на лоб. — Поскольку я буду отсутствовать по семейным обстоятельствам, то не смогу сказать, что хочу статус «все сложно». Тогда выйдешь ты, весь такой Незыблемый, и прикажешь этой стайке бюрократов отстать от меня и больше никогда не поднимать вопрос о моем гражданстве слэш рабстве.

По зеркалу разлилось ярко-огненное марево. Пространство задрожало в лихорадке.

По лицу Геры пролетел весь спектр существующих эмоций. Настоящих, вкусных, сочных. Уф, впилась бы в них зубами и растерзала.

Энергия струилась вокруг нас, но все еще чего-то не хватало. Какой-то искры, чтобы разрезать ткань реальности межпространственной молнией.

— Ах, да. Это добровольный выбор.

Вспышка.

Свет.

И воссияет сила, что была утрачена. Откроет проход тому, кто заперт. И мир пошатнется.

— 19 -

Стоило ли выражение лица Геры всех страданий?

Нет.

Сошло ли мне за моральную компенсацию?

Определенно, да!

По стенам ползли трещины. Монохромность взбесилась, задрожала, замерцала, колеблясь спазматическим неустойчивым сиянием. Поднялся свист. По ушам ударил звериный вой ветра, будто ни с того ни с сего я оказалась в центре урагана. Вычерченные на полу символы вспыхивали с маниакальной нерегулярностью. Сила вокруг нас кипела, пробивая себе путь.

Мир не рушился. Он неохотно раздвигал границы.

— Кто ты такая?

Гера справился с оцепенением быстрее, чем я надеялась.

— Здравьете, Избранная!

Под рукой медленно проваливалось пространство. Оно цеплялось к коже, будто репейник к одежде и тянуло за собой. Я с трудом удерживала равновесие.

Мужчина мотнул головой, будто строптивы бычок, отмахивающийся от надоедливой мушки. Ждать, когда он разберется со своими демонами, я не собиралась. Немерность пульсировала в лихорадочных спазмах.

— Ну? Ты хотел возвращения домой — иди же! — Мне пришлось кричать, чтобы перекрыть нарастающий грохот межпространственной грозы. — Чего ждешь?

Гера бросил короткий взгляд на портал, потом на мою руку.

— Кто тебя прислал?

— А кто нас всех присылает? — видите, я тоже умею быть загадочной и таинственной личностью.

Новый толчок сотряс помещение. Между рун образовались трещины, грозившие в любой момент обрушить этаж.

Гера перехватил меня за запястье, и я кое-как сохранила равновесие. Пламенные языки силы лизнули мою ладонь, неохотно отпуская. Затягивающее давление портала ослабло. Мужчина не позволял мне упасть, продолжавший удерживать свободной рукой.

— Если совет действительно соберется, — внезапно заговорил он, — если встанет вопрос о твоём статусе, можешь не сомневаться в моей протекции.

Внутри что-то щелкнуло, будто слова Геры наполнились реальной силой и отозвались волной магии.

Неужели все?

Гера покинет мой мир (почти родной). Совет Лэйтирии прикажет Врагу оставить меня в покое. Я вернусь домой. Поговорю с мамой. Мы обязательно наладим отношения. Увижусь с отцом. Пойду на чертову работу, по которой невероятно соскучилась, как бы странно это ни звучало. А потом завалюсь на диван с Тимьянием, кружкой горячего кофе и той стопкой недочитанных книг, заброшенных на антресоли.

Все, о чем я запрещала надеяться во время путешествий, пронеслось перед глазами в секунду сладкой вереницей надежды.

Я не могла поверить в свою удачу.

И не стоило.

Не уповай на везение рядом с лэйтирцами.

— Не беспокойся за свой дар, свободу или статус. Я не позволю совету распоряжаться твоей судьбой. — Гера в последний раз окинул взглядом плененный выцветший мир — Ты уже отдала себя мне.

Я ощутила жар на запястье, в том месте, где держал меня Гера. Там, где стояла его кровавая печать.

Вейос! — отозвалось в моем сознании ядовитым жалом.

— Не вздумай! — процедила сквозь зубы, стараясь вырваться. — Мы так не договаривались.

Он не стал утруждать себя бесполезными пререканиями, а швырнул меня в открытый портал. Но тут я была готова. Ухватила в последний момент за раму зеркала. Межпространственная магия едва коснулась моей жилетки, а я уже спешила с ответочкой.

Без слов, без пафоса и без лишних движений.

Я ударила Геру.

Сырой магией.

Что-то невидимое подхватило Геру и швырнуло на пару метров, прямиком на границу из рун.

Ага, теперь можно. Очень Малышу не понравилось клеймо, жгущее мне кожу и тянущееся к душе. Мы учимся капризничать и проявлять недовольство. Пока агрессией, но кто идеален в воспитании?

— Уходи, — потребовала я, сдвигаясь с траектории портала. — Второй раз предлагать не буду.

— Боевая девочка, — хмыкнул Гера, поднимаясь на ноги. Он изобразил странный жест рукой, будто снимает остатки магии. — Какая странная магия. Не только ключом работает, но и держит оборону.

— Возвращайся домой, Гера. Или как там тебя зовут. — Я держала сконцентрированную магию. — Если вздумаешь выкинуть какую-нибудь штуку — в миг по стеночке размажу.

— Глупышка, — хмыкнул он, примирительно поднимая ладони. — Я не приемлю бессмысленного насилия.

— Только осмысленное, да?

Какофония света и звука продолжала разрастаться.

Гера пнул один из вздыбленных камней. Потом посмотрел на меня.

— Аня, — мягко произнес он, протягивая руку. — Пойдем со мной.

Я собиралась рассмеяться ему в лицо. Но улыбка застыла. Скопленная энергия мгновенно потухла, будто сгоревшая лампочка. А я, переступая через вздыбленные куски бетона, направилась к Гере.

Мое тело не слушалось меня!

Отгородившись от паники, я попыталась сбросить наваждение. Тиски очень напоминали те, что использовал Тинхе, играясь с моей волей. Но я же освобождалась от них раньше!

Мальш!

Но Мальш цепенел в молчании. Холодные скользкие путы держали его через метку вейоса.

Господи, что же я натворила?

— Ты отреклась от предназначения, Аня. Теперь твои желания под моим контролем.

В голове будто поселился кукловод. Он дергал за ниточки, и я тянулась к Гере. Он дергал еще раз и моя улыбка из ожесточенной превращалась в милую.

— Иди ко мне, Аня.

Кукловод дергал, и я шла.

Оставляя за спиной Марину и рыцаря. Незавершенные разговоры. Несостоявшиеся встречи. Не налаженные отношения. Кота.

Свет портала обхватил нас, утягивая в пучину иного мира.

— 20 -

Перемещение между мирами штука сложная и небезопасная. Много зависит от опыта и мастерства. И от дружелюбия мира, конечно же. Через порталы Центра я проходила без особых сложностей. Тинхе, если его не отвлекать, легко перемещался между мирами, и прекрасно поддерживал связь.

Тут же...

Из портала нас вышвырнуло с силой, с какой гравий летит из-под колес мчащей фуры.

В последний момент перед падением, я успела выставить руки, оттолкнуться, и перекатиться, гася удар. Вслед за мной взметнулся золотистый слой пыли, который на поверку оказался переливающимся на солнце песком, а не продолжением магических манипуляций. Теплый удушливый воздух забился в легкие.

Несколько раз выругавшись, поднялась на колени. Песок забился в волосы и облепил одежду. Метрах в десяти с меньшим успехом приземлился Гера. Несмотря на все мои искренние пожелания, шею он не свернул. Но пока отходил от межпространственного перехода, я заполучила немного времени.

Тиски чужого контроля ослабли. Я все еще чувствовала на себе сеть заклинания, что готово схлопнуться капканом, стоит Гере поманить пальчиком. И все же, свобода действия вернулась.

Разом все винтики в голове выстроились в единый механизм, направленный на решение

одной единственной задачи: что делать?

Первым порывом было броситься к месту закрытого портала и разблокировать его на обратный переход. С той же скоростью, с какой желание появилось, с той и исчезло. Прорываться в закрытый мир без чьей-либо помощи? Проще сразу сдать Малыша лэйтарской верхушке и не мучить ни себя, ни его.

Бежать по солнечному пляжу в бескрайние дали? Бесполезно. Вейос покажет мое местоположение (А Врагу и вейоса никакого не надо, он меня в других мирах чует, будто охотничья собака). Зажать уши, в надежде, что если не буду слышать голос Геры, то он не сможет осуществлять контроль? Нет. Лэйтарцы манипулируют лэй не только голосовыми приказами, но и мысленными.

Вроде бы.

У меня было столько времени разобраться в работе чертовых вейосах! Я же должна была догадаться, что рано или поздно так вляпаюсь.

— Аня...

Я резко подскочила на месте, вперившись в Геру лютым взглядом. Встав на ноги, мужчина тщательно отряхивал песок с брюк.

Мы оба выглядели несколько комично в своих одеждах посреди пустынного пляж, в аранжировке шепчущих волн и тихих вздохов прохладного ветерка. Будто туристы, спустившиеся с возвышающихся над океаном холмов, чтобы освежиться в блестящей чистотой воде.

Яркие краски резали глаза. Каждая деталь нового мира контрастировала с покинутым монохромом, да, собственно, и с улицами родного города.

— Как дикий зверек, — искренне восхитился кареглазый злодей, выпрямившись в полный рост. — Мечешься, шарахаешься.

— Ты обманул меня! — прокричала я, и ветер подхватил мои слова, разнося вдоль песчаного берега. — Я попросила об одной ерундовой вещи, которая ровным счетом ни во что тебе не встанет. А ты решил просто... — слов не нашлось. Я рванула заляпанную кровью рубашку. Оставленная на запястье метка пылала болью. — У вашего вида есть понятие о чести?!

— Я не лгал тебе. Я исполню обещанное, хотя твое желание звучит безумно. Я едва ли представляю возможность свершения тех событий, о которых ты говорила. И все же, я сдержу слово. Так что тебе не нравится? — Он склонил голову, задумчиво меня разглядывая. Тут же улыбнувшись собственным мыслям, мужчина спросил: — Думаешь я тебя похитил? Посмотри на себя, Аня. Разве ты воин? Хрупкая блондиночка с трагически-печальным прошлым. Измученная и усталая. Что тебя ждало? Холодная постель и одинокие вечера до глубокой старости. Разве я мог оставить тебя в столь бедственном положении, после всего что ты для меня сделала, маленькое беззащитное создание?

Не знаю, что меня больше ужаснуло, его слова или то что он реально мог в них верить.

— Не такая и хрупкая, — возразила я, опасливо отступая. Будто это могло помочь. — К тому же, крашенная, — дернула за одну из мешавших прядей. Гера содрал с волос единственную резинку, и теперь они в беспорядке метались по ветру. — Мне тридцать, а на часах должно быть за полночь. Конечно я вымотанная и уставшая. И в моей жизни уже есть странные неадекватные отношения, способные скрасить остаток моей молодости. Справилась бы.

Гера недоверчиво покачал головой, делая пару шагов навстречу.

— Как же тебе объяснить, чтобы ты поняла? Я очень долго ждал тебя, Аня. Готовился к твоему появлению. Столько раз ошибался и почти теряла надежду. Вновь и вновь брался за работу, не жалея сил. Я раз за разом представлял, как же будет выглядеть Избранная такого странного мира. Однажды столкнулся с фальшивкой! Она почти убедила меня в своей исключительности, но Немерность быстро разоблачила ее ложь. — Он немного помолчал, после чего понизив голос, доверительно сообщил. — Признаться, я несколько привязался к созданному в голове образу Избранной. И ты не очень дотягиваешь до выставленных стандартов. Это конечно не твоя вина. Моим стандартам сложно соответствовать.

Тут я честно даже не обиделась. Моим стандартам соответствовать вообще невозможно. Но остальная часть пламенной речи очень сильно обеспокоила. Неужели наш мир настолько плохо повлиял на психическое состояние Незыблемого?

— А шкурку-то мне на кой портить? — все-таки не удержалась.

— Это вейос, — спокойно пояснил Гера, задирая голову и что-то выискивая. Там, на холме, виднелся единственный признак цивилизации. На фоне бегущих облаков возвышалось строение, напоминающее полуразрушенный Парфенон. — Глупая формальность.

Печать на запястье горела жидким огнем. Будто вся моя суть обернулась против проклятой метки, ведя с ней непримиримый бой. Она желала избавиться от инородной магии, выжечь скверну любой ценой.

Так себе формальность.

— Она вынуждает меня делать то, что я не хочу.

- Только до тех пор, ты не поймешь, какие поступки для тебя благоприятны, а какие — нет.

Я открыла рот, чтобы выдать гневную тираду, но из горла не вырвалось ни звука. Не из-за магического запрета. Как-то резко я осознала, что все. Дверь закрыта и стучаться в нее бесполезно. Хозяева отсутствуют.

Это странное понимание охладило мой пыл.

Грустно вздохнув, я махнула рукой.

— И что теперь?

Гера указал, на спрятанную посреди склона разбитую каменную лестницу.

— Мы еще не в Лэйтирии. Это перевалочный пункт. Так просто в империю не проникнуть. У нее отменная защита. — Он провел ладонью по воздуху, будто считывая информацию. — Хм, давненько меня здесь не было.

Загнав чувства поглубже, я стянула теплый жилет, и перекинула через локоть. Закачала рукава и расстегнула пару верхних пуговиц. Солнце палило безжалостно и беспощадно, прямо как логика Геры.

Сделав пару глубоких вдохов, я поплелась к выбитой в скале лестнице.

— Аня...

— Сама, — перебила я, проходя мимо.

Мужчина улыбался так широко и уверенно, что меня пробрала дрожь.

«Почему в качестве Избранной я всегда попадаюсь всяким психотичным личностям? — мысленно спросила у богов Центра.» Впрочем, ответа дожидаться не стала. Впереди ждали полторы сотни ступенек, а это почти столько же секунд. Плюс пятнадцать минут перерыва на каждые пятьдесят шагов. А значит, я могла успеть разобраться, как же вылезть из очередной ямы. Ну не мог отказ от предназначения автоматически превратить меня в лэй!

Немного погодя, за мной последовал Гера.
В общем-то, маньяки именно так себя и ведут.

— 21 -

— Гера, я не хочу в твой мир.

Вот, сказала.

На самом верху, когда последними преодоленными ступеньками стали те, что вели внутрь акрополя. В забытый памятник архитектуры с полуразрушенными колоннами серовато-пепельного оттенка. Когда-то они сверкали белизной, но солнце, соленый воздух и время изъели крепкий камень. Гладкий отполированный до зеркального блеска пол был испещрен царапинами и рытвинами, что подобно морщинам на лице вековой старухи покрывали тело Не-Парфенона.

— Я хочу домой. — Остановилась я у одной из наиболее сохранившихся колон. Жилет аккуратно прижала к себе, скрывая правую руку. Поднимаясь, я незаметно счищала с нее кровь. В месте, где Гера нарисовал непонятные знаки, так сильно пекло, что казалось под засохшей коркой обязательно обнаружится выжженная до самых костей клеймо. — Мне нравится мой мир и моя повседневность. Да, это не так пафосно и эпически, но это моя жизнь.

— Ошибаешься, Аня.

Гера направился к дальней части Не-Парфенона, которая выходила к океану. У самого края стояла одинокая арка. Предназначение у нее могло быть только одно.

Я сцепила зубы, втягивая воздух.

Боль в запястье не успокоилась. Наоборот, она постепенно нарастала.

Когда под слоем засохшей крови не нашлось ничего кроме порезов от щупалец фата, я крепко задумалась. У лэй вейосы напоминали рисунки хной. У меня на коже отпечатались ровным счетом ничего. Это наводило на мысль, что действия Геры не привели к созданию полноправно работающего вейоса. Его требовалось доработать. Но не здесь, а в Лэйтарии.

Причин могло быть много. Возможно, вейосы ставятся в несколько этапов. Или их ставит специальный орган, вроде одного из тех странных комитетов. Или они окончательно активируются при особых условиях. Будь дело в только в кровавой печати, Тинхе давно бы начертил мне ее прямо на лбу.

Так как же Гера меня контролирует? Также, как делал Тинхе! А ему я могла сопротивляться. Но — то Странник, а у тут Незыблемый. Да, он сильный. Когда-то таковым был. Враждебный мир хорошенько потрепал представителя золотой расы. Его дар отличается от дара Врага? А то! Магия была дана непосредственно Атросом, а не видоизменялась из поколения в поколение. Почти как у меня. За тем исключением, что дар Геры достаточно зрелый, а мой закономерно зовется Малышом.

И все же, это значит, заклинание можно снять.

— Надо было уходить с Виталием. — Вздохнула я.

Гера напрягся. Все это время он проверял сохранность иероглифов на арке. Сгущающийся вокруг воздух намекал, что работоспособности портал не потерял.

— Что ты сказала? — мягко переспросил кареглазый мужчина, прекращая манипуляции с порталом.

Малыш не мог помочь. Поэтому я обратилась к исконно женским способностям, на которые природа не поскупилась.

— Говорю, следовало уйти с Виталием и Мариной. Наверное, они уже выбрались из Немерности и едут по домам.

Гера медленно повернулся.

— Они покинули актовый зал?

Я кивнула.

Лицо Геры застыло. Под рубашкой напряглись мышцы, а скулы будто свело судорогой.

— Почему?

— Спать, наверное, хотели. Завтра понедельник. Всем на работу.

— Что ты сказала ему, Аня? — при всем пугающем виде, голос Незыблемого прозвучал неожиданно ласково. Арка была забыта. Все внимание обращено на меня. — Он был сломлен и разбит. Выжжен дотла. Слабый и забывший о своих целях. Он не мог уйти. Что ты ему сказала? В какую ложь он мог поверить?

— Никакой лжи. Просто объяснила, как соединить обратно душу с телом, чтобы без проблем покинуть Немерность.

В этот раз я не стала отступать, когда Гера отпустил нить магии, испаряющую замок закаменевшего портала, и шагнул ко мне.

— Эта грань нерушима. — С нажимом произнес он, все еще оставаясь в допустимо-мягких рамках контроля.

— Но Виталий как-то находил лазейку раньше. Потом забыл, но лазейка-то никуда не делась. И вот пришла я и сорвала джек-пот. Избранная!

— Нет, не ты. — Жестко, четко, бескомпромиссно. Здравствуй, спящий Незыблемый. — Тебе не откуда было узнать.

От нервозности, а не от прилива детского счастья, я качнулась на ногах, привстала на цыпочки, затем опустилась обратно на пятки. Губы расплзлись в едкой улыбке.

— Разве? У тебя целая комната под алтарь с ямой и голубым свечением. И это посреди черно-белого мира. Ау! А Виталий — сюрприз! — работает в музее и разбирается в разных древних штучках. У него и перстень красивый был. Если не «крючки» используются в качестве подношения божеству с просьбой вытащить живым, то я не знаю, что еще.

Ох, как же беднягу перекосило.

Что, Гера, давно в твоих мозгах ложечкой никто не колупался? Знакомься — женщина, сотворена с этой функцией в базовых настройках.

— Нет! — Он-таки не удержался. Схватил меня за грудки, толкая к колонне. Я больно стукнулась, ударяясь головой. Инстинктивно вцепилась в чужие пальцы, пытаюсь освободиться. План — планом, а самосохранение так просто не заткнешь. — Ты лжешь мне, Аня, — прошипел он. — Надо знать имя. Он не помнил, а ты...

— Атрос.

Безо всякого усилия мужчина подтянул меня на уровень своих глаз — они светились жидким золотом, разбавленным доброй порцией меди. Неблагородного металла.

Гера встряхнул меня так, что зубы застучали.

Ох, как же резко мы перешли грань!

— Он назвал тебе это имя?

Я ахнула, когда хватка усилилась. Пульс заколотился в висках. Правая руку горела, будто ее сунули в печку. Казалось, ветер перестал обдувать прохладой, перейдя на режим адского пекла.

— Говори!

— Ты же сам просил его о помощи, когда попал в закрытый мир.

Удивление. Смятение. И вот глаза наливаются кровью.

— Я...

— Ты молился, — прозвучало приговором. — И Атрос прислал меня.

Гера оторвал меня от земли и отбросил — я отлетела спиной на камни. Все тело затопило болью. Закашлялась, я вытянула руку, защищая голову. Но удара не последовало.

Незыблемый возвышался надо мной могучим титаном.

— Ты... — Он пытался подавить свою злость, но застарелая ненависть кипела в лэйтарских жилах с незапамятных времен. В чем-то Аматри был прав. — Ты совершила ошибку, Аня. Разве ты не понимаешь, что теперь я не смогу позволить тебе жить?

Лэйтарцы не знали имен богов. Не помнили их лик. Не оставили о них памяти. Любому напоминанию о богах не место в Золотой оси. Например, Избранной. Или же Незыблемому нарушившему негласное табу.

— Ты обещал мне защиту, — прохрипела я, указывая на запястье. — Наш договор.

— Да, — сквозь свирепую ярость пробилась искра сожаления. И тут же потухла. — Нам не в Лэйтарии. — Пространство налилось магией с отчетливым привкусом крови. — А связь так хрупка.

Я не поняла, что за манипуляцию он произвел. Вскрик вырвался из меня против собственной воли. Задыхаясь от боли, я прижала руку к себе. Та практически онемела. Казалось вот-вот и совсем отвалится.

Внезапно, будто по щелчку, все исчезло.

Меня окутал легкий бриз блаженства.

Оковы пали.

Я лежала на пригретом солнышке полу, полностью дезориентированная.

— Мне правда жаль, Аня. — Донеслось сверху.

Это стало хорошим предупреждением. Я вскинула руку, защищаясь. Выставленный магический щит громко хрустнул, когда на него опустилась мощь заклинания Незыблемого. Почему-то я сразу догадалась, что ударит он магией. Хотя, на самом деле, я вообще не планировала, что он будет меня бить.

— Ты бы мог меня просто отпустить! — взвыла я. Магия рассыпалась вокруг меня. — Вернуть домой! Гера, стой же!

Красивый, незыблемый и беспощадный. Он не слышал моей мольбы. Имя бога перечеркнуло любую возможность на спасение.

Я сжалась.

Щит дрожал, но держался. Я не представляла, сколько сил осталось у Мальша.

— Сожалею, Аня. — Окончательный приговор. — Не могу.

Он разомкнул ладонь. Глаза защипало от обилия золота.

Я ощутила хлопок воздуха. Гера вздрогнул и обернулся. Сквозь звон в ушах я посмотрела вверх — сердце попыталось выпрыгнуть из груди, дыхание сперло. Портал активировался.

В лучах солнца и синевы океана, стояла знакомая фигура.

- А придется отпустить. — Сказал нежданный гость. — Смерть лэйтарца от рук другого лэйтарца одно из самых страшных преступлений. За такое изгоняют из Золотой оси.

денди нового света. Никаких вызывающих красок. Мягкие бежевые оттенки, которые никак не отображают сумасбродную суть лэйтарца, и фетровая шляпа поверх короткостриженных светлых волос. Для полноты изысканного образа недоставало трости из слоновой кости и перламутра.

В последнюю очередь я ожидала увидеть именно его. Где-то зрела легкая надежда (и огромный страх), что на помощь придет Тинхе. Не потому что это в его стиле, а скорее из-за постоянного ощущения, что он незримо контролирует каждый мой шаг. И если кто мог и хотел найти меня в любой точке света — это он.

Аматри? Аматри умел наживать себе врагов так же легко, как я попадать в неприятности.

Тишина в обрамлении разбитых колон продержалась недолго.

— Она не леди. — Тихо ответил Гера, выпрямившись во весь рост, и с осторожным любопытством разглядывая незваного гостя. — Что я с ней делаю — не может задеть чьих-то интересов.

— И я попадался на этот крючок, — беззаботно хмыкнул Аматри, сверкая улыбкой. Будто не замечая напряженной атмосферы, он прогулочным шагом направился разглядывать архитектурные элементы Не-Парфенона. — Давно покинутое место, надо же! — восхитился белобрысый лэйтарец, проводя пальцем по выпуклостям барельефа. Как и Тинхе Аматри носил перчатки, но, в отличие от коллеги, использовал аксессуар в дополнении к образу, а не в следствии какого-то бзика. — Не-лэй, ты представишь нас или нет? Это начинает выходить за рамки приличия.

Я возрилась на Аматри в немом шоке.

Вроде следовало радоваться. Гера не прессует магией, боль поутихла. Но, эй! Я валяюсь в окровавленных шмотках — это что, в рамках приличия? Хотя, чего еще от лэйтарцев ждать? А тем более от Аматри. Не помогает добить — уже спасибо.

С лежачего положения, в защитной позе было неудобно произносить вежливые речи, но удобство — роскошь для тех, кто пытается выжить.

Я прочистила горло.

«Это Гера — он Незыблемый, неадекватный психотик с биполярочкой и буйными припадками. А это Аматри. Он не Незыблемый, но тоже неадекват, хотя менее буйный.

Так себе представление. С такими манерами мне в светское общество не попасть.

— Это Гера, — тукнула пальцем в притихшего Незыблемого, что продолжал изучать нестандартного представителя лэйтарцев. Возможно, до уничтожения богов, таких как белобрысый Странник раньше скидывали в Атроса. — Это Аматри.

— Ага, — подтвердил парень, не глядя на нас. Его внимание заняли сколы на сохранившихся триглифах. Наверное, в высшем обществе Аматри тоже не сильно жалуют. — Так и есть. Гера — это настоящее имя? Не похоже на наше.

— Достаточно настоящее в определенных кругах, — Незыблемый выдохнул через нос, глаза его сверкали. — Странник?

Аматри повернулся.

— Дом Непознанного, — немного неохотно признался он. — Странствия как вынужденная часть хобби.

Гера понимающе кивнул.

— И какие интересы у дома Непознанного на этом перевалочном пункте?

— Дела совета. Доставить одну не-лэй в зону контроля Золотой оси.

— Достойное занятие, — хмыкнул мужчина, занимая позицию между мной и Аматри. Казалось — один шаг, никакой магии, но меня будто стеной отгородило. — Но, видимо, в расчеты закралась ошибка. Это моя вещь. У совета нет полномочий распоряжаться чужой собственностью.

Тут я подумала, что хватит разлеживаться на согретом солнце камне и пора вставать. Гера сменил внимание на более достойного соперника, а значит удара в спину в ближайшие пару минут можно не ждать.

— Как мило, — протянул Аматри, просяив улыбкой. — Где же вейос? На девушке нет метки принадлежности. Дурной тон безосновательно приписывать себе свободные вещи. В обществе называют это чрезмерной одержимостью, — он отклонился, заглядывая Гере за спину и встречаясь взглядом со мной. — Нашла себе нового Врага? Кому-то это не понравится. Жажду это увидеть!

В необдуманном порыве он было шагнул ко мне, но неожиданно запнулся и замер. Светло-серые глаза с удивлением остановились на вытянутой руке Геры. В воздухе мерцала пленка магии.

— Не говори с ней, — предупредительный холод. Этап вежливости пройден. — На ней действительно нет вейоса, но мое право собственности неоспоримо.

Я ощутила покалывание мурашек. В словах Геры сквозило предупреждение. Аматри же нисколько не смутился.

— И у тебя, конечно, есть какие-то подтверждения своих слов?

Мне захотелось как следует врезать беспечному блондину. Он совсем не чувствовал угрозы. А вот стоило бы! Может убивать лэйтарцам друг друга нельзя, но в прошлый раз Тинхе зачихнул парня на лабораторный стол в наркотическую кому. После таких событий надо начинать немного соображать!

Гера — это не Тинхе. У Врага с психикой тоже не все хорошо, но он лучше притворяется нормальным, чем мы все вместе взятые. Он стабильный. Его не штормит от заботливых обещаний до немотивированной агрессии по двадцать раз в минуту.

— Она принадлежит мне по праву отказа от предназначения.

Я не видела лица Незыблемого, но могла поспорить, что сейчас там играет тонкая улыбка самодовольства. Гера был уверен в непоколебимости своих аргументов. Я даже аккуратно подвинулась в сторону, чтобы запечатлеть в памяти тот момент, когда Аматри ее сотрет. Впрочем, от следующей фразы прилетело не только Гере.

— Не-лэй, он серьезно? Ты позволила другому лишиться себя предназначения?! — абсолютный уровень восторга во всех цветах. Аматри будто вручили леденец на палочке. Я начала подумывать, что успею-такие ему врезать. Не всем идет идеальный ряд жемчужных зубов. — Ой, я так рад что буду присутствовать! Можно я скажу ему сам?

Речь, конечно, шла не о Гере. И тому не понравилось пренебрежение.

— Аматри из дома Непознанного. — Прощедил Гера, и его собеседник вздрогнул, будто услышал рокот грома. — Ты испытываешь мое терпение. Ты можешь сомневаться в ее принадлежности, но она не леди. Говори со мной, а не с ней.

— А? Да.

Аматри с трудом удавалось удержать внимание на незнакомом лэйтарце. Видимо внешность рубахи-парня Геры ничем не цепляла струнки души молодого Странника. Бедолага не представлял, что перед ним стоит его «снежный человек», Незыблемый, чье существование он пытался опровергнуть. И я не собиралась выступать просветителем. Вдруг,

преисполнившись благоговения Аматри забудет, что собирался не позволить меня убить.

— Очень жаль. Совет на время процесса предоставил не-лэй неопределенный статус. Комитет передал результаты проверки. Она официально не Избранная. А значит, любые действия в ее отношении нельзя квалифицировать как «лишение предназначения», — притворно посочувствовал Аматри, и вновь обратился ко мне. — Он это специально, да? На зло мне.

Очень медленно Гера повернулся, чтобы посмотреть на скромную и притихшую меня.

Я пожалала плечами, одергивая рукава рубашки.

— Что? Я предупреждала про совет. Не надо делать вид, что ты удивлен.

— Какие интересные времена наступили, — медленно проговорил Незыблемый. — Золотая ось превращается в склад бесхозных вещей.

Честно, достало слушать как обо мне говоря в третьем лице и в среднем роде. Но я оказалась достаточно разумной, чтобы не высказывать обид. Они правы, у вещей нет голоса. Но иногда они могут упасть тебе на голову с шифоньера и размозжить череп!

— Это дела совета, — отмахнулся Аматри, не замечая сгущающихся туч. — Мое дело — доставить не-лэй по назначению.

Вот же!

— Не думаю, что получится.

Вот теперь угроза звучала явственно. Для кого угодно, но только не для Аматри. Блондинистая бошка не допускала мысли, что может пострадать от своего соотечественника.

— Перерыв! — воскликнула я, перебивая Незыблемого.

Мне совсем не светило попасть в центр конфликта двух лэйтарцев. Что-то подсказывало, что Гера и от Аматри избавится без всяких сожалений. И плевать ему на законы. Никто ничего не видел, никто ничего не докажет. Еще и на мою мертвую тушку всю вину свалит.

— Аматри, дай нам минутку.

Я подхватила Геру под локоть отводя в сторону. Сзади послышалось обиженное фырканье.

— Они знают обо мне, — прошептала я. — Бесшумно от меня не избавиться. Но сдержи свое слово на совете, и твой секрет никогда не будет озвучен. Клянусь, Гера. Ты должен был понять, что я свое слово держу.

Карие глаза подернулись темной кофейной кромкой. На миг у меня перехватило дыхание. Я все еще могла выбраться из переплета живой и свободной.

— Я вытащила тебя из закрытого мира, — напомнила я, закрепляя позиции. — Хочешь того или нет, но ты мне должен. Незыблемые умеют платить по счетам?

Секунда тянулась долго, чуть меньше вечности. А потом Гера моргнул и сквозь кофейную пелену пробился свет. Я надеялась, что это проснулся огонек здравого смысла, а не искра для розжига моего погребального костра.

Аккуратно вытащив руку из моей хватки, Гера отстранился.

— Кто будет осуществлять за ней присмотр до совета?

— До совета? — всполошилась я. Задерживаться в Лэйтарии мне не хотелось. — Он пройдет не сейчас?

У дальней части Не-Парфенона Аматри активировал портал.

— Конечно же первый лэйтарец, что предьявил на нее права. — С радостью

откликнулся он. — И я лично засвидетельствую передачу. Жду не дождусь сообщить Тинхе все подробности прежнего существования его временно опекаемой не-лэй.

Тинхе.

Что б тебя! Дробь, ну когда ты начнешь думать наперед? Зачем, блин, сопротивлялась своему убийству?

— Другой Странник имеет на тебя права? — переспросил Гера. Ну вот, теперь, помимо паники я почувствовала себя Избранной легкой социально ответственности. — Что ж, Аня. Ты права. По счетам я платить умею.

Он подтолкнул меня в спину к работающему порталу.

— Не долго тебе ходить в статусе неопределенной вещи.

Я глупо моргнула.

Блин, не великая империя, а какая-то страна барахольщиков.

ЧАСТЬ III

— 1 -

В доме Тинхе было тихо и спокойно.

Аматри не врал. Никому не было интересно, что я скажу на совете, но посмотреть на неизвестную зверушку хотелось всем. Тинхе приложил массу усилий, чтобы не допустить иного. Совет будет созван. Его откладывали до тех пор, пока меня не обнаружат Странники. И вот, удача улыбнулась Аматри.

Радоваться или нет, но меня тут же не потащили силком на оное собрание. Бюрократия в Лэйтарии имела место быть. Аматри шепнул, что верхушка Золотой оси не привычна к спешным принятиям решений. Внешние враги у империи отсутствовали, и лэйтарцы обосновано не считали любые из проблем достаточно важными, чтобы откладывать повседневные дела, вроде посещения званых вечеров, ради дел государственных. Время официального созыва совета еще не было назначено.

Мне предписывалось оставаться у Тинхе — наиболее осведомленного лэйтарца о моей сущности. Или, как сказал Аматри, у того, кто имеет на меня больше прав. А куда еще меня девать? Общественных тюрем в Золотой оси не существовало. Каждый великий дом самостоятельно занимался своими проблемами.

Так я получила временный статус.

Что мне это дало?

Я мялась в парадной Врага, под приглушенным светом настенных ламп. Меня бросили на пороге дома, как вшивый рекламный флаер. В жалкой попытке, я напомнила Аматри, что он хотел присутствовать при моей встрече со Странником. Мелкий поганец же ответил, что уже связался с Тинхе и все ему передал. И это было весело.

Вот не зря Враг зовет его крысенышом.

Так я осталась одна.

Неопределенность моего положения нервировала больше, чем Гера, заточивший зуб, или Аматри с еще более дикими планами, чем мои. В это доме я побывала и в качестве гостыи, и в качестве заключенной. С одинаковым успехом Тинхе мог отправить меня в гостевую спальню или же кинуть в подвальную клетку.

В прошлый раз Тинхе одолжил у кузины девушку-лэй, чтобы та помогла мне обосноваться в наполненном сумраком и застарелым безмолвием доме. Остальные слуги были мужчинами. Их тоже звали лэй. Они сновали безликими тенями и заметить их было

практически невозможно.

К чему я веду?

Никто меня встречать не вышел. Совсем. Ни лэй-мужчины, ни лэй-женщины, ни сам Его Мрачность и Темнейшество Тинхе. Я так подозревала, что не из-за того, что о моей персоне забыли. Кто-то вредный и обидчивый тонко на что-то намекал.

Ладно, я не гордая. Не обязательно раскатывать красную ковровую дорожку и выстраивать в рядок чествующих меня лэй. Меньше всего на свете мне хотелось влезать в еще одну опасную драму, но делать нечего. Прятаться и оттягивать неизбежное было глупо. Я должна была пройти этот путь.

Стянув кроссовки, я поплелась искать хозяина дома. Да, шататься в грязной обуви по вычищенным коврам и лакированному полу, нога не поднялась. Рвать голосовые связки, вызывая к Тинхе, тоже не входило в планы. Нарушать стылое оцепенение особняка казалось кощунством.

Впрочем, мои скитания продлились недолго. Хозяин дома не скрывался. Он сидел на диване в одной из комнат первого этажа. Двери в были распахнуты, а дорожка света призывно падала в глубь коридора.

Я прижалась к откосу дверного проема и неуверенно заглянула в комнату.

Враг.

Опять в чем-то черном.

На низком кофейном столике лежали стопки бумаг, странные письменные принадлежности и ажурная шкатулка. В воздухе висели магические символы разных расцветок. Периодически, склонившись над столиком Тинхе поддевал кончиком карандаша одну из цветных каракулей, и опускал на бумагу, словно ставил печать. Потом снова возвращался к изучению содержимого документов.

Некоторое время я наблюдала как облаченные в тонкие перчатки пальцы орудуют «пером и словом». Потом тихонько опустила пару кроссовок на пол, и робко произнесла:

— Свободного вечера?

Мужчина приподнял голову. Иссиня-черные волосы колыхнулись. Несколько прядей выбились из идеальной укладки.

— Дробь. — Его голос прошелся по коже гладким шелком и оттенявшим его холодком. Конечно мужчина не был удивлен. Он знал, что я пришла. Знал, что стою и наблюдаю за ним. Знал абсолютно обо всем, что происходит в его доме.

— Как дела? — Продолжила я гениальный диалог. Господи, спасибо за избитое клише бесполезных вопросов.

— Не так захватывающе, как твои, Дробь.

Взмахнув карандашом, Тинхе сдвинул воздушные магические надписи и убрал их в камень перстня. По крайней мере, со стороны выглядело именно так.

— Ну, не всем же быть такими исключительными, как я.

— Не всем, — согласился Враг, собирая исписанные листы в стопки. — Ни слова, ни намека, ни весточки. Один короткий сон и подозрительная скрытность. Потом объявляешься в компании неизвестного лэйтарца, навыки путешествий которого не дотягивают даже до уровня Аматри. Это наталкивает меня на очень нехорошие подозрения, Дробь. Странник, которого ты подобрала, числится пропавшим много лет назад. Ничего не хочешь рассказать, Дробь?

Я продолжала вжиматься в дверной косяк, цепляясь за него как за спасательный круг.

— Очень сильно не хочу.

Все листы были собраны и отложены. А Враг до сих пор на меня толком не посмотрел.

— Тогда, может ответишь, почему вас нашел Аматри на самом непригодном, искривленном и труднодоступном перевалочном пункте? — Мужчина чуть заметно поджал губы. Пренебрежение пополам с досадой окрасило спокойный голос. — Из всех Странников только он додумался удерживать под наблюдением беспокойную часть окраины.

Ой, чье-то самолюбие пострадало. Как же, Аматри что-то предвидел, а Тинхе — нет. А Гера, выходит, нарочно потащил меня мимо радаров. Эх, не знал Незыблемый про дотошных конспирологов Лэйтирии.

Враг тем временем продолжал.

— Любопытную картину обрисовал Аматри. Я бы списал все на его бурную фантазию, но, видя, как ты мнешься за дверь, боясь сделать шаг, предположу, что в этот раз крысеньш был откровенен. Так, Дробь?

Он все еще ни разу не назвал меня милой Дробью, любопытной Дробью или какой еще угодно Дробью. Это немного нервировало. Меня отчитывали как школьницу.

Ненавидела я школьные годы.

— Мелькнул на горизонте другой Странник, — фыркнула я, уводя от Геры подозрения. Он все еще мог сыграть на моей стороне. Но если Тинхе догадается раньше времени, обязательно предпримет контрмеры. — И сразу столько подозрений и упреков. Я же не спрашиваю, сколько у тебя было Избранных за это время.

В комнате горела люстра, пять бра и три настольных лампы, но ни один источник света не отразился в темных глазах Врага, когда он посмотрел на меня. Несколько секунд, потонувших в тишине, он обдумывал сказанное, после чего позволил жесткой ухмылке тронуть губы.

— Справедливо, Дробь. Но есть один нюанс. Я никому из них не передавал власть над собой. Ни разу.

Он отодвинул письменные принадлежности в сторону и встал из-за стола. Тинхе двигался предупредительно мягко, будто хищник подкрадывающийся к добыче. И когда очутился совсем рядом, я оказалась не готова.

Мужчина отцепил мои пальца от деревянного косяка, и перехвати руку вокруг запястья. Сдвинул край рукава, обнажая раненную кожу. Пальцы, облаченные в ткань черных перчаток, пробежались по тому месту, где совсем недавно огнем горел вейос, и остановились на порезах.

— Никто не посмел со мной совершить то, что сделала ты, Дробь.

Слова упали тяжелыми камнями.

А потом Тинхе сделал то, что я совершенно не ожидала. Он наклонился и запечатал поцелуй на месте пореза. Теплое дыхание обдало кожу, а по ранке скользнул огонек. Сердце сделало кульбит, я же потеряла дыхание. А потом и вовсе оцепенела, будто в один момент температура опустилась до абсолютного нуля, превратив меня в ледяную статую.

Нет, магия была не при чем.

— Дробь?

Он выпрямился. Мягкие губы больше не касались моей кожи. Запястье оказалось на свободе, но я так и осталась с вытянутой рукой.

— Забываю, что ты всего лишь человек, — как-то неуверенно произнес Тинхе. Кажется, он не добивался эффекта моего ступора. — Дробь?

Когда я не ответила, он аккуратно вернул мои пальцы к дверному косяку.

Я обратно не заработала.

Тинхе пробежался по мне взглядом, оценивая потрепанный вид. Немного подумав, он предположил.

— Ты голодна?

Я вроде моргнула.

— 2 -

Когда я проснулась, за окном стояли мягкие сумерки, что для Лэйтарии ровнялось глубокой ночью.

Несколько часов в забытьи не принесли желаемого облегчения. Мысли о родителях сменялись беспокойством об оставленных людях в Немерности. Я чувствовала, что должна что-то сделать, но не понимала, что и как. От невозможности что-то изменить на душе скребли кошки, противно подвывая голосом совести.

Выскользнув из-под одеяла, я подошла к окну. В прошлый раз его скрывали тяжелые бардовые шторы, сейчас их сменил бежевый атлас. Отодвинув в сторону струящуюся складками ткань, я некоторое время наблюдала за тишиной пустой улицы. Когда это не помогло успокоиться, распахнула окно и выглянула наружу

Ровные домики с садиками на крышах легко угадывали в отблесках небесных колец. Лэйтария — это целая планета. Взамен спутников у нее кольца, как у Сатурна. Тонкие разноцветные кусочки света, тянущиеся полосами вдоль горизонта. Благодаря им Лэйтария никогда не погружалась в абсолютную темноту.

Ворвавшийся уличный ветерок разогнал сумрачную духоту, тормоша портьеры, влажные после душа волосы и подол махрового халата.

Знаю, по классике жанра, халат должен быть шелковым и идти вместе с кружевной комбинацией. Уверена, нечто подобное лежало на полках гардеробной. Но мало вещей сравнится по уюту и внутреннему комфорту с мягкой хлопчатобумажной ночнушкой, в который не соскальзываешь с простыней на пол. А именно во всем этом я забралась в постель после душа.

К слову, ни о чем не пожалела.

Ладно, о чем-то пожалела.

Моя одежда пропала.

Хотя, чему я удивляюсь? В прошлый раз вещи вышвырнули прямиком в мусорку. Вряд ли иная судьба постигла порванную и окровавленную рубашку. Ну и поделом! А вот теплый жилет жалко. Его я любила и планировала отходить еще пару сезонов.

— Ну что за хурма? — пробурчала я в ночной сумрак и закрыла створки.

Меня вновь замутило: от беспомощности, липкого страха и неопределенности. Постояв несколько минут, безуспешно отгоняя тревогу, я принялась заново изучать интерьер, чтобы как-то отвлечься.

Ряд тусклых бра не позволял комнате теряться во мраке. В прошлый раз, когда я побывала в Лэйтарии, они работали иначе. Но тогда Тинхе загонял меня в совершенно в другую ловушку, которой не способствовало наличие освещения. Да, комната была все та же, за тем исключением, что дизайн приобрел более мягкие тона. Могло показаться, что я действительно гостя, а не мышонок, забравшийся в мышеловку.

Прикроватный столик пустовал. Пока я спала, кто-то убрал посуду, оставленную после

вечернего ужина.

Я почти не помнила, как он прошел. Тинхе проводил меня до комнаты, где ждала Лэй. Кажется, я с ней даже не поздоровалась. Усталость навалилась так резко и неожиданно, что едва хватило сил залить в себя чашку чая и проследовать в ванную комнату. После я повалилась на кровать и забылась крепким сном.

Крепким, да не долгим. С липким привкусом панической атаки.

Взгляд остановился на гардеробной, и я почувствовала силы в него заглянуть. Шкафы были заполнены платьями разного цвета и кроя. В ящиках лежали перчатки, чулки и мини-шляпки с вуалью. Я не смогла припомнить, было ли это при первом посещении Лэйтарии. А вот чего на полках не обнаружилось, так это шелкового нижнего белья.

С досадой захлопнула дверцу.

Нет, не из-за отсутствия развратного кружевного пеньюара. Хотя нет, из-за него. Тинхе щепетилен в мелочах. Если чего-то нет — этого нет намеренно.

Все в комнате излучало спокойствие: цвета, мягкие ткани, пушистый халат, обезличенное содержимое гардеробной.

И знаете, что? Это не успокаивало!

— Капец, ребята, — обратилась я к всеспасающим вымышленным единорожкам.

Затянув пояс халата, я направилась к входной двери. Дернула ручку.

Та поддалась. Дверь беззвучно отворилась.

Просто так. Без всякой магии. Будто я вольна гулять по залам особняка в любое время, что заблагорассудится.

Эта свобода показалась теснее казематов в подвале.

Наполненная решимостью, я вышла в коридор. Без цели побега. Ситуация со статусом должна была быть решена. В мою пользу и никак иначе.

Иногда вы просто не можете справиться со своими эмоциями. Иногда с ними не может справиться даже горячий душ и ромашковый чай. Не знаю, кто как дальше решает эту проблему, но я обычно отправлюсь искать жертву для нытья. Простите, жилетку для слез. Дома ею была мама. В Центре — Атрос. В Лэйтарии... Враг конечно не мог оказать должной эмоциональной поддержки, но на безрыбье сойдут и дорогие объятия мрачного жнеца. Плевать, что он забылся третьим сном. Это даже хорошо, если я его разбужу. В конце концов именно действия Тинхе стали последней каплей (и первой тоже!), переполнившей плотину скопившихся переживаний.

Терявшийся в темноте длинный коридор вывел к арочной анфиладе. Преодолев ее, я оказалась в восточном крыле. Именно там расположились покои Тинхе. Внешне дверь в хозяйскую комнату ничем не отличалась от других. И когда я остановилась у нее с занесенной для стука рукой, внутри мелькнули сомнения. Желая их подтвердить, я потянула ручку.

Дверь поддалась.

Я недоверчиво хмыкнула и заглянула внутрь.

Враг спал.

Следующее, что бросилось в глаза — комната была гораздо больше моей (моей трехкомнатной квартиры на Земле!). Пол выложен гладким камнем. Стены в рельефных узорах. Искусственный свет шел из стен, мягко падая на огромную кровать с балдахином.

Я, конечно, ожидала сырую пещеру с черным мрамором, готескно-мрачной мебелью, головами горгулий и громоздкой лепниной, но и такое сойдет. Просто нужно смириться, что

не у всех Врагов идеальный вкус.

— Тинхе, — позвала я.

Мужчина заворочался, но не проснулся, что до глубины души меня возмутило. Я даже немного подзабыла, зачем здесь стою. Нет, правда! Что у этого монстра за инстинкт самосохранения? А если я пришла с пилочкой для ногтей мстить за поруганную честь своих предшественниц? Я, между прочим, натренированная машина для уничтожения (уничтожения кексиков и пончиков, но все же)!

«Ладно, — подумала я, проскользнув в комнату и прикрывая за собой дверь. На случай, если меня действительно обуяет страсть к возмездию и в качестве оружия сойдет подушка.»

— Тинхе, — подбравшись ближе к кровати, снова позвала я.

Он спал на груди. Лицо спокойное, умиротворенное. Темные волосы рассыпаны в беспорядке. Одинокая прядь сползла на лоб, кончиком задевая трепещущие ресницы. Одна рука исчезала под подушкой, другая сжимала тонкое одеяло, будто не позволяла тому упасть с плеч и случайно обнажить незащищенные материей участки кожи.

Вернулась нервозность. Даже в жаркую погоду Тинхе облачался в темные одежды, полностью скрывающие тело. И не то что бы меня настолько сильно волновал этот момент (моя фантазия вполне справлялась с отсутствием информации подобного рода), но подбравшись так близко к странной тайне, сложно побороть любопытство.

Я сомневалась, что у Тинхе есть какие-то эстетические проблемы. Лэйтарцы в плане внешности и физиологии могли позволить себе все и немного больше. Те несколько раз, что мне доводилось быть в его объятьях (отставить Дробь эти воспоминания!), продемонстрировали наличие крепкого тела и сильных мышц. Но на этом все!

Несколько минут я замороженно наблюдала за его дыханием. Станным образом это успокаивало. Еще более странным было то, что я продолжала стоять и смотреть.

Внезапно мне перехотелось тревожить спящее воплощение зла.

Ну его.

Заканчиваем ночную эпопею. Насмотрелась я на мирно спящего лэйтарца. На его безмятежность. На то, как плавно поднимается и опускается его спина. Как легкий сквознячок бликами скользит по роскошному постельному белью, на котором свободно разметался мужчина.

Миссия по восстановлению душевного равновесия выполнена. Зло спит, добро не дремлет. Все как по учебнику. Возвращаемся обратно в комнату со спокойной душой.

И все же, непредсказуемая часть моей натуры, дернула в последний раз испытать удачу.

— Тинхе? — сухо и надтреснуто.

Дыхание мужчины не изменилось.

Крепкий и спокойный сон. Так сразу и понимаешь, у лэйтарцев нет не только понятия о любви, но и о совести. Спит как младенец. Хорошо устроились!

Еще немного полюбовавшись на умиротворенного Врага, я, скрестив руки и спрятав ладони подмышки, наклонилась над кроватью. Легонько подула, убирая со лба Тинхе непокорную прядку.

Враг открыл глаза.

— 3 -

Ему не потребовалось времени, чтобы сфокусировать взгляд. Никакой сонной пелены. Темные смоляные радужки уставились прямоиком на меня.

Я резко отпрянула назад.

Мужчина не пошевелился, безмолвно продолжая смотреть. Даже дыхание не сбилось. Разумный и неимпульсивный лэйтарец ждал пояснений. А мне стало как-то неловко признаваться, что я пришла плакаться о несчастной судьбе своему же пленителю. Но сказать что-то надо было.

«Я пришла тебя убить.»

Чем, Дробь? Хоть бы карандаш принесла. Мол, в сонную артерию метила.

«Я пришла тебя соблазнить.»

Чтобы взамен получить что? Ага, ответа нет.

«Я шарахаюсь по твоему дому из-за бессонницы, так что не воображай себе невесть что, ты не первый к кому я ломлюсь в комнату.»

Похоже на меня. Даже немного пугает, что именно в это Враг может поверить.

— Я не могла уснуть, — начала я, но тут же была перебита.

— Нет, — отрезал Тинхе, прикрывая глаза.

Я не поняла, против чего именно он возражал, но сам факт меня возмутил.

— Это еще не все!

Тинхе что-то невнятно пробубнил, плотнее натянул одеяло и перевернулся на бок, отворачиваясь от меня.

Не совсем то, что я ожидала.

— Ладно, поняла. Не хочешь говорить. Тяжелый день, на работе проблемы, заляпал любимую рубашку кетчупом. Не буду отвлекать. Просто еще немного постою здесь и понаблюдаю как ты спишь.

Видите, я тоже умею маньячить. Почему собственно мне одной должно быть страшно находиться рядом со всемогущими магами. Пусть и они немного побаиваются. А то тащат к себе в дом первых попавшихся девиц с улицы, не переживая о последствиях. А тут сюрприз — клофелинщица со стажем и охотница за почками.

Я присела на край кровати. Матрас не продавился. Это был чертовски хороший матрас повышенной жесткости. Наверняка ортопедический и с анатомическим эффектом. Как иначе? Сколько Тинхе лет? Мне тридцать, а спина поднывает, если спать в неудобной позе или на продавленном диване.

— Ты еще здесь. — Донеслось с той стороны кровати.

— Да, ты всех Странников задействовал, чтобы они меня нашли и привели к тебе. — Я подобрала ноги, устраиваясь удобнее. — Помнишь?

А что не так, солнышко? Надо учиться принимать последствия своих решений.

— Тебе нельзя остаться в моей комнате.

Ну, здрастье, как заговорил! Его комната.

Когда мы поженимся, это будет наша комната. А когда разведемся — только моя. Лежи — радуйся, что тебе разрешают пользоваться моим будущим имуществом.

Господи, кажется я начинаю немного понимать логику лэйтарцев.

— Ты говорил, что я могу заходить в любую комнату, которая не заперта.

Золотистое одеяло зашуршало. Тинхе повернулся, выглядывая из-за плеча. Два блестящих антрацита требовательно уставились на меня.

— Это какая-то неловкая сексуальная разведка?

— Э, нет. — Неохотно призналась я. — Этот вариант не прошел проверку мотивации.

— Ты потеряла мое внимание. — Почти ласково промурлыкал он, после чего устало

добавил: — Убирайся.

— Эй, не отворачивайся!

— Я не отворачиваюсь, я пытаюсь уснуть. — Мужчина с головой закутался в одеяле, прячась от меня как от какого-то надоедливого комара. Но от комаров так просто не избавиться.

Подползла ближе, наваливаясь на крепкое мужское плечо.

- Ну что тебе там интересного во сне?

Тинхе застонал.

Это был очень глубокий, очень печальный стон проигрыша. Враг сдался. Перевернулся на спину, удобнее устраиваясь на взбитых подушках. Заведя руку, он прикрыл ею глаза, будто прячась от мягкого света.

— Не уйдешь, значит? Что же ты хочешь от меня, Дробь?

Душевного тепла, немного ободряющих слов и обещаний, что я не запорюла свою жизнь.

— Чтобы ты перестал называть меня просто Дробью.

— Звучит как легкое решение. — Тинхе приподнялся, заводя руку под голову и устраиваясь на локтевом сгибе будто на подушке. Глядя на меня из полуопущенных ресниц, он позволили ноткам темного желания наполнить сладко-тянущие слова. — Что же я получу взамен за исполнение этого желания? Что может предложить женщина, которой в этом доме не принадлежит ничего кроме ее тела.

Я праведно всплеснула руками.

— О, нет, красивый мужчина, к которому я пришла посреди ночи в одном халатике, откровенно намекает, что хочет меня. Как же такое может быть? Скорее бежать! Мрак и трехцветные единорожки мне в помощь. Кому ты врешь, дорогой мой Враг? Лэйтартцы не умеют любить.

Уголок губ Врага дернулся в улыбке.

— Существуют такие чувства, как страсть и вожделение. Не списывай их со счетов, недалевидная Дробь.

Я тоже позволила себе чуть-чуть улыбнуться.

— Не могу представить. На самом деле, не могу представить существование всего вашего общества. Как можно жить без любви?

— Разве на Земле вся интимная жизнь строится на любви? Нет договорных браков? Нет любви за деньги, власть и привилегии? Она с вами от рождения и до самой смерти? Никогда не ослабевает на протяжении — сколько у вас длятся браки? — десяти лет, пятидесяти, ста?

В моем идеальном мире все было так как описал Тинхе, но моего идеального мира не смогли найти даже боги.

— Брак не показатель. Жизнь слишком сложна. Но так или иначе любовь важна. Она дает смысл, она радует, она движет людьми. Вдохновляет на подвиги, на преодоление себя. Иногда только сам ее поиск помогает человеку вставать по утрам, чистить зубы и выходить на улицу.

Тинхе хмыкнул.

— Ты когда-нибудь любила? Именно так как представляешь себе это чувство.

Я не смогла сразу ответить.

У меня были проблемы с длительными отношениями. Все мои влюбленности не длились достаточно долго, чтобы превратиться в глубокие чувства. Когда первая вспышка пропадала, пропадала и я. Никогда не хотела и не умела бороться за отношения дольше

пятнадцать минут.

Пара конфликтов и я сразу ставила на партнере крест. А потом просто разочаровалась во всех мужчинах разом.

«Все дело в завышенных ожиданиях», — говорила мама. Берешь непьющего и работающего, делов-то? Стерпится — слюбится. Оказалось, если не любишь, то и терпеть не особо хочется.

— Я люблю родителей.

Про кота добавлять не стала. Во-первых, счастье любит тишину. Во-вторых, Тинхе все про него знал.

— Нет-нет, Дробь. Это другой вид любви. Не смешивай их. Ты не любила.

Подтянув колени к груди, я спрятала в них лицо.

Я никого никогда не любила?

Да, конечно. Я не любила Тинхе. Это было другое. Совокупность чувств, которые не могли не появиться рядом с таким мужчиной. Ситуация, где выбор не предоставляется. Враг был красив, умен и внимателен. Никто из моих бывших не был так щепетилен в мелочах. Никто так настойчиво не добивался моего внимания, даже чтобы просто переспать.

В то же время Тинхе был — запретным и недоступным. Всегда знал, чего хочет, двигался к цели и принимал последствия. Никогда не сваливал свои промахи на других, ища виноватого в ком угодно кроме себя. Он не всегда выигрывал, но достойно принимал поражение, используя его в качестве ступеньки для новых побед.

Им было сложно не очароваться. Я понимала Алису, вручившую ему свою преданность. Понимала каждую Избранную, что однажды оступилась о Врага.

Я чувствовала себя рядом с ним особенной. Я никогда ничего так сильно не желала, как быть особенной рядом с ним!

Нет, Дробь, это не любовь. А сердце оно всегда болит.

- Рано мне любить, — отозвалась я. — Вся жизнь впереди. Сначала надо реализоваться как личность и построить карьеру. К чему ты вообще ведешь?

— Ты не думала, почему забытые боги не смогли подобрать тебе истинную пару?

— В силу обстоятельств первой миссии, — ответила я, осторожно ступая на хрупкий лед.

— А позже? Почему они не помогли потом? Почему ты отправилась в другой мир, ища помощь на стороне?

Он говорил об артефакте богини Латрин. Волшебный камень даровал встречу с будущим возлюбленным, со второй половинкой души, с предназначенным тебе человеком. Жестко тогда Враг прошелся по моим мечтам и надеждам, втоптывая каждую из них в грязь.

— Мне даровали право выбора своей судьбы.

— Это тебе сказали? — в голосе прозвучала злая усмешка.

Я ощутила смятение. Мне до сих пор оставалось непонятным, почему Атрос не выдал мне новый мир для спасения. Не тот, где я помогала соплеменницам, а где я могла играть главную роль. С пророчеством, с обаятельным верховным магом, влюбившимся в меня с первого взгляда и красивой романтической историей, где не приходилось сражаться за свою жизнь каждые пять минут. Миллионы и миллиарды миров, неужели ни в одном из них не найдется места для такой как я?

— Восхитительно недогадливая Дробь. — Я почувствовала движение рядом и шорох скользящего одеяла. — Они не сделали этого, потому что не могли.

Тинхе приподнялся на кровати.

Я не смотрела на него, продолжая упираться лбом в колени. Лишь чувствовала тепло чужого тела, замершего в нескольких сантиметрах от меня. Близко. Очень близко. Сдвинь руку в сторону и столкнешься с обнаженной кожей.

- Они не знают, что с тобой делать, Дробь. — Дыхание прошлось по моему загривку. — Не знают, куда деть. Они ждут, когда же ты догадаешься, что стерильный мир — не твой дом. Но они слишком жестоки, чтобы сказать правду.

Кончики пальцев мазнули виску: Тинхе сдвинул пряди влажных волос, убирая с моего лица. Наклонился и прошептал у самого уха:

— Боги говорили тебе, что с Золотой осью невозможно бороться? Говорили, что с Врагом не справиться? Это дело не для Избранных.

Слова эхом отозвались в прошлом.

Клод предупреждал. Избранные не воюют со Странниками. Они должны их избегать, потому что это заранее проигранный бой.

— Ты спрашивала, сколько Избранных отказались от предназначений по моей вине, с тех пор как мы не виделись. Посмотри на меня, — поймав рукой подбородок, заставил меня повернуться. — Безнадёжно запутавшаяся Дробь. Разве я могу думать о чем-то, кроме незавершенного дела? Как мне заниматься привычными вещами, как получать от них удовольствие, если где-то есть ты? Маленький незаконченный проект. Я неэффективен в качестве Странника, пока не разберусь с тобой.

После Деополиса я все делала с оглядкой на Врага. Выверяла шаги, строила планы, видела в каждой тени мрачную фигуру лэйтарских интриг. Мог ли Тинхе в своих делах также оглядываться на меня?

Неужели из-за того, что я встала на пути уничтожения Центра, он сбился с цели. И пока он не разрушит преграду, дальнейший путь кажется ему бессмысленным.

— Это не ко мне, это к психологу, — я отбила его руку и отвернулась. — Если собрался говорить полунамеками, найди менее опытного слушателя. А лучше, спи дальше.

Я спустила ноги на гладкий пол, собираясь встать.

— Нетерпеливая Дробь.

Внезапно Тинхе обхватил меня за талию. Я ахнула, когда сильные руки утянули меня обратно на край кровати. Это было за гранью всего того, что Враг когда-либо себе позволял. Я была столь дезориентирована, что и не думала сопротивляться.

— Забытый бог Лэйтарии откупился тобой, — пользуясь моментом, он притянул мою спину к своей груди. Со странным трепетом я уставилась на крепкие мужские руки без перчаток и длинных рукавов. В мягком свете спальни его кожа казалась слегка загорелой, с легкими проблесками золотистой магии. — Как ты до сих пор не поняла этого?

— Старая шарманка про любовь? — я закатила глаза (лишь бы не пялиться на кое-чьи руки, это же просто руки!).

— Ты так невнимательна к моим словам. Неужели не понимаешь, что все подчиняется законам: я, ты, Центр и Золотая ось. Просто подумай. Неужели боги в самом деле не могут ничего для тебя сделать? И если не могут, то почему? Так сложно найти мужчину, способного удовлетворить твои потребности на эстетическом, интеллектуальном и сексуальном плане? В бесчисленном количестве миров нет ни одного? В чем же дело? Все

потому, Дробрь, что твое предназначение исполнено. А значит есть всего два варианта. Всего два. Твоя половинка, с которой ты связана до конца времен крепкими и нерушимыми узами — это я. Ты и есть моя любовь, прекрасная, Дробрь. Тс-с, дослушай. Ох, не начинай. Они бы не сказали. После Алисы-то? Она предпочла предать Центр, лишь бы не попасть в лапы к своей судьбе.

— Ты себе это придумал, чтобы оправдать провал, — буркнула я, не особо веря в собственные слова. Но других аргументов не было. В голове не осталось места для других мыслей, кроме как о руках Врага, его ровном дыхании, и чуть сбившемся ритме сердца.

— Может быть. — Я допускаю, что принимаю желаемое за действительное. Ведь есть и другой вариант. Магия выбирает носителя. И она выбрала тебя. Та самая золотая магия, что течет в лэйтарцах, монстрах (в твоём представлении), кто не способен любить, решила, что ты подойдешь ей по всем параметрам. Все те качества, что делают лэйтарца лэйтарцем — цветут в тебе пышным цветом. Ну как? Не нравился первый вариант, подумай об этом. Истинное зло в самом сердце Центра.

Меня пробрала дрожь. Мурашки взбежали вверх по загривку. И я не могла определить, все это от слов Тинхе или же от его действий.

— Как же складно выходит. — Облизнув пересохшие губы, я нашла силы для иронии. — Либо я тебя люблю, либо я чудовище. Знаешь, я в шестнадцать страдала куда меньшим максимализмом.

— Мы говорим об играх забытых богов. Для них это беспроегрешный вариант. Я в любом случае буду выбит из колеи. И как только я нашел способ забрать тебя и помочь нам обоим разобраться, что же ты такое, они делают свой ход.

В его интонации проскользнула нотка злости, но там же я почувствовала что-то еще. Сомнение? Надежду?

— Ты думаешь, что это может быть правдой? Ты и я.

— Я предпочел бы этот вариант.

Меня окутывало тепло его горячего тела. Я не верила в нашу любовь с Тинхе, но то что его тянуло ко мне — не могло быть ложью. Ему нравилось, что я рядом с ним. Я чувствовало его желание.

Желание власти над тем, что ему не принадлежит.

— Ты говорил, что не хочешь власти богов. Что подобное претит твоему чувству свободы и всей идеологии Золотой оси в целом.

Он не мог верить в любовь.

— И я так думал, пока... — мужчина вздохнул, пуская волну мурашек по моей шее. — Пока не убедился, что у тебя наша магия. Раз возможно это, почему бы не существовать иным вещам? Перемены — часть жизни. Я был бы глупцом, отрицая подобное. Сама посуди. Боги прячут тебя. Потом ты находишься. И — внезапно! — непоколебимая и непреклонная Дробрь в ловушке у Странника. Если бы я вовремя не подключил комитет.

- То, что? Что бы это изменило?

— Ничего, кроме того, что эту ночь ты провела бы в постели другого мужчины.

Сначала я хотела возразить. В спальню Геры я ни ногой. Не затащите. Никогда у меня не появятся переживания такого рода, что заставили бы прийти к нему.

Ха!

Но кто сказал, что у меня был бы выбор? Или что Незыблемому есть дело до моих желаний. Была бы я вообще жива? В голове Геры происходило что-то настолько пугающе

дикое, что как бы я не выворачивала собственный мозг наизнанку, предсказать, что взбредет ему в голову в следующий раз казалось невозможным.

Нет.

Атрос не мог знать. Он бы так не поступил.

Мне самой пришло в голову искать Незыблемого. Или нет? В голове все смутно и нечетко. Как зародилась мысль о спасении Незыблемого? Кто-то из богов подсказал? Может ее принес Амати, может белое зеркало в катакомбах возникло неслучайно. Может... Тинхе в чем-то прав?

Меня оберегают, чтобы мешать Врагу преследовать других Избранных?

Помимо Тинхе есть другие Странники, но он самый успешный, самый зацикленный. Другие больше путешествуют, изучая иные миры. Амати кажется вообще не заинтересован в Избранных. Так, тоску разгоняет.

— И что, ты не смог бы так сладко спать, беспокоясь как я там?

Настроение нежиться в чужих руках резко пропало.

Я попыталась извернуться, чтобы пихнуть мужчину в плечо и наконец освободиться.

Тщетно.

— Забрать у лэйтарца то, что он посчитал своим практически невозможно. — Враг прижал меня крепче, затягивая к себе на колени. Одной рукой он продолжал удерживать меня, другой перебрал растрепавшиеся волосы на плечо. — Особенно у того, кто отсутствовал так долго, что о нем ничего неизвестно. У меня нет на него влияния, я не знаю его целей и слабых точек. Мне бы потребовалось очень много времени, чтобы вернуть свое. А ты просто так сдаешься ему, Дробь.

Это было глупо, действительно глупо. Но что еще я могла сделать?

— И я задаюсь вопросом, — упершись подбородком мне в плечо, он чуть склонил голову. — Почему? Он особенный? Тебе нужен был тот, кому неизвестны обстоятельства твоего положения? Или кто угодно, лишь бы не я?

Сердце сжалось.

Больно.

— Я более горькая судьба, Дробь?

— 5 -

В воздухе повисло напряжение.

Оно казалась настоящим. А вопрос Тинхе искренним и вовсе не риторическим. Ледяное сердце Странника ждало ответа. И что-то подсказывало — только один ответ считался верным. Вне зависимости, является он правдой или нет.

Для Избранных со стажем такие на один зубок.

— Я больше не верю в судьбу, — сказала я. — И тебе не советую. Все эти предназначения — сплошная муть и надувательство.

Тинхе боялся, что я выберу другого Странника? Хотелось бы понять, почему. Профессиональная гордость? Лэйтарское собственничество?

Нет.

Изначально он собирался от меня избавиться. Мнение переменилось после встречи с Атросом. После того как Странник узнал, что моя магия не фальшивка. Тогда его Коварство и Темнейшество захотело во что бы то ни стало забрать меня в Лэйтарию. Желание оставить себе пришлось позже.

— Увиливаешь, — ответил Тинхе, но это было уже не важно. Напряжение медленно покидало его тело. Я вдруг выяснила, что снова могу дышать полной грудью.

— Сам подобрал слова для вопроса, — не согласилась. — На этом лимит вопросов на данную тему исчерпан.

Вот, главное вовремя обозначить границы!

— Так значит? — Усмехнулся куда-то мне в висок.

Легонько пальцами Тинхе провел по моей спине, прямо по позвоночнику, от шеи к поясице. Это сложно было отнести к поглаживанию. Он будто пересчитал позвонки, проверяя все ли детальки у его игрушки на месте.

Там, где он прикасался, начиналось теплое покалывание, проникающее снаружи внутрь.

А потом его рука скользнула ниже. Переместилась на бедро. Только я подумала, что выставленные границы куда-то не туда сместились, мужчина, продолжая удерживать меня одной рукой, другой подхватил под коленки, поднимая.

Че происходит-то?

В общем это я и спросила, когда обнаружила себя опрокинутой на шелковые простыни в распластанном виде. Нет, я не наивная дурочка. Это не первая кровать с обнаженным мужчиной в ней. И если повезет — не последняя.

Просто, с чего вдруг?

Надо мной нависло крепкое мужское тело. Чертовски красивое рельефное с тонкой полоской волос, уходящей туда, куда мой взгляд не ускользнул. Ради сохранения собственного здоровья. Сердечко-то слабое, не выдержало бы.

Как и у Тинхе, — подумала я.

Под сердцем виднелся шрам. Бледный, почти незаметный. Учитывая, как просто лэйтартцы заживляли раны, это поднимало много вопросов. Но хватит с меня на сегодня раскрытых тайн. На голые руки насмотрелась, торс заценила, во вражьей спальне побывала. Пора бы и честь знать.

Поубавив ненужное любопытство, я повторила вопрос, видоизменив его.

— Э?!

Ладно, получился не совсем вопрос. Сложно сформулировать мысли, когда вас взглядом прожигает тьма. Только колоссальный опыт Избранной и стойкая железная воля, позволили преодолеть губительное искушение. Я повторила:

— Что за дела?

Его руки упирались в матрас по разные стороны от меня. Мы не касались друг друга. Но каким-то образом ситуация от этого казалась только острее.

— Да плевать мне на того Странника, — возмутилась я, тихонько паникуя и сдавая все карты. — Тебе-то почему нет?

— Меня убивает мысль, что он последний, кто тебя целовал.

Слишком серьезно сказано. Почти ревниво.

Я издала смешок.

Еще один.

Простите.

Возможно, нервы. Сдали и сдались. И я вместе с ними.

Будь во мне больше пафоса, я бы сказала, что засмеялась Врагу в лицо. На самом деле, я заржала в голос.

Тинхе сам виноват.

— Так никто не говорит! — простонала я, глуша смех. — Что за вычурная пошлость? Где ты взял эту фразу? — И тут меня озарила догадка. То есть, что-то подобное я всегда подозревала, но проверить не могла. — У тебя под подушкой любовный роман?

Так быстро я никогда не двигалась. Даже ради спасения собственной жизни. К слову, того уровня паники, что отразилась на лице идеологического противника, когда я рванула к подушке, тоже раньше не видела. Лишь в последний момент Тинхе перехватил мое запястье, вжимая его в гладкие простыни. Я немного побрыкалась, но скоро сообразила, что ради продолжения битвы мне пришлось бы пожертвовать целостностью халата, что от резких телодвижений утратил дух сопротивления и предательски пополз с плеча.

Уф.

Выдохнула.

Подняла взгляд на Тинхе. Блестящие антрациты сверкали весельем.

— Не все тайны следует раскрывать, любопытная Дробь.

Я хмыкнула.

Проиграна битва, но не война!

— И я говорил правду. Хотел бы поколебать твое чувство прекрасного пошлостью, остановился бы на классике.

Определенно он читал дешевый бульварный роман! Хотя лучше его. Нефритовые стержни еще никого не убивали, а вот посыл в пьесах Шекспира мог быть трактован Странником чересчур превратно. Не-не, обойдемся без ядов! Без кинжалов. Без поездов. Без чахотки. Вот без всего этого.

— Чувствую, мое представление о классике, сильно разнится с твоим, — неуверенно сказала я. — Надеюсь.

— Романтика есть романтика.

— Вовсе нет. Не могу представить фразы хуже!

Тинхе злодейски улыбнулся, приняв вызов. Медленно склонившись надо мной, он обернул голос в глубокий черный бархат.

— Отныне ты будешь делить постель со мной, — легонько выдохнул он, щекоча мою кожу. — Греть ее?

Тут кажется он сам немного запутался.

Я прижала свободную ладонь к лицу, все еще не имея возможности перестать улыбаться.

— Сдаюсь, вот это было ужасно.

— Атмосфера не подходящая. — Нотка обиды.

Растопырив ладони, я с сомнением посмотрела на него сквозь пальцы.

— Да ладно! Куда еще более чем подходящая?

Он что-то невнятно пробормотал, отзываясь о моей неспособности оценить старания творческой души. Отпустил мою руку. Плюхнулся рядом на кровать, перевернувшись на спину. Автоматически натянул на себя одеяло, едва ли не до подбородка.

Я продолжала посмеиваться. Ровно до того момента, как поняла, что давненько не чувствовала себя так легко и хорошо.

Поймите правильно. Я не мазохист, что любит страдать или настолько психологически подавлена, что ощущение счастья вызывает подозрения о скорой трагедии (которая, кстати, будет!). Но чувствовать себя комфортно (счастливой!) в компании Врага — очередной шаг на пути к точке невозврата.

И как только улыбка сползла с моего лица, Тинхе сказал:

— Ты ступила на порог моего дома нервная, жалкая и сломленная.

— Что?

— Я проходил с Избранными все этапы их отречения. Я знаю, в каком состоянии ты должна была быть, чтобы заполучить вейос. Пусть даже нашла способ отменить его власть. Обычно, после всех манипуляций, бывшие Избранные проходят реабилитацию (как и все жители присоединенных миров). Ты сильна, дорогая Дробь. Но и ты сломаешься, если постоянно давить.

Я повернула голову чтобы посмотреть на Тинхе. Его лицо выглядело умиротворенным. Взгляд блуждал по узорчатому потолку.

— Звучит так, будто ты заботишься обо мне. Черт, иногда я почти верю в это!

— Не может быть.

— По-человечески заботишься, — пояснила я. — Без странных лэйтарских заскоков про вещи и собственность.

Тинхе скосил взгляд на меня. Что-то вспыхнуло в бездонной черноте. Странно так. Будто Враг набирался храбрости что-то сказать. Что-то очень важное.

— 6 -

Черные радужки мелькнули золотым сомнением, и желание пропало. Прозвучала замена:

— На первом этаже библиотека.

— А?

— Библиотека. С книгами. С обучающими материалами. О совете, о Лэйтарии, с законах, о магии.

Я подскочила так резко, что в глаза потемнело.

Чертов тридцатник! Зря клеветают на цифру тринадцать. Настоящее зло заключено в другом месте.

— И мне можно пойти в нее?

— Зачем бы я еще стал говорить о библиотеке?

— И не боишься? Вдруг я найду что-то, что нарушит твои планы? Лазейку, хитрость. Просто так даешь мне ключ ко всем секретам?

— Я буду глубоко поражен такой находчивости, Дробь. Нет там ничего, кроме правил и обязанностей. Ты же — все равно уснешь только под утро. А так, займешь время чем-то полезным. Перестанешь думать о глупостях. А если мне очень повезет, доберешь до этикета и что-то запомнишь.

Повторное приглашение мне не потребовалось.

Послышался смешок, когда я рванула к двери. Затормозив, я обернулась.

Тинхе перевернулся на ту часть, где я только что лежала, заняв положение, в котором я его застала, войдя в комнату. Только голова была повернута в мою сторону, а внимательный взгляд продолжал следить за мной из-под густых ресниц.

Я поймала себя на мысли, что люблюсь им.

Нет, Тинхе, дело вовсе не в процессе отказа от фальшивого предназначения. И даже не в Гере. Все гораздо хуже.

Чувства.

Чувства, что не имели ни смысла, ни логики.

Чувства, о которых никто не должен был знать.

Потому что их существование были моей погибелью.

— Это не любовь, — мой голос прозвучал тихо, но я порадовалась, что он тверд и спокоен. Когда ставишь точку, дрожь ни к чему. — Ты мне нравишься, я говорила об этом. Не можешь не нравиться. Ты всегда будешь чем-то притягательным, манящим и недоступным. Но не смей тешить себя надеждами, что это любовь. Мы не предназначены друг другу. Нас ничего не связывает.

Я собиралась удалиться грациозно, горделивой походкой и с высоко поднятой головой.

Но последнее слово в разговоре с Врагом Избранным не полагается.

— Мне не нужна твоя любовь, Дробь. — Почти как удар в спину. Твердые как сталь, бескомпромиссные слова. — Ничья не нужна. Я все равно ее не понимаю. Мне нужна моя собственная, прекрасная Дробь.

Губы дрогнули, я отвернулась и поспешно бросилась вон из комнаты.

Коридоры, коридоры, коридоры.

Проносясь через галерею с картинами, едва не запнулась на ступеньках. Чудом не полетела кубарем вниз.

Перегнувшись через лестничные перила, я сделала глубокий вдох. Дом Врага был не из тех, где гуляет стылый уличный сквозняк, но легкий ветерок все же доносил немного свежести. Я подозревала, что систему вентиляции разработали таким образом, что тот пробирался из сада на крыше. Оттого воздух в доме не казался спертым. Его наполняли тонкие ароматы свежей зелени, цитруса и цветов.

А может, это была магия. Когда-нибудь я научусь различать.

Сердце бешено колотилось от внезапной пробежки. Глаза и щеки казалось горели изнутри. Кто бы мог подумать, Тинхе легко манипулировал Избранными, но при этом совсем не разбирался в любви. В том, как нелегко с ней живет, когда она безответная, отравляюще-ядовитая на грани созависимости или хуже, когда все могло быть хорошо, но против вас все обстоятельства всех существующих миров.

Закончив экстренные дыхательные упражнения, я похлопала ладошками по щекам.

Давай, Дробь, приходи в себя!

Когда дури немного поубавилось, я продолжила путь. Потребовалось миновать лестничный пролет и повламываться в несколько дверей, не скрывающих от меня ничего подозрительного.

Библиотека.

Скажем так, представлялась она мне иначе.

С самого начала я испытывала трудности, оценивая степень развития Золотой оси. Из того, что считалось признаком технологического прогресса, здесь почти ничего не было. Никаких гаджетов, огнестрельного оружия или космических кораблей. Арки, перемещающие в другие миры. Из воздушного транспорта — колесницы с пегасами. По улицам передвигались пешком.

Наблюдав за Лэйтирией с высоты птичьего (пегасьего) полета, можно было разглядеть ряды тянующихся особняков. Все они были схожего архитектурного стиля. Почти спальный район. Иногда их разделяли узкие улочки, иногда площадки зелени, когда же ландшафт нырял вниз, открывались виды на целые водопады с изящными площадками для променада.

Среди непривычных вещей в Лэйтирии были возведены воздушные строения. Парили огромные лотосы-площадки (как выяснилось, нет не лотосы, а схожие по виду цветы), на

которых проводились вечерние приемы. Цветущая Цитадель, в которой проводились аукционы на интересующие миры, также располагалась на небесах. Там же собирался совет.

В общем, магия преобладала.

И все же нельзя было сказать, что в Лэйтирии играли в средневековье или в девятнадцатый век. Здесь царила своя атмосфера. Но, когда я вошла в библиотеку, у меня в голове отчетливо рисовалась картина огромного помещения с сотней старинных шкафов и бесчисленного числа книг. Конечно же канделябры, темное громоздкое дерево, камин и кожаные диваны.

Я оказалась права. Почти.

Представьте все, что я описала, сократите вдвое и уберите камин. Добавьте одну маленькую деталь в виде света небесных колец, разбивающихся о стекла странного вида окна и падающих вглубь библиотеки. И вы увидите, как преобразуется комната, залитая разными спектрами света. Как серебристые лучи, падающие прямоком на диваны со столиками, заменяют потребность в светильниках.

Открыв рот, я побрела к стеллажам.

Книги в библиотеки тоже оказались не совсем книгами. Страницы в них обновлялись почти как лента новостей. Информация выскакивала ярким символами, взлетала вверх. Буквы неслись друг за дружкой, пока ты выискивал нужную главу. После, весь текст падал вниз на страницу, принимая самый обычный вид напечатанной страницы.

В Лэйтирии существовали строгие правила, контролируемые комитетом и домом Архитектоники. Фасады зданий, внутреннее убранство, транспорт и внешний вид должны были соответствовать определенному стилю (четко прописанному).

Я не стала читать их все. Это попросту невозможно. Мельком глянула для общего развития. Прикинула, что количество тонкостей и указаний, могло повлиять на желание Странника ходить в форме. Это как раз был один из типов одежды, в котором разрешалось ходить на любое мероприятие, не опасаясь привлечь лишнее внимание, оскорбить один из домов или вызвать скандал. Так проще, чем каждые пять минут сверяться с люзором (одной из разрешенных технологий, заменяющих телик, комп и телефон).

Зато в своих мирах, которые тем или иным образом попали во власть домов или же отдельных их представителей, лорды и леди могли изоцряться как душе угодно. Единственное, что их обязывали иметь — зал приемов, соответствующий канонам Лэйтирии. Исключительно, чтобы не смущать гостей. В остальном хозяева миров вольны творить все что заблагорассудится. Любой уровень технологии, развития мира или культуры. Хочешь — пирамиды строй и пиши на папирусах, хочешь — леса амазонки. Разбивай планету на триста независимых локаций — твое дело. Правь мирно, веди магические войны, объявляй себя творцом — всем все равно какие правила ты устанавливаешь населению и в какую историю заставляешь их верить.

Под конец, когда глаза уже слипались, и в них рябило от точек, строчек и запятых, я дошла до девяти домов Лэйтирии.

Дико захотелось кофе и холодной воды в лицо. Вот я и захотела спать, только не могла себе позволить, так близко подобравшись к тайнам, мучившим уже давно. Можно было узнать про Странников. А можно было про дом Геры. И то, и то помогло бы хоть чуть-чуть понять мотивы этих упертых лэйтирцев.

И как только я определилась, кто падет первой жертвой моего любопытства, дверь в библиотеку отворилась.

— 7 -

Лэй.

В платье, чепчике и передничке. Почти как служанка в викторианском доме. Или Избранная на полигоне.

К своему стыду, я не смогла вспомнить, та ли эта девушка, что встречала меня в прошлый раз в доме Тинхе.

— Я могу чем-то помочь? — спросила она, чуть неодобрительно глянув на сгорбленную над книгами меня.

— Ты — лэй Солярис?

— Леди Солярис, временно переданная в качестве одолжения Страннику.

Ох, надеюсь за это одолжение мне не придется еще раз вставать на проклятые каблуки (в прямом смысле!). В прошлый раз Солярис зачаровала мою обувь, чтобы добавить изюминку в представление. А то ж, не приведи Незыблемый Трон, публика заскучает от моего вида.

— В мои обязанности входит помогать вам осваиваться в доме до тех пор, пока не придет время совета. — Ласковым голоском пояснила она. Очень ласковым. Опасно осторожным, будто имеет дело с диким зверем.

Ах-да она мне все это говорила накануне, когда приносила в комнату ужин.

— Да-да, помню. Нет, помощь не нужна, — говоря это, я оглядела стопки книг и замятые уголки страниц. — Нет, стой, нужна.

— Конечно же, что угодно? — она встала у столика. Точнее, встала так, чтоб нас разделял столик и в случае чего, она бы успела с криком выбежать за дверь.

— Мне бы пригодился блокнот, ручка или карандаш, и, — я постучала пальцем по корочке книги с историей Золотой оси, — не могу ничего найти о Незыблемых. О их Домах. Как они вообще все связаны. Вся информация раскидана.

Лэй отступила к тумбочке, не оборачиваясь (не сводя с меня взгляда и не подставляя спины!) взяла шкатулку и поднесла к столу, ставя на краешек.

Когда я была бесхозной вещью, она как-то проще ко мне относилась.

— Это люзор.

— Да, я знаю.

Девушка кивнула, но скорее в качестве соблюдения этикета, чем из доверия к моим словам.

— Он может помочь связаться с кем-то из ваших знакомых. Достаточно взять в руки и подумать о том, кого желаете увидеть. Конечно же, речь идет о тех, кто находится на территории Золотой оси и некоторых пограничных районах. А еще, так удобней читать книги.

Лэй приложила пальцы к запястью, что-то пробормотала, взмахнула рукой. Люзор сработал как проектор. Все, что мелькало разноцветными звездочками в книге, оказалось спроецированным на дальней стене.

Хорошо, вот этого я не знала.

Потом девушка сделала еще несколько схожих пассов, обводя все книжные шкафы.

— Вот, — теперь все тут. — Незыблемые.

Девять изящных силуэтов выстроились в залитой светом библиотеке. Моя бедна психика тут же подкинула воспоминания о Немерности.

Пока я в ужасе таращилась на тени, лэй положила рядом с люзором блокнот и ручку. Самые обычные. Такие я могла купить дома в магазине.

— Что-нибудь еще?

Чуть-чуть почувствовав себя жалкой, я попросила.

— Могла бы ты немного тут побыть? — Пока, блин, кто-нибудь не объяснит, что это! —

И пояснить, все что тут написано?

Просьба девушку не удивила, но и не особо порадовала.

— Дом Искусства, — указала девушка на первый силуэт. По очертаниям в нем можно было разглядеть мужчину в тоге и кубком в руке. Он перемещался по библиотеке веселой походкой, изгибался, прикладывался к кубку и будто смеялся. В конце и вовсе, раскинулся на одном из диванов, будто у себя дома. — Первый Камер. Незыблемые скрывали свои личности, поэтому о них известно немного. Первый Камер никогда не интересовался политикой, предпочитая приемы и званые вечера. Леди Солярис родилась гораздо позже, чем Первого Камера видели в последний раз. Поговаривают, что он до сих пор посещает большие праздники, все также пристрастен к вину, женщинам и ярким звездам.

— Ярким звездам? — переспросила я.

— Да, — девушка щелкнула пальцами, пытаясь что-то изобразить. — Звездам, понимаешь?

— К камер-лэй?

— И к ним, конечно же, но больше к звездам. Знаешь, блеск, фейерверк, ночная пыль.

— Наркотик?

Лэй изобразила в воздухе нечто похожее на «да». Потом огляделась по сторонам, будто подозревая за стеллажами лишние уши и, понизив голос, сказала:

— Злые языки враждебных домов говорят, что он погряз во всех пороках Дома Искусства. Если хочешь встретиться с Первым Камер — иди на самое грандиозное пиршество и ищи развязного, пропитого и уронившего честь лэйтарца. Но это конечно же все неправда, — перебила себя же лэй.

— Разве у Незыблемых нет отдельного ложа на подобных мероприятиях? Там, где они прячутся от чужих глаз.

— Конечно же есть, но свет так давно не загорался, что не осталось иных вариантов, кроме как полагать, что Первый Камер одевает чужую личину и под ней посещает развлекательные мероприятия дома. Считается, что если прием удался, значит на нем присутствовал Первый.

«Или, не присутствовал, — заключила я. — Ни подтвердить, ни опровергнуть.»

Я еще раз пригляделась к развязной фигуре, распивающей вино. Веселый парень напоминал балагура и повесу, но не социопата Геру. А ведь одна из темных фигур — он.

Прошлась взглядом по остальным теням: женщина, открывающая крышечку карманных часов на цепочке; женщина, разглядывающая себя в миниатюрное зеркальце; мужчина, размахивающий мечем или саблей, будто прорубая лианы; бесполой фигура, записывающая что-то в блокнот; мужчина с хлыстом...

Я поежилась, вспоминая девицу из комитета.

— Дом Адаптации, — пояснила лэй, заметив мою реакцию. — Первый Орф.

На моих глазах тень взмахнула хлыстом. Могу поклясться, что услышала звук рассекаемого воздуха. Лэй легонько вздрогнула, будто и ее вид темной фигуры наводил на неприятные воспоминания.

— Он занимался адаптацией новых видов. Пегасы — это его работа. Большинство иномирных животных запрещены в Лэйтарии. Пегасы — одно из исключений, дань уважения Первому Орфу. Он любил животных, — будто оправдываясь, внезапно пояснила лэй. — Дом развил его вклад.

— Каким образом? — спросила я, догадываясь об ответе.

— Адаптирует присоединенные миры. Людей. Все, кто живет в Лэйтарии проходили через дом Адаптации. Это велика честь. — Она вскинула подбородок. Серебряный свет колец мазнул по лицу лэй, отчетливо выделяя рыжие веснушки. — Говорят, он до сих пор колесит по ночному небу. Если увидишь, как мелькнула россыпь звезд, а потом внезапно исчезла — это он.

Про остальных Незыблемых лэй ограничилась менее подробными рассказами. С домами других Лэйтарцев она не сталкивалась так хорошо, как с этими двумя. Разве что смогла пояснить про Дом Исследователей, к которому принадлежал Тинхе.

Странниками становились те, кто лучше других управлял магией межпространственных путешествий. Оказывается, не все лэйтарцы способны управлять подобной магией. Их предел — арки, которыми умела пользоваться самая обычная и бездарная лэй. Магия, что позволяет ходить между мирами очень сложна, ее изучают десятилетиями, столетиями, а иногда, как и иностранный язык, всю жизнь, и при этом не добиваются должного успеха. Да и сам дар перемещения между мирами очень редок, и практически не выходит за пределы дома.

Способности Тинхе были своего рода уникальными. Он ходил на далекие расстояния, умел правильно открывать и проникать в миры, мог делать несколько переходов за раз.

И да, не все Странники занимались Избранными. В основном, подобное предлагалось другим представителям домов на аукционах. Странники Дома Исследований занимались — как бы правильно объяснить? — странствиями и исследованиями!

— Аматри из Дома Непознанного, — припомнила я, разглядывая фигуру девицы с карманными часами. Она то стояла неподвижно, то хваталась за часы, будто Мартовский заяц из знаменитой сказки, вертелась по сторонам, порывалась куда-то пойти, возвращалась. — Как же он стал Странником?

— Лорд Аматри, — аккуратно поправила девушка. — Или Странник Аматри. Такое случается редко. И совсем не принято в приличном обществе. Почти под за-за-запретом. Н-на грани табу.

Под конец она начала заикаться, и я предпочла не расспрашивать ее дальше.

Я взяла блокнот и быстренько нарисовала схему, периодически поглядывая на силуэты Первых.

Мог ли Гера быть любителем животных, как Первый Орф?

Из девяти Незыблемых трое были женщинами, трое мужчинами и трое неопределенной гендерной принадлежности (то есть она была, но по их фигурам этого не понять). Лэй тоже не смогла сказать, кем они являются. Информация о них совсем затерялась в веках.

Итак, если убрать веселого Камера, любителя живности Орфа, искусного путешественника между мирами — Странника (потому что Гера кто угодно, но явно не мастер перемещений), Дома Непознанного, Изящества, Снабжения — возглавляемые женщинами, оставалось три должности. Первый Эфор, Первый Архонт и Первый Архитектор. Фактически, представитель судебной власти, представитель исполнительной власти и...

— Почему у Первого Архитектора в руках цветок?

— Это символ всей Золотой оси. Цветок вий'из. Он очень редкий и до сих пор Дом Непознанного не может определить его ареал. Иногда прорастает посреди дороги, будто сорняк, иногда посреди сада, защищенного всеми магическими способами, выживает в засушливых и неблагоприятных условиях, но может погибнуть в самых комфортных условиях. Его так и не смогли культивировать, — Лэй внезапно улыбнулась красивой улыбкой, пустой как праздничная игрушка. Она закатала рукав, демонстрируя вейос из ажурной вязи золотистых линий. Я неосознанно потеряла запястье, где недавно огнем горели кроваво-красные символы. Они очень мало имели общего с изяществом, на гладкой коже лэй. — Название «вейос» происходит от этого цветка. Не когда он в полном цвету, а в момент увядания. Первые несколько столетий адаптация проходила не очень успешно. Сейчас риск значительно снизился, но название так и осталось. Первый Архитектор занимался структурированием магии, внедрением в иные виды, плетением заклинаний и прочим.

...и тот, кто вдохновился истоками культуры древней Лэйтирии (тупо стащил божественный символ), — мысленно закончила свои выводы.

Я шлепнула блокнот на стол, нечаянно сдвигая люэзор к краю. Попыталась это исправить. Дернула ногой, задела столик, ударилась, ойкнула, потянулась пожалеть ушибленную конечность и вконец столкнула люэзор.

Но, не переживайте, рефлексy Избранной никуда не делись. Как и среда, в которой я находилась первые двадцать девять лет жизни.

Памятуя всех своих обидчиков недобрыми словами, я подхватила люэзор (хрупкую, драгоценную шкатулку с деликатными дорогими технологиями!) в одном миллиметре от пола.

Люэзор вспыхнул. Нет, не синем пламенем и не он сам, а проецируемый экран. Темные фигуры исчезли. Мелькнула картинка — всего на мгновение. От неожиданности я разжала руки. Люэзор-таки закончил падение в один миллиметр.

Фиг с ним, Тинхе потом сам подберет.

Комната вновь погрузилась в теплые цвета небесных колец.

— Твою ж!

Я забралась с ногами обратно на диван, чувствуя холодок на вспотевшей спине. Повернулась к ошеломленной девушке. Когда мы встретились взглядами, она уже стояла у двери, не решаясь покинуть комнату без дозволения.

— Можешь идти спать, лэй. — Гробовым голосом сказала я. — Твоя помощь до утра не понадобится.

Дверь хлопнула.

А я подумала, что из дома Тинхе все же придется сбегать.

— 8 -

Взгромоздившись на свою кровать, я погрузилась в тяжелые думы. Следовало все хорошенько просчитать, прежде чем действовать. Не совершаю ли очередную глупость, за которую придется дорого заплатить?

Так незаметно для себя я уснула. Очень крепко и до самого обеда. За это время никто меня не беспокоил. Я не жалею (я жалею!), но ради завтрака могли бы и разбудить.

Когда я выбралась проверить, живы ли все остальные обитатели, выяснилось, что Тинхе

покинул дом и до вечера возвращаться не собирается. Зато в столовой накрыт стол, полный вкуснейших блюд, что не съесть и за пару дней. Или меня приказали хорошенько накормить, или Избранные производят впечатление оголодавших шакалов. Не стоит исключать, что Тинхе учел ошибки прошлого, и осознал, как опасно оставлять меня без полноценного обеда.

Прежде чем наброситься на благоухающие яства, я заглянула в библиотеку и забрала люэзор. Как по мановению волшебной палочки, рядом возникла лэй. Нет, она не собиралась составить мне компанию, развлечь живой беседой или прислуживать за столом. У нее был четкий приказ. Она-то не спала мертвым сном восемь часов подряд. Как только Тинхе покинул спальню, лэй тут же доложила ему о ночном происшествии.

— Мне нельзя пользоваться люэзором? — уточнила я, приступив к трапезе.

— Можно. Но если вы соберетесь с кем-то связаться, я должна присутствовать.

Отложив недоеденную лазанью, вытерла руки о белоснежную салфетку и потянулась к люэзору. Меня не смутить открытой слезкой. Может лэй и смогла точно описать все, что увидела, но это не значит, что Тинхе все понял из ее рассказа. О некоторых вещах он до сих пор недогадывался.

Люэзор звякнул, почти как настоящий телефон (поскольку раньше он так не делал, я предположила, что звонок поставлен в качестве оповещения лэй). Не прошло пятнадцати секунд, как полупрозрачная фигура Аматри появилась на соседнем стуле.

Я быстро утерла салфеткой губы.

Аматри не стал изменять привычному стилю в одежде. Разве что отказался от шляпы, позволив блондинистым волосам торчать в творческом беспорядке.

Я же выглядела почти подобающе. На мне было длинное платье насыщенного янтарного цвета, по бокам два кармана, черный пояс на талии, строгий воротник под самое горло. Рукава три четверти не скрывали порезы на запястьях, но я не собиралась их прятать.

— Свободного дня, не-лэй. — Лениво поздоровался Аматри. — Еще жива. Тинхе невероятно добр к тебе.

— Свободного. — Прищурилась. — К тебе тоже. Но звоню я не из ревности. — Оглянулась на лэй. — Мне нужно, чтобы ты помог добраться мне до одного места.

Парень вскинул брови.

— Какое мне дело до того, что нужно не-лэй?

— Эй! Ты хотел, чтобы я выступила на совете, и я выступлю.

— В этом больше нет смысла. Тинхе предусмотрел это и опередил меня, — поскущел Аматри. — Комитет заключил, что ты не Избранная. Твое присутствие не взбесит Незыблемых.

- Кого-то все-таки взбесит.

— Не кого-то, а всех, кроме Незыблемых. — Он почесал подбородок, без особого интереса оценивая мой внешний вид. — Совет крайне недоволен.

Тарелка рядом противно забренчала. Это я толкнула ее локтем, чуть не разбив хрустальный бокал.

— Когда успели? Они меня даже не знают!

— Леди Опал и Леди Дана предоставили подробный отчет. Информация тут же стала достоянием общности Лэйтарии. Твое существование многие сравнивают с, — он прищелкнул пальцем, подбирая слово, — святотатством. Да, со святотатством. Это подходит. Совет не устраивает твое существование. Он все больше склоняется к варианту с развоплощением.

Не хотелось мне идти на совет, где решение принято задолго до начала слушания моего дела.

— И как Тинхе собирается с этим справляться? — спросила и тут же разозлилась на собственное малодушие. Как только повеяло крупными проблемами, я сразу забыла о свободе и захотела защиты Врага.

— Почему ты считаешь, что он собирается это делать?

Я нужна ему.

Я думаю, что нужна.

Или нет? Он сказал, что хочет любить. А что проще всего любить? Прекрасный образ умершей возлюбленной. Она навсегда останется в памяти красивой и идеальной. И с ней можно сравнивать всех последующих пассий, вгоняя их в комплексы и депрессии.

«Нет, Дробь, — остановила себя я. — Даже у Тинхе есть границы социопатии. Он бы до таких кошмаров не додумался. А вот ты — да, тебе бы к психологу».

— Нет, все-таки ты скучная, не-лэй. — Прервал мою задумчивость Аматри. — Что они в тебе находят?

— Я шикарна в постели, — буркнула я. Шикарно в ней сплю, ем, достаю Врагов.

— Ага, — ироничненько так ответил лэйтарец. Как будто посмел не поверить.

Внезапно фигура Аматри исчезла. Пуф — и все! В воздухе возник огромный ретроциферблат. Стрелочка быстро пробежалась по кругу, часики звякнули и пропали. Повисла тишина.

Я уставилась в пустое пространство.

— Эм, — обернулась я к лэй. — Деньги на счету кончились?

— Лорд оборвал связь. — Тихо пояснила она. Сегодня девушка не так сильно шарахалась. И все же, когда принимала шкатулку люоззора, старалась случайно не задеть мои пальцы. Забрав средство связи, она тут же покинула столовую.

Звонить больше некому. Искать помощь негде. Но так ли она нужна? Я самостоятельно путешествовала между мирами. В Лэйтарии есть готовые порталы. Малыш умеет ими оперировать. Однажды ему удалось открыть портал в Центр. В этот раз поездка предстояла чуть поближе.

Мысли плавно перетекали из одной в другую, пока я не услышала грохот из малой гостиной.

— Лэй! — позвала я.

Никто не ответил.

Отклонившись на стуле, попыталась заглянуть в проем смежной комнаты. Увиденное не понравилось. Тут же подскочила. Нож в руке оказался сам собой.

— Лэй? — осторожно прокралась в малую гостиную.

Девушка лежала на полу около дивана.

— Лэй! — закричала громче, бросившись к ней. — Нужна помощь!

Теперь я звала кого-нибудь из прочих обитателей дома. Но из-за тупых правил с именами — попробуй сориентируйся с уточнениями.

Пульс прощупывался, лэй дышала легко и ровно, будто спала. Я приподняла ее, облокачивая на край дивана. Встряхнула край ее юбки, пошевелила оборки на чепчике, ожидая увидеть блески магии или чего-то подобного. Не то что бы радар всегда работал, но иногда мне удавалось заметить следы заклинаний.

Ничего.

Перевела дух.

Ей стало плохо? Кто-то вломился в дом и оглушил ее? Нет, это не может быть преступник. В Лэйтарии нет домушников. А после визита Аматри год назад, Тинхе должен был получше обезопасить жилище. Я надеюсь! Тем более, Аматри не то что видеть, говорить со мной не хотел.

— Лэй плохо! — прокричала я еще раз в глубь дома, надеясь, что кто-то проявит немного внимания к орущей во всю глотку гостье. — Вам не понравится, если я пойду стучаться по вашим комнатам, — добавила мрачно.

Что-то мелькнуло рядом. Маленькое, размером чуть больше кошки.

— Эй!

Оно юркнуло за диван, оттуда в столовую. Помешкав, я последовала за ним.

За несколько секунд промедления, столовая претерпела изменения. Зверушка, очень напоминавшая пушистую пепельную помесь кошки и лисы, успела раскидать мой обед и приборы во все стороны. Добралась до моих кексиков с шоколадной крошкой (оставленных на десерт). Склонив мордочку над тарелкой, обнюхивала сладости с явными намерениями подкрепиться.

— Это ты сделала? — указала я ножом в сторону малой гостиной.

Нечего удивляться моему вопросу, если у вас когда-либо было домашнее животное, вы все прекрасно понимаете.

Лисичка опустила мордочку и, мягко оттолкнувшись лапками, спрыгнула вниз.

— Хочешь есть? — отложив нож, я отщипнула кусочек фруктины, какого-то мяса и протянула на раскрытой ладони.

Зверушка шевельнула кисточками на ушках и бросилась наутек в коридор.

Страхнув остатки еды, я сунула кекс в карман и последовала вслед за ней. Та, будто дожидаясь меня, стояла у лестницы. Заметив внимание, бросилась вверх по ступенькам. Конечно же я за ней!

Один этаж, другой. И вот она на узкой лесенке, ведущей в сад на крыше. Створка двери была открыта и жгучий солнечный свет дорожкой ложился к моим ногам.

— Вот как ты пробралась, — догадалась я. — Ты что, какой-то вредитель типа крота или крысы?

Говорите, что хотите, но я уверена, что лэйтарский зверек меня понял, оскорбительно фыркнул и горделивой походкой скрылся в залитом солнцем проеме. Подобрал подол, ухватилась за перила, чтобы случайно не навернуться на крутых ступенях.

В первое мгновение свет ослепил меня. Когда я проморгалась, то разглядела среди клумб свою юркую добычу. И не только ее.

Посреди экзотического сада стоял высокий интеллигентного вида молодой лэйтарец, одетый в официальный сюртук и легкое пальто бледно-зеленого цвета. Очки с дымчатыми стеклами покоились на его длинном носу. Кото-лис послушно сидел рядом у его ног.

К слову, молодой лэйтарец был мне незнаком. Знакомых лэйтарцев у меня вообще было мало и никого из них встретить на крыше не хотелось бы.

Я залезла рукой в карман.

Кекс. Вместо ножа, я взяла кекс. О чем сейчас не жалела. Кидаться на лэйтарцев с ножом я бы не стала. Если не смогу справиться без него, то и с ним не выйдет. А вот еда в моей жизни лишней не бывает.

— Вы пришли меня похитить? — кисло уточнила я, спиной двигаясь назад. — Меня уже

отсюда один раз похищали. Вам не кажется, что делать это во второй раз — дурной тон.

Позади хлопнула дверь, перекрывая отступление.

Тонкий женский голосок за моей спиной пояснил:

— Комитет неписанных правил не видит нарушения правил хорошего тона.

— 9 -

— Не пугай ее, Дана. — Молодой мужчина сдвинул края пальто, закладывая большие пальцы в пришитые к камзолу петельки. — Они становятся агрессивными, если загнать в угол.

— Мне ли не знать? — лэйтарка оскалила мелкие зубы.

Она облокотилась о дверь, скрепя руки на груди и выставив вперед одну ногу. Показное ребячество. Я прекрасно помнила, как хлестко бьет ее кнут, рубиновый кончик которого выглядывал из-под балахонистой кофты.

— Всем свободного дня. — Вклинилась я. — Меня зовут Дробь.

Я встала так, чтобы держать обоих в поле зрения. Для этого мне пришлось сойти с зеленой дорожки и наступить в одну из клумб. Кажется, одно из растений зашипело. Могу поклясться, что видела, как голубая бегония ухватила часть своих вьющихся стеблей и выдернула из-под моих ног. Помня о лианах, опутывающих карниз особняка и способных поймать среднестатистического человека в силки, я позволила себе не удивляться.

Когда оба лэйтарца не отреагировали на мои слова, я, как любая наглая попаданка, тут же потребовала бесплатной юридической помощи:

— Есть какой-нибудь закон, обязывающий вас представляться и указывать цель вторжения в чужой дом при отсутствии хозяина?

— В дом никто не проникал, — тут же вскинулась девица. Она мотнула головой так, что пластмассовые колечки, скрепляющие цветные косички, забряцали, колотясь друг о дружку.

— Лиса! — ткнула я в сторону дымчатого создания.

— Защитный барьер не нарушен, а китцея не лэйтарец.

Удобно. Как с мартышками-форточницами.

— А я никому не принадлежу, так что никакие законы меня не охраняют, — я позволила закатить себе глаза. Разговоры подобного рода успели поднадоесть. — Складывается у меня ощущение, что комитет неписанных правил больше всех правил и нарушает. А вы, наверное, из дома Адаптации? — обратилась уже к странному молодому лэйтарцу.

— Сообразительная. — Не похвалил, поставил галочку в мысленной анкете. — Но Страннику все равно не воспитать ее должным образом. Это не его поле для маневров. Иди сюда, девочка, — внезапно он поманил меня пальцем.

И это наоборот, заставило меня вращаться в землю.

Будем честны, нежно-зеленый цвет мало кому идет, но этот парень удивительным образом неплохо смотрелся. Я в своем платье тоже. Оттого вступать в драку совсем не хотелось.

«Аня, ты же девочка, — маминым голосом напомнила себе я. — Веди себя соответственно».

Впрочем, история нашего мира подсказывала, что вести себя соответственно — это раздобыть яд и травить соперниц. Вот тут, в контексте маминого желания, чтобы я

научилась вкусно готовить, предложение обрело смысл.

Подобрав юбки платья, я сдвинулась вглубь сада. Что-что, а бегать в платьях я умею достаточно сносно, чтобы его не испортить.

— Спокойно, девочка. Никто не собирается на тебя нападать. Нас интересуют твои уникальные таланты.

— В самом деле? — не поверила я. На «девочку» реагировать не стала. Каждому из них больше лет, чем городу, в котором я родилась. — То есть ничего личного? Потому что я кое-что личное за тот удар кнутом чувствую, а гордыня у меня не в пример ниже лэйтарской.

Из-под дымчатых очков приподнялась бровь.

Дана надула губы.

— Сон — всего лишь сон.

— Поэтому все лэй спят? Тинхе такое вмешательство не понравится.

— Странники невнимательны к своим домам и к лэй.

И это правда.

— Ему может кто-то рассказать. Я — гнусная ябеда, просто на всякий случай предупреждаю.

— Какая жалость, что ты ничего из себя не представляешь, — противненько пропищала она.

Дана была невысокого роста и вполне могла бы сойти за младшую сестру. Но не ту, которая милая, которую хочется обнять, заплести ей косы и защитить, а ту, которая доставучая, пакостливая и лишь присутствие грозной фигуры матери спасает ее от незамедлительной расправы.

— Дана — это слишком открытая провокация. — Пожурил ее лэйтарец. — Ты заставляешь ее нервничать. То, что она дала тебе отпор один раз не делает ее достойным соперником. — Потом он направился ко мне. Пушистый комок меха засеменял вслед за ним. — Никто не собирается тебя похищать или принуждать, девочка. Как стало известно, благодаря находчивой леди, использовать против тебя магию — весьма необдуманный ход.

Тут до меня дошло, что не так с этой «девочкой». Тот единственный раз, что я посещала урок верховой езды (одна из самых необдуманных поступков в моей жизни), едва не закончился травмой спины. Но до начала той небольшой катастрофы, я некоторое время наблюдала за инструктора по верховой езде. С похожей интонацией он обращался к строптивой кобылке, называя ее девочкой.

— Я не животное! — Немного подумав, добавила: — Если опустить рамки биологической классификации и отречься от теории Дарвина.

— Дана рассказала о твоём уникальном даре. Я проверю его, и мы уйдем.

Я вспомнила Тинхе, его способ разобраться в порядке ли дар. И это было чуть более личным, чем я могла бы поделиться с первым встречным лэйтарцем.

— Дотронетесь до меня, и я вас укушу. Это плохо сочетается с предыдущим утверждением про животное, но я вас укушу.

«И метить буду в шею, — мысленно добавила я. — В яремную вену.»

Мужчина улыбнулся, блеснув зубами. Он подошел к краю дорожки. Пройти дальше — означало наступить на бегонию, которая собиралась защищать свою территорию всеми доступными способами. Ничего не могу сказать про лэйтарца, но его домашняя зверушка кое-что понимала в растениях.

Лисичка, названная китцеей, подпрыгнула и взмыла в воздух, будто ее тело ничего не

весило. Растворилась дымкой и тут же материализовалась на плечах у мужчины. Внимательный взгляд сапфировых глаз уставился на меня с любопытством. Кажется, именно это действие заставило незнакомца в очках задуматься.

— Я хотел увидеть, с чем моему дому придется столкнуться. Меня зовут Орфеланд, — внезапно представился он. — Выбран в качестве Глашатая воли дома Адаптации. Леди Дана присутствует в качестве наблюдателя, дабы я ненароком не нарушил правила совета.

— Значит, мне ждать в гости еще восемь лэйтарцев? Мне, конечно, все равно, но лэй столько обмороков не переживут. И я тоже.

— Вовсе нет. С большей частью совета ты знакома.

Я заломила бровь. Фыркнула и принялась загибать пальцы. Чтобы посчитать всех знакомых жителей Золотой оси хватило одной руки.

— Стольких лэйтарцев я не знаю. А если бы и знала, статистически невозможно, что все они Глашатаи совета.

Леди Дана снова хихикнула.

Я покосилась на нее, проклиная Тинхе, за то, что шляется где попало. Он вроде перестал странствовать по левым мирам. Так какого черта он не дома?

— Позволь мне посмотреть твой дар. Как только я определю его ценность, мы с леди Даной покинем это место.

Пару секунд я пристально смотрел на него. Дымчатые очки полностью скрывали его глаза, отчего я затруднялась определить, насколько сильно собираюсь не доверять очередному скользкому лэйтарцу.

Как я успела выяснить, если внешность врет всем своим видом, то реакция на отказ кристально чиста.

— Устала я от сладкоречивых лэйтарцев, лорд Орф... Орф... Как-Вас-Там-Лэнд. — Блин, такую пафосную фразу запорол. — Нет.

Вот и момент истины.

— 10 -

Молодой лэйтарец не успел ничего предпринять. Вмешалась Дана.

— Покинутое дитя жребия, одного предупреждения тебе показалось мало? — промурлыкала она. Ее рука предупредительно блуждала вокруг кнута. Мой взгляд менее предупредительно блуждал по саду в поисках кидательных камней (особый вид камней, под категорию которых попадают все виды камня, которые можно поднять и кинуть). Правило Избранных номер пятьсот сорок два: если ваш противник мастер дальней атаки, а возможности сократить расстояние нет, то не стесняйтесь себя ограничениями. Выйдите из зоны комфорта и найдите камень. — Прояви уважение!

Девушка оттолкнулась от двери, ступая на зеленую дорожку. Татуированная роговица предупреждающе вспыхнула.

— Ты не можешь меня принуждать, — нахохлилась я. — Нет, не так. Не сможешь, даже если захочешь.

Двигалась она мягкой развязной походкой, в которой таилась скрытая угроза. Ветерок перебирал ее косички, играясь со звенящими побрякушками на концах. Я не могла видеть глаза Офра (Эфра?? Эфрлана? Не память, а решето!), но казалось, он смотрит на девушку с восхищением.

— Правила есть правила. — Сказал он, возвращая внимание ко мне. — Странник имеет

право никому тебя не показывать до слушанья, а мы имеем право пойти и познакомиться с тобой поближе. Если сможем. Мы смогли.

Мужчина вытащил пальцы из петелек. Зверек на его плечах наострил ушки.

— Не надо, — Дана встала между нами, выставив растопыренную ладонь в сторону молодого лорда. — Это область моей ответственности.

Лэйтарец жеста не оценил.

— Я лучше разбираюсь с дичью. Речь идет не о вещах, дорогая леди Дана.

Личико девушки исказилось неприязнью, но Офр не мог этого видеть. Или не хотел.

— Моей квалификации хватит на одну чужачку! — с жаром возразила она.

Мужчина склонил голову, выражая несогласие.

— На воспитание лэй уходят десятилетия, — авторитетно заявил он. — Это если говорить о тех, чьи колыбели несколько веков присоединены к оси. Братъ из недавних я бы не стал. А вымуштровать лишенную предназначения — задача для профессионалов. — И куда холоднее добавил: — Отойди.

Китцея дернула кончиками ушей, и ринулась с плеч Офра, лихо проскакывая мимо представительницы комитета неписанных правил. Та лишь издала невнятный вздох, и, будто бросив последний козырь, сказала:

— Не лишенная предназначения, а исполнившая его.

Почему-то это заставило галантного представителя дома Адаптации остановиться.

— В самом деле? — Офр глянул на меня поверх очков. — Что ж, леди Дана, тут я вынужден развести руками. С таким на практике наш дом не встречался. Но не забывайте, я — ценитель, обещаю быть очень осторожным.

Волшебная не-лиса остановилась у моих ног.

— Кое-кто предпочел бы вдеть ее в здравом рассудке. — Дана не сошла с места. — Дом Архитектоники высказался весьма однозначно.

Кажется, леди не очень верила словам Офра. И если не верила она, то и мне стоило волноваться, но мое внимание потерялось в другом месте.

Я смотрела на китцею. Та смотрела на меня. Искра. Буря. Я отдаю ей кексик, припрятанный в кармане. Та с удовольствием вгрызается в него, поедая с моей ладони и щекоча шершавым языком. Пока она отвлечена угощением, я получаю возможность погладить дымчато-пепельную шерстку. Моей радости нет предела.

Два лэйтарца замолкают, чтобы посмотреть на меня как на идиотку.

— Сами такие и пегасы ваши такие, — буркнула я себе под нос.

Оба лэйтарца повернулись в сторону густого сада.

— Наблюдательная, — эхом отозвался молодой лэйтарец.

Что, думали я не поняла, что вы прилетели сюда на пегасах? Дом Тинхе в районе, где нельзя парковаться на улице. Из-за этого он в прошлый раз ругался с Солярис. Судя по всему, леди Дана внимательна к правилам. А попасть на крышу как-то надо.

— Проверь, — махнула леди рукой, после чего ткнула в мою сторону пальцем и приказала: — Позволь ему.

Я фыркнула.

«Раскомандовалась!»

А потом Офр снял очки.

В следующий момент, когда я себя осознала, находилась я уже не на ногах. Мысли плавали будто в мутной воде, продвигаясь плавными сильными движениями, но сами по

себе. Никак не соединяясь друг с дружкой, а отталкиваясь и разлетаясь в разные стороны.

Вокруг благоухали розы. Я сидела в гладких облачках золотистых юбках платья. Я тяжело дышала, ловя ртом воздух. Глаза обшаривали пространство из тьмы и зелени, ища... что? Единственное, что я понимала, у меня только что украли несколько минут.

Что-то мокрое и холодное ткнулось в ладонь. Чья-то китцунья мордочка.

Я подняла голову, встречая с Офром. Дымчатые очки были вновь водружены на прямой нос. Казалось, кроме их черноты вокруг не было ничего. Рука мужчины лежала у меня на солнечном сплетении, но я не обращала внимания. Вот настолько мне было плохо.

— Что ты видела? — За спиной лэйтарца с ноги на ногу переминалась Дана. — Говори!

Портал. Я вновь увидела то, что показал люэзор. Портал на песчаном берегу. С ним что-то было не так. Я должна была его проверить.

Но это не то, что поразило меня до глубины души, корней волос и кончиков пальцев. Так, несколько секунд перед возвращением. То, что я действительно было важным, застряло в горле костью.

Я хотела ответить леди, честно, но губы онемели.

Стылый ужас каплей пота спускался по спине, холодя разгоряченную кожу. Меня пронзило понимание. Каждое прикосновение чужой золотой магии побуждает Малыша к развитию. К темному, расчетливому и бескомпромиссному. Если до этого дня я воспринимала его как некий божественный дар, фишечку, делающую меня особенной, то теперь мнение резко поменялось.

Люди не пригодны в качестве носителей золотого дара.

— Лорд Орфеланд?

Мужчина отстранился.

— Странник прав, — сухо констатировал лэйтарец.

В чем именно прав? — хотела спросить я, но Китцея потерлась мордочкой о мою коленку, после чего нырнула под руку. Я обняла пушистого зверька, утыкаясь носом в шерстку. На одну короткую секунду показалось, что я дома. И стало как-то совсем горько.

— Что это было? — с трудом молвила я.

— Каждый дом силен в определенной области, — отозвалась Дана, после чего обратилась к Орфу. — Дом Адаптации примет участие?

— Да, мы поддержим дом Архитектоники, если наши интересы будут соблюдены по ранее оговоренным пунктам.

До меня, наконец, начал доходить смысл сказанных слов. Я не очень понимала, о каком доме они говорили, но он явно не имел отношение к дому Тинхе. Что не могло означать что-то хорошее.

— О чем вы говорите? — голос дался не сразу. — Какой вам интерес в моем статусе?

— Кому важен твой статус? — искренне удивилась Дана, бросая на меня презрительный взгляд. — Его решит дом, которому достанешься. Те лэйтарцы, с кем ты когда-либо контактировала, предъявят на тебя права. Совет определит, у кого их больше, а дальше решение за домом. Посчитает опасной — на расщепление. Не интересна — на продажу. Видит в тебе потенциал — на адаптацию. Захочет заявить в качестве леди, — Дана не стала маскировать смешок. — Все-таки у Странника есть чувство юмора.

— И хорошая память, — мрачно закончил Орф.

Но леди Дана не слушала его. Она направилась вглубь сада, где среди декоративных кустарников, фонтанов и альпийских горок поджидал живой транспорт. Прежде чем

последовать за ней, молодой лорд сказал:

— Когда встанет выбор, а он встанет, соглашайся на адаптацию. Наш дом знает, как обращаться с чужаками, чтобы случайно их не загубить. Ты не понимаешь этого, но подобные тебе очень хрупки. Не все лэйтарцы умеют правильно обращаться с новоприбывшими. Он сломает тебя. Пусть того не желает, но он сделает это. Сделай как я сказал. В заповеднике проживешь дольше.

— Дольше кого?

— Дольше тех, кто плохо пригоден к длительной адаптации. А это почти все дети жребия.

На этих словах он ушел.

Китцея шмыгнула вслед за ним.

— 11 -

К моменту, когда я закончила обед, в голове потихонечку все устаканилось. На данный момент мне были известны следующие факты.

Первый: совет назначен на вечер.

Второй: лэй проснулись сразу после того, как гости покинули сад на крыше. Кто-то из них о совете мне и сообщил.

Третий: мой голос на совете может что-то значить.

Четвертый: совет уже решил, что никуда я не уйду, а обязательно достанусь одному из домов. Кому? Там и узнаем, когда каждый из Глашатаев представит свои притязания. А их, оказывается, мог заявить любой из лэйтарцев, с которым я контактировала. Если до начала обеда я была уверена, что у Странника все схвачено, то теперь понимала — Тинхе не единственный манипулятор в Лэйтарии. Он хорошо разбирается в психологии Избранных, но так ли силен на поле битвы против своих же?

Пятый: Гера — темная лошадка. Мог как вытащить меня, так и закопать. Если бы не страх, что Незыблемый как-то неправильно поймет мои слова, я бы уже звонила ему по люзору.

Шестое: Магия (вот пришло, откуда не ждали!). Она опасна. Лёша уверял, что магия не может быть плохой или хорошей. Тинхе говорил, что она неразумна. Оба ошибались. То, что показал Офр, не имело двойной трактовки. Сгусток золотой тьмы обладал если не разумом, то крепкими зачатками интеллекта, силой воли и непоколебимой целеустремленностью. И он жаждал чего-то большего, чем мирно спать.

Мальш, которого я воспринимала как часть себя и, по мере сил, оберегала, оказался далеко не прост. Он развивался. И я уже не была уверена, нужна ли я ему в качестве носителя. Стоит ли вообще его использовать? Чем грозит дар, имеющий свои собственные желания?

Пожалуй, поступи от Тинхе предложение передать ему Мальша, я бы не долго колебалась с ответом. Жаль, что отсутствие дара мне не поможет. Враг отпустит. Все изменилось. Попытайся я отказаться от дара самостоятельно — считай, пропала. Мальш единственная защита, что есть против самодовольных лордов и леди.

«Мне конец. В любом случае.»

Примерно с такими мыслями я застыла у каменной арки-портала.

Место кипело жизнью. Лэй сновали туда-обратно, перекидываясь друг с дружкой ничего не значащими словами. Среди них были как девушки, так и парни. Большинство в

подпоясанных тогах и сандалиях. Они казались счастливыми и беззаботными. Даже лэй-стражник, следящий за порядком у арки, казался строгим, но добродушным.

- Выход завершен, работаем на вход. Пошла! — скомандовал он.

Опустив глаза, я приложила ладонь к арке.

«Чем ты себя подпитываешь? — Вспомнилась Медуза. Заражение. Оно бьется под твоим сердцем. И оно не голодает. Зачем порождать еще одно чудовище?»

«Магия золотой оси не предназначена для обычных людей. Она попросту сожрет тебя, — как-то сказал Тинхе»

«Ее дар не прижит. Они не одно целое. Дар развивается, но не ее практикой, а своей собственной. — Заключила леди.»

«Странник прав, — вынес вердикт лорд».

— Приграничная зона, — тихо сказала я.

Арка засияла. Меня потянуло внутрь.

«Малыш, на секундочку».

Меня объяло золотым свечением с проблесками бескрайней тьмы. Дар тянул меня в указанном направлении, а я пыталась понять, с чем же имею дело. Малыш понимал, когда я к нему обращалась. Он ощущал мои чувства. Реагировал на них. И я была искренне благодарна, что не читает мои мысли. Они бы ему не понравились.

Малыш спас меня от власти Тинхе. Защитил от леди. Но безопасен ли для меня? Случайно ли иногда не открывались порталы? Почему не всегда отвечает?

Магия остыла.

После небольшой турбулентности меня вышвырнуло из арки-портала в другом мире.

Я споткнулась, падая на каменный пол разрушенного капища. Очутилась я в приглушенной темноте пустынного мира. Мириады звезд рассыпались на ночном небе, будто кто-то плеснул на него серебряную краску. С берега доносился ветер и шум прибоя.

Здравствуй, не-Парфенон.

Поднялась с шероховатого камня не сразу. После нестабильного перехода вестибулярный аппарат отказывался воспринимать ориентиры. Пока я вспоминала как дышать, взгляд неловко наткнулся на темные пятна на полу.

Моя кровь.

Она поблескивала золотом в холодном сиянии звезд. Все из-за Геры. Его магия, чуть не убившая меня на месте, оставила зловещие следы.

Вот этому Незыблемому я собиралась доверить свою свободу?

Прижимаясь щекой к все еще хранившим тепло каменным плитам, я зловеще прошептала:

— Не для тебя, зараза, я тренировки в Центре проходила.

Это мало походило на угрозу или боевой мотивирующий на подвиги клич, но после всех лэйтарских стрессов и приступов отчаянья, лучше придумать не получалось. Чем дольше я находилась в Золотой оси, тем быстрее таяли шансы на спасение. Все казалось таким сложным, а все лэйтарцы такими умными и сильными. Хуже всего, что, находясь рядом с Тинхе безумно, почти до скрежета зубов и ломоты костей, хотелось сдать ему. Перестать бороться с ветряными мельницами и позволить творить с моей свободой все, что заблагорассудится. И — гореть мне синим пламенем! — это желание почти перестало меня пугать.

— Не тебе разбивать мое сердечко, — обратилась я уже к другому лэйтарцу, пусть слова

и улетели в пустоту. — Оно не изо льда и не из стекла. Не разбить то, что состоит из шмата желудочков, артерий, вен и стопки крови. Мое сердце надо резать. Но прежде — пробить грудную клетку. Вот так.

Мрачно закончила монолог и поднялась.

Глаза немного попривыкли к ночи, но спускаться по крутой лестнице быстро не получилось. Не свернула шею лишь благодаря выработанной привычке. До своих комнат в Центре добиралась схожим образом. В длинном платье, в крошечной тьме (когда не успевала вовремя закончить тренировку) и с хилым желанием дожить до утра.

— Где-то здесь? — этот вопрос задала Малышу.

С трудом отличая, где заканчивается песчаный пляж, а где начинается линия прибоя, провела рукой по воздуху. Ориентировалась только на чутье. Оно подсказывало, где то место, из которого мы с Герой вышли.

Да, это здесь.

— Что же ты от меня хочешь, Малыш?

Я очнулась уставшей, измученной, но полностью довольная собой. Впрочем, не долго. Из-за гор показались поблескивающие лучи занимающегося рассвета. Прибегнув к нехитрому подсчету, поняла, что опаздываю на собственные похороны. Совет или уже начался, или вот-вот начнется.

«Еще не хватало, чтобы они решили, что я сбежала, — подумала я, вглядываясь в возвышающийся на горе Не-Парфенон».

Мое почти стопроцентное зрение (девятьюстами процентами зрения обыкновенного плюс десять процентов зрения прилюдного дара) определило движение.

Со стоном отчаянья, отряхнула платье от песка. Встала. Лицо казалось опухшим. Ноги болели, а кожа на шее чесалась. Плюнув на последствия, зачерпнула воды из океана, омыла лицо и прополоскала рот. Рот свело от соли. Поделом мне.

— Я иду! — прокричала, махая рукой.

Волосы разлохматились. Я выдернула заколку, стараясь собрать непослушные локоны обратно в прическу. Что ж, сделала все что могла.

— У меня есть минут пятнадцать, чтобы привести себя в порядок? — спросила, поднявшись на гору. В этот раз подъем по лестнице не убил мою дыхалку, но явно нацелился на колени. — Хотя бы причесаться.

Ветер с силой трепал волосы, те мельтишили перед глазами. Когда я кое-как собрала их, взору предстала та самая фигура, что виднелась с пляжа. И это, скажем так, стало небольшим перебором с проблемами в моей жизни.

— Нет. Ну нет.

— 12 -

На сколотых плитах, будто греческий бог, собственной персоной стоял Гера. Он сменил уличную одежду на костюм для верховой езды, включающий песочного цвета жилет поверх бежевой рубашки с широкими рукавами, узкие брюки и высокие сапоги.

Выругавшись, я попятилась обратно.

Сил бежать не осталось. Работа с порталом истощила мои силы.

Отчаянно озиралась по сторонам, но пустынный пляж оставался пустынным. Волны и ветер стерли последние следы чужого присутствия. В одной руке у меня все еще была заколка. При должной сноровке трансформируемая в кастет или в колюще-режущий

предмет. Другой рукой я полезла в карман, в складки солнечного платья.

Кроме нас внутри Не-Парфенона никого не было.

Опять я сама за себя.

Видимо ожидая подвоха или как-то неверно трактуя ситуацию, Гера перехватил мое запястье. Со стороны это выглядело невинным жестом, но пальцы стиснули мою руку стальными клещами — так, что острая боль пронзила до самого плеча.

— Пусти! — заорала я, замахиваясь рукой, сжимающей заколку.

Острые грани едва царапнули по мужской щеке. Гера перехватил мой кулак, уводя в сторону. Следующим движением он с размаха приложил меня о колонну. Та хрустнула, сверху посыпалось каменное крошево. В последний момент я подставила ладонь, чтобы смягчить удар.

— Ах-шш! — С колотящимся пульсом зашипела я. — Не трогай меня!

— Да что с тобой такое? — удивленно спросил мужчина.

Основанием ладони Гера надавил мне между лопаток, больно вжимая в ребристую поверхность. Когда я дернула головой, метя в залеченную переносицу, лэйтарец среагировал моментально. Все-таки выводы он делать умел. Едва я дернулась в сторону, как он вцепился в мои волосы, собрав их в горсть. Оставшиеся пряди упали мне на глаза.

— Хватит дергаться, — попросил Незыблемый. — Мне это нравится меньше, чем тебе.

Я только выпучила глаза.

В каком именно месте он считал, что мне это нравится хоть каким-то образом?

— Я бы воспользовался магией, чтобы тебя успокоить, но, как выяснилось, это чревато.

Я вновь задергалась, молотя руками и ногами, надеясь высвободиться. Вовсе не хотелось успокаиваться. Если мне собираются сворачивать шею, планирую быть максимально беспокойной. Жаль, что толку от моих телодвижений было никакого. Это только заставило Геру вцепиться в меня сильнее, заодно сковав мои руки и вдавив всем телом в колонну.

Меня передернуло, когда он наклонил голову и подался ко мне. Гладкая щека прижалась к моей, отчего пульс подскочил к горлу.

— Успокойся и я тебя отпущу. — Тихо сказал он.

Я ощутила сладковатый запах свежесваренного кофе. Чуть позже дошел смысл слов. Будто задурманенная ими, я прекратила сопротивляться. Нет, не успокоилось. Замерла. Тело сковало напряжение, а мышцы обратились в камень.

— Умница, — похвалил Гера, не спеша отпускать. — Что на тебя нашло?

— На меня? — разжала зубы, заставляя говорить себя четко и спокойно. Паника сменилась злостью. — Ты в прошлый раз едва не убил меня! И вот, караулишь на перевалочном пункте. Вокруг никого нет, что мешает продолжить начатое?

— О, — только и сказал он, будто до него только дошло, как его действия выглядят со стороны.

Мужчина разжал хватку, отпуская мои волосы. Даже немного пригладил их, расправляя на моих плечах. Он был утонченно изящен в своем костюме, подтянут и любезен свыше всех мер.

Едва почувствовав свободу, я поднырнула под его рукой, уходя за колонну. Тяжело дыша смахнула с пылающего лица прилипшие пряди.

— Какая же ты верткая, — посетовал иномирный красавец, проверяя оставленные на щеке царапины. К слову, пластырь на носу отсутствовал. Значит, Гера добрался до своих

запасов магии. Лечили себя лэйтарцы ловко и без заминок. — И такая хрупкая.

Внезапно ладонь обожгло болью. Я посмотрела вниз. Пальцы все еще крепко сжимали заколку, отчего та начала ранить. Медленно, очень медленно я отпустила ее, помогая себе другой рукой.

— Аня?

Геря осторожно заглянул за колонну. Я подняла на него глаза и вновь опустила на ладонь. На коже проступили отметины и несколько кровоточащих тонких порезов. Они хорошо сочетались с теми отметинами, что красовались на запястьях.

— У тебя дома своего нет? — огрызнулась я на любопытный взгляд. — Чего шатаешься по заброшкам?

— Пришел за тобой.

Я вскинула бровь. Обе брови. Пока умею только так.

— Забрать на совет.

— Почему ты, а не Аматри?

«Почему не Тинхе?»

— Тот болтливый паренек? Он слишком непостоянен и легко теряет интерес. Когда возникла возможность не участвовать, он без возражений скинул с себя бремя ответственности и передал эту возможность мне.

Я нахмурилась.

Ожидаемо. Чего уж тут. От Аматри действительно мало пользы. Да, подсобил пару раз, когда дело касалось чего-то безумного и невероятного. Обычная рутина для него страшнее любой пытки. Это тебе не Тинхе, что годами может биться в одни и те же ворота.

— А других провожатых не нашлось, — заключила я. — Например, какого-нибудь Странника.

— Мы говорим о каком-то конкретном Страннике? — предельно учтиво уточнил он. — Которому ты себя обещала?

Как-то странно он это сказал. С тонкой непонятной интонацией, после которой захотелось уточнить, а где опять потерялся мой драгоценный Враг.

— Не знаю, откуда ты все это взял, но я собой, знаешь ли, не разбрасываюсь.

Не на помойке нашла, не из болота вытащила, не в золе спала, не хлеву родилась, и дальше по списку.

— Но Дробью зовет тебя он. Несколько чуждое имя для земных краев, не находишь?

— Чуждое имя, — передразнила я. — Например такое, как Геря? Не похоже на каноническое лэйтарское, а? Не то что бы я разбиралась. Ты пришел проводить меня на совет, так не тяни резину.

— Конечно. Но я вызвался в сопровождающие, чтобы поговорить.

Ненавидя Геру еще сильнее, я отвела волосы в сторону. Подумав, собрала их в хвост и зацепила заколкой. Незыблемый слегка ревниво проследил за моими движениями. В карих радужках обозначилось недовольство. Складывалось ощущение, что у него с моими волосами были свои собственные отношения.

— Есть о чем?

— Я обдумал твои слова, Аня. Или Дробь? Да, Дробь, — кивнул он сам себе. — Я пришел сказать, что выполню данное обещание. Ты помогла мне выбраться из закрытого мира. Вернее, ты с самого начала пришла ко мне за тем, чтобы помочь выбраться из закрытого мира, — чуть жестче произнес он, явно пытаясь на что-то намекнуть. — В обмен

на мой голос в совете. Что тут сказать, обмен достойный. Не мне чувствовать себя обделенным.

— Ты скажешь совету меня отпустить? — недоверчиво спросила я.

Он кивнул. Я тяжело выдохнула, помотав головой.

— Слабо верится.

Поймите правильно, в моей жизни не бывает большого количества доброжелателей. Внезапно осознавший все Гера, вспомнивший о понятиях чести, долга и морали, плохо сочетался с известным образом. А тут вдруг решает помочь. Из всего что я узнала о лэйтрцах, становилось ясно, что у них особое понимание, что для кого лучше и как правильно. А уж эти заморочки на вещах и собственности! Мол, первый увидел, значит мое.

Гера задрал голову, разглядывая чистое небо, виднеющееся между разрушенных колон.

— Меня не было так давно. — Отчего-то решил он придаться воспоминаниям. — В Золотой оси тысячелетиями ничего не менялось, а тут прошло пара сотен лет и столько нового. Присоединенные миры, сражения с богами других земель, Избранные. Да, Аня, я скажу совету, чтобы отпустили тебя, чтобы не преследовали и оставили в покое. Скажу, что ты не можешь быть леди, лэй или имари. Что заслуживаешь жизни в том мире, в котором желаешь. Что, раз ты сама исполнила свое предназначение, Странник не имеет на тебя прав. Ты освободишься от него раз и навсегда. Это я тебе обещаю. Таково твое желание, так?

Я поджала губы. Какие сладкие посулы. Как хорошо все складывается. Раньше такого не было, так с какой стати начинаться сейчас?

— И я должна поверить, что ты решил взять и исполнить свое обещание? Просто так.

— Ты сохранила мою тайну. Что я Незыблемый, — чуть быстрее, чем стоило бы, пояснил Гера. — Конечно, если бы ты кому-то раскрыла мою истинную сущность, для тебя и для того, кто бы узнал об этом, наступили бы серьезные последствия. Незыблемые, знаешь ли, ценят свою конфиденциальность.

И, учитывая, что предупреждение прозвучало только сейчас, можно предположить, что изначально расчет был иным.

— Просто скажешь и все? — до сих пор не могла поверить. — Тебе все равно, что я знаю о том, что ты Незыблемый? Что владею вашей магией? Что я дитя жребия на территории Золотой оси. Что знаю об алтаре Атроса.

Я говорила это специально, надеясь спровоцировать, зацепить. Если уж я шла на совет, то хотела знать подводные камни, скрывающиеся в той бездне, что зовется Георгием.

История о богах Лэйтарии стерта. О них запрещено помнить и оставлять какие-то воспоминания. Возможно это связано с тем, что боги имеют силу пока их почитают. Пока хранят память в мифах, легендах, в умах.

В Центре трое богов: Лёша, Клод и Атрос. Но только последний имел настоящие силы. Лёша путешествовал по другим мирам и спасал редкую магию, Клод тренировал, обучал разным видам искусств (не только боевым, в общем-то, крестиком вышивать он тоже умел, но к счастью, не всех учил). И только Атрос обладал тем уровнем сил, которые можно сравнить с божественными. Потому что его народ — лэйтарцы, до сих пор живы. И, возможно, потому, что кто-то вроде Незыблемых помнил о них.

Простым лэйтарцам такая информация была недоступна. Тот же Тинхе ничего не знал об Атросе, пока не столкнулся с ним лично и тот в лоб не заявил о себе. И, скажем так, Враг не особо впечатлился. Лишь сильнее возжелал избавиться от тирана. Именно так боги выглядят в представлении лэйтарцев. Угнетатели людской воли, ну а сама Золотая ось

естественно представляет человеческое право на свободу выбора.

Атрос был тем богом, что много-много-много лет назад даровал золотую магию, особый вид магии удачи (она же магия рояля в кустах, как шепчутся злые языки, — я).

— Как я сказал, многое изменилось. — На лицо Геры скользнула задумчивость. — У меня было время, чтобы это проверить.

Хотелось мне понять, что изменилось так сильно, что повлияло на мнение закостенелого лэйтарца, и я спросила:

— Что, например?

— Кроме меня других Незыблемых в Золотой оси нет.

Лампочка в моей голове щелкнула и зажглась. Иногда я умела соображать очень быстро.

Что давал Гере статус единственного Незыблемого? Это не делало его главным, но это делало тем, к чьим речам будут прислушиваться. Никто его не осудит, если безродная не-лэйтарка заикнется о попрании законов Золотой оси и про Атроса. Никто не посмеет предъявить Гере обвинения. Кроме Незыблемых некому помнить про богов. Нет равных, способных его осудить.

И все же...

По кончикам пальцев пробежала дрожь. Стараясь скрыть волнение, я сунула руки в карманы.

Незыблемый улыбнулся, делая приглашающий жест к арке.

— Дробь, прошу.

Я сжала в кармане маленький круглый предмет.

Я все еще не доверяла Гере, но иного выбора не оставалось.

— 13 -

Огромный замок, мерцающий разноцветными камнями, парил высоко в облаках, возвышаясь над уютными домиками Лэйтарии. Когда-то он казался мне чем-то волшебным и сказочным, сотворенным из драгоценных камней. Сейчас дела обстояли иначе.

В Цветущей Цитадели я была всего раз. В алом закатном свете дворец величественными шпилями пронзал пушистые облака. В безмолвном гротескном изваянии чудились нечто монументально-зловещее. Каменные щербины на фасаде будто зияли кровавыми рытвинами на человеческом теле.

На площадке перед входом переминались пегасы, то и дело вскидывая крылья вверх, будто разминая перед полетом. Рядом расхаживал парень-лэй, успокаивая небесных питомцев. Никто другой нас с Герой не встречал.

Не то что бы я ждала красную дорожку, фанфары, летающих акробатов и огненного шоу, но глаза искали черное пятно Странника. Тинхе отсутствовал, отчего на душе становилось беспокойно.

Он не мог не прийти!

— Еще увидимся.

Гера оставил меня в одном из залов. Для Незыблемых существовал отдельный вход и особые помещения, где их никто не мог увидеть или побеспокоить.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру, поняла, что наконец могу свободно вздохнуть. Теперь я осталась совершенно одна, без малейшего понятия, что делать и куда идти. Гере эти вопросы не задавались. С ним лишнюю секунду не хотелось проводить, не то что

разговаривать. Каждый раз я боялась услышать что-то такое, от чего волосы встанут дыбом, а ночные кошмары пополнятся эксклюзивным контентом.

Переходя из одного зала в другой, я старалась не расстраиваться. Потеряться в огромном пустом замке не худшее, что ждало меня этим вечером. Пока есть время, можно насладиться сладкими мгновениями свободы и нарастающей паникой.

В очередном зале показалась раздвоенная лестница, что сходилась кверху на балконной галерее. Там, в вечерних нарядах стояли двое знакомых мне лэйтарца.

Аматри и Солярис.

К слову, внешне они составляли гармоничную парочку, хотя вряд ли между ними действительно что-то было. Облокотившись об ажурные периллы, они вели оживленную беседу, прекратив разговор, лишь когда я поднялась на последнюю ступеньку. Златовласая лэйтарка обмахивалась кружевным веером, будто ей и правда было душно в помещении, где гулял сквозняк. Взглянув на меня, она спросила:

— Это дитя?

Солярис в лучшем случае походила на студентку очницу третьего курса. Не ей было отзывать обо мне в подобном ключе.

Ох, имейте совесть! Выглядите в соответствии со своим поведением.

— Она самая, — подтвердил Аматри, крутанув в руках трость. Вскинув ее, он слегка приподнял поля шляпы вверх, будто приветствуя.

Сорлярис взмахнул веером и надула губы. Она изображала из себя юную нимфетку, но за маской стереотипной блондинки, таилась расчетливая и умная женщина, чья коллекция камер-лэй поражала яркостью и талантами. Насколько мне было известно, Тинхе периодически предоставлял Солярис некоторые редкости и необычности из других миров, за счет чего та составляла жесткую конкуренцию на занимаемой нише развлечений. Что тут можно сказать, скучающие лэйтарцы любили разного рода представления, что хоть ненадолго развеивали многолетнюю скуку.

— Едва ли она опасна, — заключила Солярис, прощупывая меня взглядом будто рентгеном. Она качнула головой. Золотистые локоны колыхнулись в такт один к одному. — Нет-нет-нет. На один раз. Я выжала из нее все что могла и больше тратить силы не намерена. У меня есть более достойные проекты.

Мне осталось только удивленно моргнуть, пожать плечами и, гордо подняв голову направиться к двери. Дернуть ее, понять, что она не открывается, дернуть еще раз, выругаться, вздохнуть, обнаружить запирающее заклятье, вспомнить, что больше не хочу рисковать и использовать силу Малыша, сложить два и два, принять неизбежное и повернуться к безжалостно-равнодушной парочке.

— Свободного вечера, — состроила я милую гримасу. — Лорд, Леди. Что я могу сделать, чтобы двери открылись?

— Леди Солярис Глашатай от дома Искусства, — представил Аматри. — Я же представляю дом Непознанного.

Я вскинула брови.

— Да-да, не-лэй, — неохотно пронудел парень. — Мы все знакомы и уже встречались, но где-то рядом бродит комитет неписанных правил, так что манеры обязывают.

— Вы — часть совета? — искренне удивилась. Что-то не складывалось. Солярис могла сойти за того, кто выступает голосом своего дома, но не Аматри. У дома Непознанного нет адекватных представителей? — Как это может быть?

Солярис распахнула веер перед самым лицом, явно на показ маскируя зевок. Аматири дернул губой.

— Глашатаями становятся наиболее осведомленные и компетентные лэйтарцы. А также те, кто имеют право на притязание, если речь идет о собственности. Поскольку с нашими домами ты контактировала через нас, мы и были посланы.

Выходит, Глашатаи не постоянная должность?

В голове что-то щелкнуло.

— Тинхе тоже Глашатаи?

— Конечно, дурочка. — Леди нетерпеливо дернула веером, в уголках ее глаз вспыхнуло и погасло золото. Она обернулась к Аматири, выпятив острый подбородок. — Ты говорил она умная.

— Для Избранной. — Немного смутился тот.

— Мужчины. На что ведутся — не понятно. — Заключила Солярис, складывая веер. — Я не намерена вступать в гонку. Пусть делает, что должна.

— Отлично, значит могу я идти? — вклинилась я. Хотелось уже куда-нибудь сесть, сложить ручки и, откинувшись на мягкую спинку кресла, потребовать чашечку горячего шоколада. — А то, говорят, совет вот-вот начнется. Вам на него разве не надо?

Аматири скосил глаза на Солярис, явно решаясь что-то сказать. Цепкая блондинка его опередила. Вздернув подбородок, она хмыкнула. Вытащила из маленькой сумочки крохотный стеклянный бутылек, открутила крышечку, на обратной стороне которой была прикреплена пипетка. Ловко отправил по капле в каждый из густо подведенных черной краской глаз. Ее радужки тут же заблестели, наполнившись бриллиантовым блеском.

— Сообразительная, но пресная, — томно выдохнула девушка, постучав сложенным веером по плечу Аматири. — Я так ужасно переношу обыденность. Ты же справишься сам?

Молодой лорд дома Непознанного по-ребячески закатил глаза, шагнул к двери, из-за чего мне пришлось подвинуться, и распахнул ее перед леди. Заклинание послушно поддалось.

Солярис грациозно проскользнула в зал с хрустальными подсвечниками. Одну короткую секунду Аматири проводил ее гибкую фигуру, окутанную в платье из белого кружева, после чего констатировал:

— И грязная работа досталась мне.

Я вновь потянулась к карману. От белобрысого Странника-недоучки можно было ожидать чего угодно.

— Что происходит?

Лэйтарец одарил меня снисходительным взглядом.

— Леди Солярис хотела убедиться, что ты не нужна ее дому. Не настолько лакомый кусок, чтобы ссориться с Тинхе, но достаточно понятливая, чтобы понять, чем грозит проигрыш.

У меня перехватило дыхание.

— Где Тинхе?

— А-аа, — протянул он, разглядывая мой потрепанный вид. — Так и думал. Тебе он тоже ничего не объяснил. Что ж, увидитесь на совете. И надеюсь ты послужишь ему хорошим вдохновением.

— Не понимаю, — плохие предчувствия нахлынули с новой силой. Он говорил с Герой? — С ним что-то случилось?

— Все верно, не-лэй. Случилось.

— 14 -

— Успела ты дел наворотить, не-лэй. — Аматри поправил шляпу, хотя совершенно не нуждался в этом. Он оставался безупречен в своем элегантном костюме. — Превратила безвыигрышную ситуацию в патовую.

Я облокотилась спиной о стену. Хотела недовольно скрестить руки, но правое запястье все еще ныло. Испутив шипящий вздох, я ответила:

— Что тут сказать — опыт.

Апокалипсисы в отдельно взятых мирах устраиваю. Богов к жизни возвращаю. Незыблемых в родные края доставляю.

— До недавнего времени основными претендентами на твою жизнь были дом Искусства, дом Непознанного и дом Исследователей. Кое-что изменилось, и, как погляжу, ты совсем не понимаешь, о чем я. — Он скосил глаза в зал, где только что исчезла Солярис. — Не хочу я этим заниматься! Мне не нравится.

Пока Аматри возмущался, я пыталась осознать, что он пытается сказать. Лэйтарец с китцеей и в дымчатых очках говорил про дом Архитектоники. Что его поддержит дом Адаптации. И еще дом. Но для меня эти слова не несли никакого смысла. Я лишь переживала, что Геру никто не слушает. Незыблемых так давно никто не видел. Вот наплюют на его мнение, скажут, что тут демократия и стариков слушать не занимались и все.

— Погано, — пробормотала я себе под нос.

— Вот именно, — откликнулся Аматри, приняв высказывание на свой счет. Он в разездах. В чужих мирах. Как Страннику — Тинхе нет равных, но к нему самому мало доверия. Он привык думать как чужаки, действовать как чужаки. Он почти не появляется в высшем свете. Он едва ли бывает в своих владениях. Некоторые считают, что ему не нравится образ жизни лэйтарцев. Что он перестал видеть картину в целом.

Я немножко подвисла, потеряв нить разговора. Он меня что, тормознул, чтобы высказаться?

Так, соберись. Он смотрит на тебя и ждет ответа. Очевидно, если я хочу пройти, мне нужно что-то сказать. Это легко. Почти как с загадками сфинкса, если не считать того, что я не слышала вопроса.

— Чушь! — вскинулась я, воскрешая последнюю часть монолога в памяти. — Он самый упертый фанатик, которого я видела. Всеми силами рдеет за вашу державу, искаженную форму свободы воли и уклад жизни.

Аматри изобразил что-то похожее на сочувствие.

— Это не мое мнение. Так считают не только конкурирующие дома, но и союзные.

Новость произвела на меня впечатление.

— У Тинхе есть союзники? Вы его союзники!

— Союзные дома, — отмахнулся Аматри. — Долго объяснять. Суть в том, что вмешался дом Архитектоники, и это твоя вина. Голоса разделились. Три дома с одной стороны, три с другой, три хранят нейтралитет до начала совета.

— Ты, конечно, извини, но меня как касаются ваши подковерные игры? Жизнь в Золотой оси не прельщает меня в любом виде.

— Совсем-совсем ничего не знаешь, — цокнул Аматри языком. — Впрочем мне

глубоко безразлично, в какой дом ты уйдешь, не-лэй. Морока с тобой навевает только скуку. И мне не хочется участвовать в нудных собраниях. Но дело уже не в тебе, а в репутации домов. Я и Солярис обещали отказаться от своих притязаний в пользу Тинхе. Других претендентов не было. До вчерашнего дня. И вот раскол. Вместо того, чтобы что-то предпринять, Тинхе отказывается вести диалог с другими домами. Даже с нами! А я не хочу быть с Солярис один на один, это до тебя доходит, не-лэй?

До меня доходило только одно — я впервые видела Аматри разозленным. Обычно парень сиял улыбкой и исторгал фантастические теории.

— Может, это такой план?

— Какое еще план?

— Гениальный? — предположила я.

— Не тот случай. Он ведет себя странно. И это — на секундочку! — говорю я. Не знаю, где он пропал сегодня после обеда, но в Цитадель он явился в своем самом сумрачном состоянии. Он больше не собирается вести борьбу за тебя. Нам с Солярис нет дела до его желаний, но наши дома будут недовольны, если Тинхе проиграет. Да и пускай! Это удар по его репутации. Но если мы поддержим того, кто выдвинул свою кандидатуру, а потом попросту сдался — это удар лично по нам.

Мои руки задрожали, заныло запястье.

Дело в Гере? Враг виделся с ним? Что они сказали друг другу? Не мог же Тинхе просто так изменить свое мнение за один день. Я уже целый год правдами и неправдами отбиваюсь от навешаемого внимания и все бестолку, а тут он с приятелем парой слов перекинулся и все — прощай, Дробь?

Не то что бы меня это должно волновать, но что, Атрос всех побери, в голове у лэйтарцев происходит? Только подумала, что все помыслы как на ладони, так мой главный злыдень кидает карту обиженки. Это что за пикаперские приемчики с «ближе-дальше»?

Хотя, не мне жаловаться, если Гера решил поиграть в спасителя и помочь не только выбраться из Лэйтарии, но и сдержать порывы Странника. Ой, нет, ошибочка. Именно мне стоит жаловаться! Во-первых, моя гордость ущемлена подобными действиями Тинхе. Мог бы немного побороться за наши выдуманные отношения. Во-вторых, я предпочитаю не вмешивать психопатов в решение проблем личного характера, даже (особенно!) если они пришли с мирными целями.

Но Аматри этого знать не следовало. Я тут все-таки Избранная, нам не положено падать духом перед злобной империей.

— Звучит как не моя проблема, — хмыкнула я.

— Ты кое-что не понимаешь, не-лэй. Если этим вечером малоценный непонятный приз, — он в воздухе изобразил контуры моей фигуры, — не уйдет дому Исследователей, для тебя все закончится очень печально.

— Угроза? — Опешила я. — Ты мне угрожаешь?

Аматри прижал ладонь к сердцу в искреннем жесте.

— Я? Нет же! Дом бы не стал возлагать на меня подобную обязанность. Ну, знаешь, сумасбродный, бесполезный, не заслуживающий доверия, с бредовыми идеями. От меня не ждут соблюдения стандартов. А вот Солярис не позволит себе провала. Знаешь, какой вид магии она обожает?

По коже пробежала дрожь. Я догадывалась, какой.

— Тот, что обращает людей в ледяные статуи.

Вспомнились кусачие пасти холода, сковывающие стальными цепями. Как-то раз Солярис использовала на мне такой приемчик. Это длилось не больше минуты, а вот запомнилось на всю жизнь.

— У нее есть целая планета из застывших фигур. Не советую попадать ей под горячую руку.

- От меня-то вы чего хотите?! — не выдержала я.

Чего ко мне сегодня все лезут. У них в домах нет квалифицированных психологов? Ну так идите к пегасам, они почти как лошади, глядишь, с психикой подсобят.

— Из-за тебя у Тинхе душевный раздрай начался, — светлоглазый лэйтарец постучал тростью по полу. — Ты и разбирайся. В противном случае, имей ввиду, если Солярис поймет, что дело идет к проигрышу, она не позволит тебе дожить до конца совета.

Я стиснула зубы.

Нет, она не убьет меня. Не убьет же? Угу, просто обратит в ледяную скульптуру и поминай как звали. Мол, дорогая, никто тебя не держит — иди куда хочешь, если сможешь. Условия соблюдены: ты не леди и не лэй — обычная живая статуя. Никто не придерется.

— Отлично, — сказала я. — С этим я справлюсь.

Аматри склонил голову набок.

— Я думал, ты огорчишься сильнее. Я не очень в этом разбираюсь, ты восприняла мои слова всерьез? Погоди, ты что-то задумала?

Улыбка у меня вышла кривой.

— Обещаю, скучно тебе не будет. Хотел веселья? Будь в первом ряду.

Я поднырнула под рукой Аматри, прошмыгивая в следующий зал. Мои шаги прогремели по стеклянно-гладкому полу с таким грохотом, будто подошву босоножек выплавили из свинца. Эхо подхватило гул, унося прочь по анфиладе залов. Взамен до меня донесся игристый смех леди.

В Лэйтирии невероятно сложно попасть на собственные похороны.

Не знаю, всегда ли устраивали совет именно здесь, или же мне больше не доверяли залы с зеркалами, но это помещение я видела впервые. Ну и ладно. В прошлый раз я столько всего поразбивала, что получила семь лет несчастья, помноженных этак на добрые полсотни.

Но прежде чем войти, меня ждало еще одно испытание. Перед входом в зал стояла Солярис с застывшей на губах искусственной улыбкой. У нее не получалось пройти внутрь, поскольку, один надоедливый лорд втянул ее в беседу. И этого лорда за прошедшие пару дней я успела неплохо изучить.

Как только Гера обернулся на мое появление, леди Солярис распахнула веер, крутанулась на каблуках, и вошла в зал.

— Уважаемый совет, — донесся ее звонкий голос, после чего тут же был заглушен чьим-то глубоким гласом.

Я подскочила к Гере, что остался стоять с невозмутимым видом.

— Эй, ты не должен быть здесь!

— А вот и главная виновница, — через чур радостно встретил он меня. — Что тебя так задержало? Позволь провожу к почетному месту свидетельницы.

— Почему. Ты. Здесь? — Повторила четко и медленно.

— Чтобы выполнить обещание, неужели забыла?

Он съехал с катушек окончательно, — именно такой оказалась следующая мысль.

— Твое инкогнито! — напомнила я, указывая на дверь, что находилась под запретом

для входа обычных лэйтарцев. — Что произошло?

— Ничего, Ан. хм... Дробь.

Мое избранное имя вызывало у Геры явное неприятие.

— Они не должны тебя видеть. — Мне перестало хватать воздуха. — Как же ты явишь свою волю и все то, о чем мы говорили?

— Как и все, — ответил, искренне недоумевая в чем же дело. — Я — Глашатай.

— Не так! Не в качестве Глашатая. Ты должен появиться в качестве Незыблемого.

— Шшш., - Гера поднес палец к губам. — Моя необычная находка, мы же не хотим, чтобы тебя кто-то услышал? — прошептал он, наклоняясь ближе ко мне.

Я так и застыла с открытым ртом. Волосы на загривке тут же встали дыбом. Сердце ухнуло вниз. Лэйтарцы называют своим только то, что официально им принадлежит, или же в скором времени таковым будет.

- Будет немного неловко, если ты так легко проиграешь дому Архитектоники.

— 15 -

Зал напоминал амфитеатр: сводчатые потолки, гладкий пол из полированного камня, высокие двустворчатые двери. Массивные колонны, будто высеченные из грубых пород мрамора тянулись по стене чернильными сгустками тьмы. Ближе к балконному этажу, шедшему в круговую по всему залу, и спрятанному за непрозрачным стеклом, они приобретали человеческие очертания, и казалось, что они удерживают свод Цитадели, подобно титанам, держащим небо.

Внизу, в центре на импровизированной сцене, полукругом стояли девять тронов. Девять абсолютно разных по виду и конструкции тронов. Каждый из них произведение искусства, сотворенное то ли рукой мастера, то ли глубинными силами мироздания, то ли чьей-то большой фантазией. Трон из льда, трон из осколков зеркал, каменный трон, со звериными ликами, царственный трон, истекающий застывшим золотом и драгоценными камнями. Неважно, на какой из них я смотрела, от них всех веяло глубинной величиестью (и немного арт-объектами безумного скульптора): опасные, роскошные, царственные, как и их владельцы.

Несколько секунд я просто стояла на месте, глаза по сторонам. Я боялась сделать шаг. Потолок уходил так далеко вверх, что кружилась голова. Где-то там зияли потолочные окна, сквозь которые пробивались столпы света гаснущего солнца. Они падали на черный глянец пола, разбивая зал на сегменты.

Балконный этаж угнетающе давил сверху, отчего внутренний круг зала с тронами становился не таким ужасающим, но очень опасным местом. Должно быть Глашатай, садясь в них, всегда чувствовали нависшую угрозу, как под дамокловым мечем. Хотя не спорю, выглядело все очень впечатляюще.

— Это ложе Незыблемых. — Пояснил Гера, возникший у меня за спиной. Он указал на то самое задымленное стекло, скрывающее обстановку балкона. — Если бы Незыблемый хотел что-то сказать, окна озарились бы светом. Так сигнал становится виден сразу всем Глашатаям. — Он немного помолчал, после чего пожаловался: — А вот сидеть там одному тоскливо.

— Не жди моего сочувствия. Обманщик, — буркнула я, отходя в сторону.

Припираться с Герой не имело смысла. Я уже представила, как он выступит перед советом. Встанет, выскажет свое слово, и оно потонет в гуле других голосов, не найдя

поддержки. Никому не придется по вкусу отпустить чужачку восвояси, после всего что я видела и знаю.

Незыблемый обвел меня вокруг пальца с той же легкостью, как эксперт-криминалист мелом обводит труп. То есть, не заморачиваясь, поскольку никто так не делает, предпочитая фотосъемку.

Нет, поступок Геры меня не шокировал. Чего-то подобного я ожидала. Но чего-то одного, а не всего сразу! Обман Геры, угроза Солярис и отказ Тинхе — это все через чур для одного совета. Я умею решать по одной проблеме за раз.

В голове царил хаос, а перед глазами все плыло. Мне казалось я вот-вот упаду в обморок. Я больше не была уверена, что контролирую ситуацию. Призрачный шанс на благоприятный исход, таял с каждым новым вдохом.

Закрыв глаза, я сосредоточилась на самом важном пункте.

Мне всего и нужно, что дожить до конца совета. Представитель дома Адаптации сказал, что мне дадут какой-то выбор. Очень вероятно, что сделать его я не успею. Солярис без какой-то личной выгоды расправлялась с неудобными ей лэй, что говорить о чужачке, пошатнувшей репутацию золотой леди.

Я принялась выискивать Врага, что так лихо меня продинамил. Оглядев всех присутствующих, с удивлением осознала, что действительно знаю почти всех Глашатаев. Разделившись на пары, они переговариваясь друг с другом, не спеша занять места на троне. Мое присутствие их совсем не интересовало, и, можно сказать, было намеренно проигнорировано.

Среди них не было моего любимого Странника.

Он что, даже не собирался сказать мне пару слов на прощание?! Там какой-то левый дом Архитектоники посылает своих союзников, чтобы оценить мою уникальность, а эта угрюмая жердь в капюшоне меня игнорирует?

— Ах ты ж, зараза.

В мрачных тенях колон, нетронутых краской заката, Враг мог легко затеряться в униформе Странника. И затерялся, если бы невзначай в бок мне не ткнулся острый край веера, подталкивая в нужном направлении.

— Ой, — только и успела сказать, залетая в желтом кружеве платья под сень одной из колонн.

Там, почти сливаясь с тьмой, в полном одиночестве стоял Враг. Его лицо казалось таким же пустым, как и то место, где у него должна была находиться душа.

— Куда ты, блин, пропал? — Прошипела я сквозь зубы.

— Я был тебе нужен?

Мужчина в черном едва ли посмотрел на меня. Голос его звучал бледным подобием обычного.

Я чуть воздухом не подавилась.

— Нет, ну что ты! Я чисто ради хохмы здесь. Да я бы шагу не сделала из Центра, если бы не думала, что ты будешь преследовать меня до конца жизни, пока я не явлюсь на чертов совет!

Во мне клокотала буря эмоций. Одна часть меня утверждала, что Тинхе плетет хитроумную интригу, о которой не подозревают Аматри и Солярис. Другая часть утверждала, что Незыблемый хорошенько пошарился в мозгах Врага, точно также, как Тинхе обычно делал со мной. Не стоило недооценивать Геру. Он явно несильно обрадовался узнав,

что место докучливого преследователя занято другим.

— Хочешь сказать, ты здесь из-за меня? — недоверчиво хмыкнул мужчина. Взгляд его был направлен куда-то мимо меня.

— Сам додумался или подсказал кто? Ты меня в это дело втянул! Я могла бы прямо сейчас спать, понимаешь? Или есть. Или спать. Или....

— Есть. Да, ты сказала.

— Ну, да, — подтвердила я, не ожидая, что список моих любимых занятий в Центре не блещет разнообразием. — Что тебе сказал Гера? То есть, в любом случае, Тинхе, ты серьезно? А то мне кажется, ты отыгрываешь незрелого героя, которому злые языки наговорили, что возлюбленная ему не верна. Или тот мудацкий вариант, где ты скрываешь от меня все, ради моего же блага.

Тинхе нахмурился, и мгновение казалось, что он будет спорить со мной. Но он промолчал, задумчиво кивнув самому себе. Я вздрогнула, услышав за колонной шуршащий звук веера Солярис.

— Не знаю, что у тебя в голове, но на всякий случай скажу. Первое, если это опять какой-то план, имей ввиду, сдаваться я не намерена. Если же ты пошел по второму пути, то вспомни, пожалуйста, все классические сюжеты с Избранными. Мы прямо в одном из них сейчас, только роль злодея-разлучника взял на примерку другой лэйтарец.

Черт, я толкаю мотивирующую речь Врагу. Меня с такими навыками в Центр обратно не пустят.

Выпалив все, я развернулась, и направилась к подмосткам. Туда, где стояло маленькое креслице-стульчик, обнесенное низенькой перегородкой с остро-отточенными шипами. Мне-таки выделили место. Пофантазировав можно было представить, что это зрительское сиденье, с которого предстоит наблюдать профессиональный спектакль. Пару дней назад я так сидела в школьном актовом зале Немерности, а теперь в подобии Большого театра. Росту! Глядишь, скоро на оперу пустят.

У единственных дверей, ведущих в зал, стояли двое лэй в униформе. Когда в зал зашел последний Глашатай (мне незнакомый), они поклонились и вышли, закрывая их за собой. В зале остались девять лэйтарцев и я.

Собрав себя в руки, я аккуратно дотронулась до одного из остроконечных шипов. Он не ранил. Не то чтобы я планировала.

— Показуха, — рядом тут же появился Гера, чтобы вставить свои две копейки. — Никакой практической пользы от них нет. Исключительно ради того, чтобы произвести впечатление на хрупкий разум лэй.

Я до сих пор не понимала, почему он не провалился на месте или не был пронзен молнией. Очевидно, только по той причине, что богов в Лэйтарии нет. А вот и зря. Не все просчитал золотой народ. На некоторых стоило пролить немного божьего гнева.

Не обращая внимание на Геру, я разглядывала готическую створку-калитку. Колючая ограда тянулась вокруг кресла радиусом в два метра. Если бы я зашла и закрыла ее, то считай, оказалась бы в клетке. Это маленькое творение было создано, чтобы производить на людей гнетущий эффект. Чтобы сидящий в кресле ощутил себя крохотным, жалким и подавленным.

«Почему бы и нет? — подумала я, осуществляя задумку».

Не совсем то, что хочется почувствовать еще до начала совета, но альтернативой был Гера в моем личном пространстве.

Слишком очевидный выбор.

На всякий случай, я затворила за собой калитку, что едва доставала до пояса. С невозмутимым видом села в кресло, краем глаза подмечая, как у Геры дергается щека. А вот Глашатай, что последним вошел в зал, и вовсе замер на месте.

Этого мужчину я не знала.

Пожалуй, он выглядел самым зрелым среди присутствующих лэйтарцев. Среднего роста, загорелый, единственный с проблесками благородной седины в волосах и густой бороде. Казалось его прическу формировали топором, вся она представляла из себя обрубленные прямые углы. Голову венчал тонкий серебристый обруч.

Припомнив отличительные символы власти каждого из основателей домов, я предположила, что этот выступает от имени дома Доктрины.

Заметив мой пристальный интерес, он отвел взгляд в сторону. Тут же, будто опомнившись, поднял руку, громко провозгласив:

— Всем занять места. Я хочу закончить это дело, до того, как в силу войдет третье кольцо.

И в этом голосе прозвучало столько властности, что умолкли все. Один за другим Глашатаи направились каждый к своему трону. Засунув руки в карманы, пошел и Гера.

Ну, понеслась.

— 16 -

По центру восседал тот самый лорд из дома Доктрины.

Гера занял крайнее правое место, Тинхе, будто в оппозицию, крайнее левое. Не знаю всегда ли эти троны стояли в таком порядке, но вышло символично.

Солярис, в белом кружевном наряде с серебряным шлейфом, будто только сошедшая с подиума именитого дизайнера, уостила свою грациозную фигуру на трон из мерцающего серебром льда. Я очень сильно надеялась, что леди пользуется защитной магией, в противном случае тонкая ткань изящного наряд грозила лэйтарке муслиновой болезнью.

Златовласая мстительница наклонилась к Тинхе. Пока никто не обращал на нее внимание, положила руку поверх ладони в черной перчатке. Требовательно сжала. Враг не отреагировал, продолжая удерживать пустой взгляд. Леди на стеклянно-ледяном троне это совершенно не понравилось. Очень. Отстранившись, она нервно клацнула длинными ноготками. Стружка льда брызнула в стороны. Красноречивый взгляд, наполненный блеском алмазных капель, говорил, что Солярис пнула бы названного кузена, если бы дотянулась.

Когда каждый занял свой трон, Глашатай от дома Доктрины зычным грубым голосом пророкотал:

— Леди Опал.

Рыжая кивнула с таким почтением и достоинством, будто отличница, назначенная дежурной. Ужасно чопорно она зачитала вступительную речь. Что-то о величии Золотой оси, почтении к домам, Незыблемому дому Первых и о передаче полномочий присутствующим Глашатаям. Все.

Прав мне, кстати, никто не зачитал. Видимо, я должна была сама знать, что у меня их нет.

Закончив леди посмотрела на бородача с серебряной диадемой. Тот снова кивнул.

— Представьте Глашатаев, леди Опал.

Она и рада стараться. Набрав в грудь побольше воздуха, женщина стала представлять

собравшихся. Строго слева направо. Я обратилась в слух, надеясь наконец разобраться, кто тут какой дом представляет и какой же дом замахнулся на меня, когда прислал лорда с китцеей.

Итак.

— Тинхе от дома Исследователей, Солярис от дома Искусства, леди Опал от дома Снабжения (что это вообще за дом?), лорд Баззил из дома Доктрины, леди Дана из дома Порядка. — Каждый из Глашатаев без особой охоты поднимал руку, когда леди произносила его имя. — Лорд Орф (на самом деле, Орфеланд, но тут без шансов, не запомню) из дома Адаптации, леди Астра (ее я видела впервые) из дома Изящества, Гера (он остался под выбранным мною именем, и никого это не смутило) от дома Архитектоники.

Дальше леди вытащила блокнот, сверившись с которым, наградила меня несколькими эпитетами, представляя тем Глашатаем, что впервые меня видели.

Я же тихонечко офигевала. Гера из дома Архитектоники. Того самого дома, который поддержат два других, но не напрямую, а по оговоренным пунктам.

Вот значит, что ты задумал, Незыблемый с обманчиво-приятными глазами цвета кофе с корицей. Выскажешь совету желание отправить меня восвояси, а два дома, оказывающие поддержку, предложат оставить меня. Мол, не переживай, дорогой друг, она дикарка и чужачка. Давай ее на адаптацию отправим, глядишь, покладистой станет, готовить научится, на фортепиано тебе сыграет (или что там ценится в доме Архитектоники). Там и посмотри, леди у нас растет или лэй. Или сорняк, который кинуть в топку и не расстраиваться. Потрясно! Что тут сказать. И мне слово дадут. Вот, глупенькая, выбирай, где обучение пройдешь. В доме Адаптации или в доме Порядка.

Гер, я ж тебя из такой задницы вытащила, ну на кой ты такую хурму творишь? Неужели прав Амагри, что Незыблемые не переваривают Избранных в любом виде? Или это чистс твой заскок?

Я прижала ладони к лицу.

Нет, я не заплакала. Даже не планировала. Я слушала.

Опал перешла к причинам, по которым был созван совет. И причиной была не я, а магия, которую обнаружил Странник. Предположительно, магия Золотой оси.

Лорд Баззил попросил леди зачитать отчет комитетов, проводивших проверку этого факта. И когда речь зашла о методах проверки, я ни слова не услышала об использовании хлыста. Опал говорила о реакциях носителя дара, которого поместили в контролируемую среду и в условиях, требуемых для получения надежных результатов, провели несколько тестов.

Поверхностный эксперимент показал — магия есть. Да, похожа на золотую. Дар молод и неразвит. Пока не установлены все особенности дара, трудно определить потенциал.

Требуется более глубокий анализ.

Носитель не стандартный. Да, дитя жребия, но никогда ранее в Золотую ось никто с исполненным предназначением не попадал. Для тех, кто не в курсе (а это почти все, кто никогда не покидал Золотую ось), мир становится закрытым сразу после того, как предназначение исполнено. Отсюда не совсем ясно, как носитель (я) из того мира выбралась. Впрочем, совету до этого дела нет.

Как представитель комитета, а вовсе не дома Снабжения, леди Опал предлагает не продолжать более глубокое исследование, поскольку это несет риски. Изъятый дар пользы никому другому не принесет, а тот баланс, в котором находится дитя жребия, исполнившее

предназначение, может быть нарушен. Последствия: вероятность гибели носителя, вероятность деформации дара и нарушение его развития. Любой из исходов комитет считает неприемлемым, пока не определится дом, который возьмет ответственность за чужачку. Опять же, дом и должен решать, после проведения определенных проверок, кем является бывшая Избранная.

Адаптацию чужачка не проходила, так что сами оценивайте свои риски. Талантов не замечено. Присутствие других видов магии не обнаружено. Интерес представляет в качестве носителя. Дальнейшие вопросы, вроде тех, может ли чужачка стать леди или останется инкубатором для дара, комитет будет решать непосредственно с домом, взявшим ее под опеку.

Наступила пауза.

Я отняла ладони от лица. Выпрямилась.

Безучастный взгляд Тинхе скользил по мне. И этот взгляд был мне знаком по тем встречам, что происходили раньше. Враг боролся со своими собственными мыслями, противопоставляя друг другу закостенелый расчет и реальность, в которой появилось что-то новое и незнакомое.

— Огласите дома, претендующие на чужачку с временно неопределенным статусом, — сказал Баззил.

Несколько секторов зала, окрашенных алым светом заката потускнели. Кровавое сияние сменилось оттенками лазури. Это на небосводе зажглось первое планетарное кольцо.

— Дом Архитектоники и дом Исследователей. — Сказала все та же леди Опал. — Остальные дома отказались от притязаний.

Хотела я когда-то, чтобы за меня боролись два симпатичных мужика. Желательно на дуэли. Но не на той, где мечами размахивают или рубятся в приставку, а так чтобы соревновались подарками, романтическими поступками и героическими подвигами (опять же, не драконам головы рубили, а посуду мыли, постель заправляли, бельишко гладили, кота кормили). А это что? Психотичный преследователь и сталкер — Королева Драмы.

— Не вижу смысла затягивать совет, — резюмировал лорд Баззил. — Если нет обоснованных возражений, предлагаю сначала заслушать мнение претендующих домов, потом по порядку всех остальных. Закончим голосованием. Вопросы? Предложения?

Никто из Глашатаев не откликнулся.

Я уставилась на Тинхе, сверля его взглядом. Прямо сейчас Враг своим бездействием угрожал моей жизни, даже не подозревая об этом. Ирония, что б ее.

Мне тут надо до конца совета дожить, время немного потянуть.

Нащупав в кармане маленький круглый предмет, появившийся у меня после вылазки на пляж, крепко сжала. Это придало мне отчаянной уверенности. Маленький шанс на спасение оставался.

— У меня есть, лорд Баззил.

Это кстати я сказала. Руку подняла. Даже помахала немного, привлекая внимание.

— Вы же ко всем обращались? Я не слышала, чтобы вы уточняли, что мне нельзя говорить.

— 17 -

Глашатаи немного оживились. Возможно для них редкое зрелище — немного веселья на совете.

Леди Дана, развалившись на троне, будто в мягком кресле, теребила розовую косичку. Она вела себя абсолютно раскованно. В противовес ей леди Опал напряглась до предела. Казалось даже брови окаменели, когда я посмела нарушить молчание.

Дорогие, я же попаданка. У нас где-то в крови течет наплевательское отношение к правилам. Я срывала тренировки Клода, думаете вас пощажу?

Есть тонкая грань. Лэйтарцы, что проживали в столице Золотой оси, привыкли к двум типичным поведением. К леди и лордам, с которыми нужно общаться в рамках, установленных домами. И к лэй, что подчиняются беспрекословно. Можно сказать, жители Лэйтарии были несколько отгорожены от реалий большинства собратьев, живущих далеко от столицы в своих доменах. Гера, Тинхе и Аматри путешествовали по другим мирам и немного понимали, что существует что-то иное помимо обожествления их персон. Орф, занимающийся адаптацией чужаков, лишь отдаленно понимал, что не-лэйтарец может иметь свое мнение или давать отпор. Но вот остальные пятеро смотрели на меня будто я только что сделала кувырок и встала на голову.

— Леди Опал? — строгой физиономии лорда Баззила не хватало очков, которые он мог бы выразительно поправить.

Женщина в строгом кстюме ответить не успела.

— Меня зовут Дробь, — представилась я, опережая чопорную леди. — Можно без титулов.

Все Глашатаи кроме Тинхе синхронно повернулись ко мне.

В Лэйтарии существовала некая аномалия. Лэй не сохраняли своих имен. Помимс обезличивания и морального подавления, причина была в том, что имена плохо адаптировались в магической системе.

Если бы я назвалась Анной, у меня бы закружилась голова и я бы пережила маленькое локальное землетрясение. С Дробью таких проблем не возникало. Раньше я считала, что это из-за того, что Дробь не совсем имя, а вроде прозвища (попаданческое имя!), но спустя время начала склоняться к другой причине. Это имя я получила в стерильном мире забытого бога Золотой оси. Возможно оно адаптировалось автоматически.

— Дробь, — повторил за мной председатель совета. И будто пробуя на вкус, произнес еще раз. — Дробь.

Теперь взгляды Глашатаев были направлены на него. Леди Дана даже пробормотала мое имя себе под нос, проверяя эффект.

— Твой статус не определен, Дробь. — Продолжил лорд Баззил. — Ты сможешь задать вопрос, когда выскажутся все дома.

— А перерыв. Могу я просить о перерыве?

— Это вопрос? — уточнил он.

— Предложение.

— Предложение о чем?

— О перерыве.

Лорд Баззил поднял голову вверх, вглядываясь в отбрасываемый планетарными кольцами свет.

— Совет только начался, Дробь.

— У меня был тяжелый день.

Вновь повисло молчание. Единственный звук, что его нарушал — шуршание веера леди Солярис.

Лорд Баззил сложил ладони в замок. Он не совсем понимал, как со мной вести диалог. Ему хотелось посмотреть на леди Опал, чтобы убедиться, действительно ли то что происходит — происходит. Полагаю, раньше ему не приходилось заниматься решением настолько банальных и ерундовых проблем.

— Дробь, у тебя неопределенный статус, что означает следующее: никто из домов не может подвергнуть тебя наказанию или призвать к порядку, потому что неясно, в рамках каких границ это должно быть использовано. Неопределенный статус позволяет тебе игнорировать регламент совета и с этим я не могу ничего поделать, — он помолчал, — разве что присвоить определенный статус до конца совета. Это повлечет определенные последствия. Ты понимаешь, что я имею ввиду?

О!

Я кивнула.

Поняла. Молчу.

Леди Дана, откинувшись обратно не трон: веселье закончилось. Леди Солярис продолжила методично складывать, раскрывать и вновь складывать веер. Аматри подпер подбородок кулаком. Искра интереса на его лице потухла, обратившись в скуку. На сторону Геры я смотреть не хотела.

С ним мы уже все выяснили. Он думал, что держит меня за глотку и у меня нет ни единого шанса на спасение. Он упивался своей властью над чужой беспомощностью. Все-таки дело было не в том, что я Избранная. Незыблемый за мой счет поднимал себе самооценку.

Удостоверившись, что все осознали, кто тут главный, лорд Баззил продолжил:

— Глашатай дома Исследователей, начнем с вас.

— Дом исследователей претендует на носительницу магии с именем Дробь по праву первого, — сказал Тинхе, не изменяя исходящему от него безразличию.

— Это все?

Мужчина в черном кивнул, поглаживая черный камень на перстне.

Веер в руках Солярис хрустнул. Я почувствовала, как мой собственный позвоночник издает схожие звуки.

— В вашу пользу ушли притязание двух домов, — напомнил лорд Баззил.

— Верно.

Бородатый мужчина нахмурился, после чего заметил:

— Ваш выбор. Дом Архитектоники, слово вам.

Гера тоже не стал блистать изошряться в словесности. Он отметил, что дом Архитектоники претендует на дар и на его носителя. Потом, слово в слово повторил то, что обещал мне.

Да, девушку надо отпустить. Угрозы она не представляет и прочее, прочее, прочее.

Густые брови Глашатая дома Доктрины сошлись на переносице. Сказанное его не удовлетворило, но раздраженный взгляд отчего-то достался Аматри. Белобрысый парень даже немного выпрямился на своем троне, будто спаянным из медных труб и с красивыми часами на макушке спинки. В рекордно короткие сроки молодой Странник изобразил серьезность. А вот лорду Баззилу было не до шуток.

— Я хочу напомнить, что совет собирается по исключительным вопросам. Попрошу все остальные дома серьезней отнестись к совету. Я не потерплю неуважения к Первым в оплоте их величия.

— Разве мы нарушили какие-то правила? — подал голос Гера без единого намека на издевку. — При всем уважении, лорд Баззил, вы сами хотели закончить дело побыстрее.

Эта была самая короткая битва взглядов, которую я видела.

Хлоп. Хлоп. — Сопроводил ее звук схлопывающегося веера Солярис.

— Замечание принято, — заключил лорд Баззил, отводя взгляд. — Дома, ваша очередь.

Несмотря на предупреждение, дома не особо отличились.

Леди Астра заявила, что дом Изящества совершенно не представляет, что делать с кем-то вроде меня, а вот дому Архитектоники можно доверять. Всякая магия лучше всего подходит их сфере. Дом Непознанного тоже неплохо бы справился, но он снял свою кандидатуру и говорить тут нечего. Лорд Орф распинался о важности адаптации меня и магии, опять же предлагая помощь Гере в подготовке чужачки к новому для нее миру. Леди Опал отделалась размытыми фразами, сути которых не уловила даже я.

Каждое следующее выступление было короче и невнятнее предыдущего. Лорд Баззил мрачнел на глазах. Леди Солярис добила старика, сказав, что у ее дома нет мнения на счет чужачки и она полностью доверится своему мрачному кузену.

— Значит, все. — Пугающе тихо заключил Лорд Баззил. — Это и есть вся дискуссия?

Я вздрогнула. Не ожидала, что все так быстро закончится.

Я не готова!

— Вы чем-то недовольны? — хмыкнул Гера. — Ожидали чего-то большего?

Тут собиралась вклиниться я, наплевав на угрозу лишения статуса, но что-то меня отвлекло.

Солярис раскрыла веер. На костяшках блеснуло золото.

Сама леди пришла в снежно-белом платье с серебряной окантовкой. Ажурный веер своим плетением представлял из себя верх изящества, но цветное оформление, золотистые блестки — все это дисгармонировало с ее нарядом, идеально подобранным к ледяному трону.

Как-то леди Солярис вручила мне туфли на шпильках, которые были заколдованы и обратили меня в ледяную статую. В этот раз кузина Тинхе ничего мне не давала, но веер, которым она себя обмахивала, начал вызывать подозрения. Она легко могла осыпать меня кусочками заклинания, когда стояла у прохода в зал. Она ткнула меня этим самым веером в бок.

Прямо сейчас она что-то колдовала!

Хлоп. Хлоп.

Никто внимания не обращал.

Хлоп. Хлоп.

Я чуть ли не подскочила на месте, судорожно смахивая невидимую пыльцу с ткани.

Отравляющий порошок? Часть магического плетения? Меня прокляли?

Я отряхивала платье, надеясь стряхнуть магическую сеть, о свойствах которой не имела никакого представления. Малыш молчал: он не чувствовал присутствия активного заклинания.

Возможно магия сработает в определенный момент, поэтому Малыш не может ее распознать. Прямо сейчас — я бомба замедленного действия. И отсчет пошел.

Меня накрыла паника. Я почувствовала, что задыхаюсь. Кроме Солярис на меня никто не смотрел. Все внимание было устремлено в другую сторону. Гера опять что-то сказал лорду Баззилу, отчего завязался небольшой спор.

Леди Солярис взмахнула веером раз.

Хлоп.

Я выпучила глаза и замотала головой.

Взмахнула два.

Хлоп. Хлоп.

— Перерыв! — провозгласил лорд Баззил.

Веер застыл.

Несколько Глашатаев подались вперед. У Геры дернулся глаз.

— Перерыв? — удивился Первый дома Архитектоники.

— Перерыв, — повторил Баззил. — Совет закончится не позже третьего кольца, но и не раньше него. Леди Опал?

— Да, — вздрогнула молодая женщина. — Регламент совета позволяет.

— Отлично. Перерыв до второго кольца. — Лорд Баззил встал. Завел руки за спину и, что-то насвистывая себе под нос, направился к единственному выходу.

Я перехватила взгляд Солярис. Нежные пальцы блондинки поглаживали кружева на косточках веера.

«Хлоп, хлоп».

Ой...

— Странник Тинхе, — я вскочила с места, будто ужаленная. — На минутку.

— 18 -

Мы стояли в арочной галерее.

Я смотрела на очень сложного человека, к которому испытывала очень сложные чувства.

— Просто объясни. — Попросила я. — Двумя словами.

Враг смотрел куда-то мимо меня.

— Хоть сделай вид, что пытаешься!

Он облокотился на одну сторону подоконника, я на другую. Неземной свет небес Лэйтарии путался в чернильных волосах Странника. На поверку я подняла ладонь, растопырила пальцы и поднесла к окну. Источаемый кольцами свет коснулся меня нежным сиянием, будто подсвечивая изнутри. Он разбивался о стекла высоких стрельчатых окон, вырисовывая на наборном полу из плиток цветного мрамора завораживающие этюды.

— Я делаю то, что правильно. — Ответил Тинхе.

Эхо тут же подхватило его глухой шепот, унося вглубь коридора.

— Вчера ты считал правильным другие вещи. Что изменилось?

— Ты не поймешь.

— Не пойму, если не объяснишь.

Он обратил ко мне взгляд антрацитовых глаз. Казалось, этим он сказал все.

— И вот я вспомнила, почему не хочу отношений. — Буркнула я, чувствуя скрежет раздражения внутри черепашки.

Очень захотелось разразиться пламенной обвинительной речью о мужиках, которые сдают позиции, столкнувшись с неожиданными трудностями. К удаче Врага, времени было в обрез. На классическую тираду с закатыванием глаз и заламыванием рук не хватило бы половины планетарного кольца, вне зависимости от того как долго оно длится. Да и результата бы не дало. Вот она жизнь: только проявишь симпатию к мужику, что тебя

добивается, так сразу сказка превращается в психологический триллер с элементами детектива.

Поэтому я сделала глубокий вдох, заставила себя расцепить руки, расправила плечи и сказала:

— Дело в Гере. Он что-то сказал, что изменило твое мнение. Я хочу услышать — что. Как-то не состыкуется твое поведение с тем, что ты говорил о лэйтарцах. Мол, все собственники. Пришел, увидела, забрал себе. И тут неожиданная капитуляция? Что-то не сходится.

— Я умею прислушиваться к здравому смыслу, Дробь. Мне вовсе не хочется вынуждать тебя силой вступать в мой дом. Если ты боишься меня или испытываешь идеологические затруднения, дом Архитектоники подходящая замена.

— Я не боюсь тебя.

— Хорошо. Значит, ты выбираешь дом Исследователей?

Я не позволила себя сбить с толку.

— Не-а, не переиначивай мои слова. Я не говорила этого и никогда не скажу. Любая судьба за пределами Золотой оси для меня ценнее той свободы, что я вижу здесь.

— В самом деле, Дробь? — Черные глаза моргнули зияющей пустотой, столь сильной, что в них не смогло бы отразиться даже Солнце. Голос опустился ниже нуля, охлаждая мой гнев. Казалось вот-вот дохнёт изморозью. — Ты продолжаешь упорствовать несмотря ни на что? И все же хочешь... — Он запнулся. На него нахлынуло понимание. Все-таки Враг прекрасно знал характер своей кухни. — Ах, Солярис.

Он покачал головой, внезапно оказываясь слишком близко. Поправил воротник моего платья. Там, где мужчина дотрагивался до ткани, вспыхивали бенгальским огоньком искры. Враг не колдовал. Черная форма Странника защищала владельца от некоторых видов магии, иногда смягчая удар, иногда полностью нейтрализуя. Тот же эффект она производила на физические атаки.

— Очень нетерпеливая женщина. — Смахнул он с плеча последнюю россыпь золотистых пылинок. — Привыкла все держать под контролем.

— Кто-то же должен.

Враг проигнорировал сказанное, еще раз внимательно оглядывая меня с ног до головы. И тут он не смог удержать в глазах стылый лед безразличия. Голос треснул.

— Повернись. — Сказал Тинхе, не дожидаясь, когда я выполню приказ. Мягкая кожа черных перчаток опустилась на мою талию. — Дело в даре, несговорчивая Дробь.

Я вцепилась в подоконник.

— Твой дар надо тренировать. — Продолжил мужчина. В отражении узорчатого стекла я видела, как сгорают остатки проклятье Солярис. — Я не знал этого. Не задумывался. Очень непредусмотрительно с моей стороны.

— Надо же, признаешься в собственной недалёковидности. — Сказала я, чтобы хоть что-то сказать, пока этот трудный не-человек стоит у меня за спиной. — Как не характерно для моего Врага.

Тинхе улыбнулся, но мне от этой улыбки ни на йоту не стало легче. Единственный плюс — Враг разговорился.

— Лэйтарцы обучаются контролировать свои силы с самого детства, также как обычных детей учат ползать, ходить, разговаривать. Наша сущность предрасположена к использованию золотой магии. Мы учимся долго, но однажды выучив этот урок, больше не

возвращаемся к повторению. Использование золотой магии становится таким же естественным, как бег. У кого-то получается лучше, у кого-то хуже. Кто-то бежит быстрее, кто-то медленнее, кто-то предпочитает не торопиться. Чтобы бегать быстро, правильно и без отдышки, нужны тренировки. Для кого-то это спорт, для кого-то здоровье, для кого-то стиль жизни, а кому-то нет до этого дела.

Аналогия не понравилась. Бегать мне решительно не нравилось. Я уже лучше переносила кроссы, но любить их больше не стала.

— И зачем мне учиться быстро бегать? — Я обернулась резко, отталкивая задержавшуюся на талии руку. Мужчина в черном деликатно отодвинулся.

— Не бежать. Хотя бы научиться ползать.

Это удивило меня.

Казалось я умела многое. Я понимала языки людей в других мирах, не заражалась чужими болезнями, не передавала свои. Пользовалась странными гаджетами Лэйтирии. Открывала порталы. Важное уточнение: не создавала их сама, а открывала, те, что уже существуют и то, не всегда. По-моему, это неплохой набор для того, кто не умеет даже ползать.

— Меня все устраивает. Помощи не просила. Если бы ты не заварил кашу с моим статусом, я бы могла прямо сейчас спокойно путешествовать по мирам и делать что хочется.

— Как долго?

Моргнула.

— Не поняла.

— Как долго ты бы странствовала между мирами, оставаясь невредимой? Тот Странник рассказал мне немного о вашей встрече. Об истории, которой ты с ним поделилась.

Я не сразу сообразила, о чем он. Последние дни превратились в сборную солянку, в которую накидали всего и добавили еще немного завалявшегося из холодильника.

Потом дошло.

Зря ты Гера так. Вот этого делать не стоило.

— Полагаю, подобное случается с многими Избранными, попавшими в зараженные миры. — Мигом посмурнела я. — И не только в зараженных мирах, и не только с Избранными, и не только с девушками. Жизнь — опасная штука.

— Не для леди. Не в Золотой оси.

— Я хороша в своей избранности.

То есть, я училась на своих ошибках. Однажды начну. В скором будущем. С Нового года точно.

— Стала бы еще лучше, если бы освоила магию.

Не поспоришь. А, нет — поспоришь.

— Я видела зеркала ста сорока семи Избранных, Тинхе. Академий магий не счесть. Чему только не учат. Полный пансион, закрытый пансион, очное, вечернее, экстернат. Да и весело там. Приключения, ночные посиделки, тайные вечеринки. — Начала перечислять и тут же задумалась, а почему я собственно до сих пор не там? Ну, да, мне не восемнадцать и во многих мирах мой возраст приравнивается к уровню старой девы или женщины бальзаковского возраста, но не во всех же! Есть продвинутые миры. На вечерку можно пойти. На курсы повышения квалификации. Какая разница? — И обучают всегда крутые профессионалы. Да и с будущим мужем можно познакомиться чуть ли не в первый же день. — Вслух закончила я, немного ошарашенная тем, что эта мысль до сих пор не

приходила мне в голову.

Нафиг я перлась за артефактом любви? Все же так очевидно! Получай второе высшее — вот он ответ на главный вопрос жизни, вселенной и всего такого.

— Дробь, не обманывайся.

— А?

Да, Дробь, ты все еще в смертельной опасности. Самое, блин, время думать о профорientации!

— Не думай, что я хочу за тебя выбирать: как пользоваться магией или какому дому принадлежать. Это так мелко и ничтожно, моя бесхитростная Дробь. Не знаю, как объяснить тебе еще проще. Я хочу решать за тебя абсолютно все.

Сказал и замолчал.

Я тускло усмехнулся, слишком измученная, чтобы испытать потрясение.

— Ты улыбаешься. Ты продолжаешь не воспринимать мои намеренья всерьез?

Он стоял так близко, что я могла почувствовать, как мужчина напрягся, будто ожидая, что сейчас я сделаю колкое замечание или влеплю ему пощечину. Последнее давно стоило сделать. Клянусь Атросом, он заслужил оплеуху.

— Таких глупостей я больше не делаю.

Время истекало.

Тинхе убрал с меня проклятье Солярис. Жизнь в доме Архитектоники все еще малс отличалась от жизни в доме Исследователей. Ничего собственно не изменилось. Разве что психические отклонения Геры пугали меня чуть больше, чем мрачная личность Тинхе.

Что же я успела узнать? Враг хочет, чтобы я ушла в дом Архитектоники, таким образом защищая меня от себя? Смешно. Красиво, по-глупому романтично и смешно. Кто угодно мог так поступить, но не Тинхе.

Происходило нечто большее. Враг добивался своим поступком чего-то иного. Я почти поняла в чем дело, не хватало лишь мелких деталей, чтобы увидеть картину целиком. Чуть-чуть правды.

Был один способ ее получить. Легкий, простой. Который расскажет больше, чем любые слова и откровения.

Будто предчувствуя опасность, Тинхе нарушил тишину и ход моих мыслей.

— Теперь ты понимаешь...

Закончить он не успел. Я ухватила Врага за отворот куртки и притянула к себе. Он не сопротивлялся. Лишь чернильные глаза озарились золотыми всполохами, когда я прижалась к нему в поцелуе.

— 19 -

Поцелуй планировался легким, ненавязчивым. Но если вы действительно испытываете чувства к человеку, тяжело в такой ситуации остаться равнодушным. Особенно, когда вы устали держать все в себе. Когда невидимые часы отмеряют последние минуты до вашего личного апокалипсиса. Когда поцелуй — возможно последнее решение, которое вы принимаете самостоятельно.

Я почувствовала руку Тинхе на своем плече и напряглась, углубляя поцелуй и крепче сжимая грубую черную ткань отворота воротника. Но я зря боялась оказаться отвергнутой.

Враг не стал играть в равнодушие. Не потребовал объяснений. Он не сделал ровным счетом ничего, что могло бы испортить ситуацию. Перед ним замаячила возможность, и он

не стал ее упускать.

Губы Тинхе разомкнулись.

Кончики пальцев, затянутые в тонкую ткань перчаток, заскользили по изгибу моей спины, не пропуская ни единого позвонка. По телу пробежала цепная молния. Она добралась до спинного мозга, откуда стрельнула в голову сотней маленьких бомбочек.

Враг притянул меня ближе, углубляя поцелуй.

Его рука прошлась вниз по жесткому крою платья, что крало любую возможность почувствовать тепло чужих прикосновений, и сжалась на талии.

Действительно ли боги пробили в Тинхе брешь или он сам позволил ей образоваться, полагая что иначе быть не может, уже не имело значения. Лэйтарец допустил подобную возможность, и теперь она постепенно овладевала его желаниями.

Меня охватила эйфория: он точно так же, как и я, ослабил контроль. Так же, как и для меня, это означало непростительную ошибку.

Слишком давно рядом не было человека, который пробуждал во мне столько сильных эмоций. Противоречивых, сложных, опасных. В которые можно погрузиться, в которых не страшно тонуть.

Я резко распахнула глаза, не понимая, когда успела их закрыть.

«Увлелась. Залезла в собственноручно расставленную ловушку.»

Спохватившись, я заставила себя остановиться. Получилось не сразу. Чуть ли не вступая в борьбу с собой, я легонько толкнула Тинхе в грудь, приводя его в чувства. Мои собственные рецепторы, опьяненные удовольствием, объявили решительный протест.

На ставших ватными ногами, я отступила. Завела руки назад и ухватилась за подоконник. Голова кружилась, и я всерьез опасалась лишиться чувств.

«Совсем-совсем не кстати, Дробь. — Напомнила себе. — Не в твоём стиле, дорогая. Не падают в обмороки от жаркого поцелуя те, кто с мечом наголо сражается с монстрами в монохромных подземельях.»

Тинхе потянулся вслед за мной. У меня едва хватило самообладания, чтобы не дать ему приблизиться. Потребовалось больше, чем несколько ударов сердца, чтобы в глазах мужчины появилось немного осознанности.

— Вот как, — хмыкнул Враг, отстраняясь.

Мужчина выпрямился, автоматически поправив перевязь. Единственный из всех Глашатаев, у кого было оружие — это Тинхе. Как я уже выяснила, носил он эту штуку не для красоты. В его руках меч превращался в опасное оружие, как против обычных противник, так и против самих богов. Меч — атрибут дома Первого Странника. Мило, что он также является основным оружием, владению которым обучают в Центре. Ирония!

Не будь я так сосредоточена на поддержании собственного дыхания, поинтересовалась бы, носят ли представители иных домов при себе подобные символы.

— Дробь?

Воздуха не хватало. Моя грудь лихорадочно вздымалась, а тело еще не отошло от неожиданной встряски эндорфинами.

Уф!

— Зараза, ты, — сказала я, подрагивающими пальцами расстегивая мелкие пуговицы воротника. Где эти чертовы сквозняки, когда они так нужны? — Как есть — зараза.

Тинхе не мог выглядеть более удивленным, чем сейчас.

— Ты злишься на меня за то, что поцеловала?

— Ни-хре-на, — произнесла я по слогам. — Не собирался ты проигрывать дому Архитектоники. Вот ни разу. Поверить не могу, что повелась!

— Не понимаю, Дробь.

— Иллюзия выбора. — Зло выдохнула я. Мысли путались, и я с трудом собирала их в связную речь. — Дело не в Гере. Он хороший предлог, но дело не в нем. Ты заставил меня думать, что есть выбор. Что я могу оказаться в другом доме. А потом пошел еще дальше. Вывел себя из уравнения. Заставил союзников думать, что сдаешься. — Жесткий воротник был побежден. Я сделала глубокий вдох. — Таким образом, мне пришлось не просто выбирать. Чтобы остаться в доме Исследователей, мне надо было пойти сложным путем. Приложить усилия. Осознанно и добровольно, — на этом слове я скривилась, — потребовать от тебя вернуться в строй. Bravo!

Я не стала изображать театральные хлопки. Ноги все еще дрожали, и я боялась потерять опору.

Тинхе провел по губам кончиком пальца.

— И все же, это не так коварно, как твой поступок.

Я не позволила себя сбить.

— Зачем? — спросила я.

Его губы изогнулись в улыбке, в глазах появилась ирония.

— Ты поняла одно, но не поняла другое? Моя невероятная Дробь! Мышь, загнанная в угол, опаснее свирепого льва. Неприятное решение, сделанное в результате самостоятельного выбора, а не полученное в качестве единственно возможного варианта, воспринимается человеком легче.

Я не хотела сдаваться Врагу, но, когда появился Гера, и выбор встал между ним и Тинхе, я внезапно осознала, что лучше уйду под крылышко к дому Исследователей, чем в незнакомый дом Архитектоники. Вот, о чем говорил Странник.

— Двойной обман. — Я облизнула пересохшие губы. Хотелось сказать что-то колкое и язвительное, но мозг отказывался воспроизводить сарказм. А это уже кое-что говорило о степени моей моральной усталости. — Предоставив выбор, ты хотел, чтобы я забыла о существовании других вариантов.

— У где же тут двойной обмана? — фальшиво удивился Странник, подталкивая меня к продолжению.

И столько в его словах было предвкушения, что я невольно задумалась. За Врагом стали прослеживаться какие-то вот такие нотки наслаждения тем фактом, что кто-то способен разгадать его план. А ведь я его предупреждала, что не надо устраивать со мной игры разума! Не тяну я сложные стратегии. Задачи моего уровня — сколько ложек сахара класть в кофе, чтобы сразу получить требуемый уровень сладости.

— Не было ни шанса, что я попаду в дом Архитектоники. Ты не сдался. Ты знаешь, как распределяются голоса. В твою пользу, да? — Я нахмурилась. — Но Гера об этом не догадывается.

Ох, не понравится ему это. И поделом подонку.

— Его проблема, — пожал Тинхе плечами.

— Но ты не мог знать о Гере.

— Не мог. — Согласился Враг. — Он действительно интересное совпадение, но не более. Не пояись он, то в оппозицию встал бы Аматри или Солярис. К тому моменту я еще не определился. Нужен был кто-то, с кем ты уже сталкивалась. Аматри больше подходил по

мотивации, но у Солярис хватка лучше.

— Почему ты решил, что я не хочу в дом Архитектоники? Может я как раз для этого привела Геру.

Антрацитовые глаза блеснули золотом.

— Это я, Дробь. — Мужчина подался вперед, я — назад, вжимаясь в подоконник. — Ты выбрала меня. Не сегодня, не вчера. Давно. Ты сделала выбор. Времени было немного, но ты его сделала. Осознано, добровольно. — Не спрашивал, констатировал. — Ты хочешь остаться со мной, а не с кем-то другим.

— Между злом незнакомым и злом известным, — пробормотала я, повеселив Тинхе. — Между злом большим и злом меньшим я выберу шоколадный торт в качестве позднего ужина. Но не тебя, Тинхе, не тебя.

— Моя бесподобная Дробь. — Протянул он, склоняясь надо мной. — Прямо сейчас ты стоишь здесь. Ты уже все решила. Ты думала обо мне на протяжении всего совета. — Он обхватил мою руку своей. — Я ведь проявил чуткость, Дробь. Тебе не пришлось мучиться неделю или месяц, мечась от одного выбора к другому. Я ускорил процесс, чтоб избавить тебя от ненужных страданий. Все свелось к одному короткому заседанию совета.

Враг погладил большим пальцем тыльную сторону моей ладони, пробежался по запястью и положил мою руку себе на грудь, таким образом притягивая ближе. Внезапно я снова оказалась в его объятьях. Совершенно обессиленная и опустошенная. Не готовая к тому, что услышала. К тому, что сказала сама.

— Ты уже подтвердила все своими действиями. Признай же наконец, что хочешь остаться со мной. По своей воле, Дробь. Не потому что вынуждена, не потому что нет выбора, а потому что хочешь быть.

Черные омуты глаз застыли напротив меня, требуя ответа.

— Скажи это, Дробь, — мягко надавил он. — Скажи и сразу станет легче.

А у меня будто украли все слова. Слова согласия, слова возражения.

Ловушка захлопнулась, а я продолжала отрицать, что попалась. Будто включился режим защиты, не позволяющий разуму осознать проигрыш.

Враг прав?

Из последних сил и в минуту полного отчаянья, я взмолилась Атросу. Это ведь не правда. Я не выбирала Тинхе. И никто его не выбирал для меня. Он сам себя назначил на эту роль.

Шу-ух.

Из глубины галереи послышался шорох.

Кто-то приближался.

Если вы искренне молитесь богу о спасении — он может вас услышать. Если вы делаете это в Лэйтании, на молитвы отзывается кто-то другой.

— Какая занимательная картина. Я не помешал?

К нам приближался Гера.

— 20 -

Тинхе обладал особым вида душевным равновесием, которое позволяло ему выполнять свою работу с ужасающей эффективностью. Я такой сдержанностью не обладала. С того момента, как в Гере проснулись первые нотки неуравновешенного психа, каждая наша встреча вызывала у меня сильнейший стресс.

Враг неохотно перевел взгляд на неожиданного визитера.

— Это приватный разговор, Глашатай дома Архитектоники.

— Гера, — чуть улыбаясь напомнил мужчина.

Он не спешил приближаться.

Тинхе не спешил меня отпускать.

Я не спешила вырываться. Наоборот, положила голову на грудь Врага. Его черное сердце медленно успокаивалось, сменяясь размеренным темпом. На Геру я поглядывала искоса. Не возникло никакой радости от того, что он подарил мне небольшую передышку для раздумий.

— Прошу меня извинить, Гера, — выделил Враг имя Незыблемого, — не могу уделить вам время. Мой инстинкт Странника не позволяет ни на минуту отпустить Избранную, которая нуждается в моем внимании. Вы прервали нас на деликатном моменте.

- Не сомневаюсь. — Хмыкнули в ответ. — Я слышал вас.

— Знаю. Я позволил это.

Мне захотелось дернуть Тинхе за рукав и потребовать не злить Геру. Мужик из буйных!

— Она дышать-то может? — Гера склонил голову, пытаясь поймать мой взгляд. — Может дашь девушке немного воздуха?

Рука Тинхе легонька легла на мою голову. То ли сильнее прижимая к груди, то ли поглаживая, то ли приказывая помалкивать. Напрасно. Влезать я не собиралась, как и просить о помощи. Мои мысли были далеко о другом.

— Дробь чувствует себя со мной вполне комфортно.

— Что правда, то правда. — Согласился кареглазый мужчина.

Внезапно, беспричинно, без всяких на то оснований я захотела вернуться на совет. Хорошо там было. Не ценила я мимолетного счастья.

— Чем еще могу быть полезен? — вежливо уточнил Тинхе.

Гера кивнул, будто приняв какое-то важное решение.

— Всего один момент. Правильно ли я понял — у вас есть общая продолжительная история и планы на дитя жребия ты строишь давно. — Легко перешел на «ты» Незыблемый. — Что именно вас связывает?

— У нас любовь, — Я не видела, но была уверена, что Враг улыбается не самой приятной улыбкой. — Так, Дробь?

— О, теперь тебе интересно мое мнение, — буркнула я куда-то в крепкую мужскую грудь. — Сначала на свидание пригласи. Любовь у нас, ага.

— Свидание? — переспросил Тинхе, будто раньше такого слова никогда не слышал.

— Любовь, — как-то нехорошо повторил Гера. — Изменилось и правда очень многое.

Повисшее напряжение я почувствовала загривком.

Так бывает за секунду до того, как ударит молния и небо затянет тяжелыми грозowymi тучами.

Враг скомандовал:

— Выставляй защиту.

В кровь хлынул адреналин.

Дальше все произошло мгновенно. На одном дыхании.

Не успела я высказать протест, как меня отбросили в сторону.

В галерею ворвалась безумная магия, сметая на пути все препятствия — Гера сотворил заклинание. Брызнули цветные стекла. Я пролетела несколько метров, после чего еще

столько же проскользнула по полу. Как только движение закончилось, сразу вскочила на ноги и прильнула к колонне.

Гера атаковал Тинхе заклинанием?

Творилось нечто невообразимое.

В воздухе разлилась блестящая синева. Летели молнии, искры, разряды. По ушам били раскаты грома, под ногами трещала расползающаяся на части напольная мозаика.

Я сжалась, опасаясь лишней раз шелохнуться. До тех пор, пока не разберусь со своей силой, никакой речи об использовании Малыша не шло. Но предупредить Тинхе, одновременно информируя Геру о собственной слабости, показалось не подходящим.

Пригнувшись, я выглянула из-за колонны.

— Вы что затеяли?!

— Дробь, не высовывайся!

Жужжащей энергией своего меча Тинхе разрубил летящую молнию пополам. Разделившись, но не замедлившись, остатки магии ворвались в прилегающую галерею. У меня только глаза на лоб полезли, когда арочные колонны за спиной Тинхе разорвало на тысячи мелких камешков.

По залу поползли облака пыли.

Казалось на звук грохота, разорвавшего тишину, должны были сбежаться все Глашатаи. С залом, где заседал совет, нас разделяло всего несколько помещений. Зубодробительное эхо уже должно было оповестить лэйтарцев, что они пропускают главное веселье насущного вечера.

Моего выкрика хватило, чтобы быть замеченной. Но едва Гера успел что-то сделать, его окликнул Враг, смещая внимание на себя.

— Неприятно устарелые заклинания, — ровно, почти скучающе, сказал он. Не сбавляя темпа, мужчина в черном отбивал вспыхивающие огни магии. Все удары, что он упускал, брала на себя униформа. — Весьма зрелищные, чтобы не заскучать, но не результативные.

Я не видела выражение лица Геры, но следующее выбранное заклинание, насыщенное силой, сказало само за себя. Враг пошатнулся, но не отступил.

— Принято к сведению. — Донесся следом голос Геры.

Этого маленького отвлечения хватило, чтобы я успела переместиться. Мне срочно надо было что-то придумать. Стоять в стороне, ожидая, как распределяться силы мне не нравилось. Я примерно представляла расклад.

Тинхе был Странником. Он прекрасно умел перемещаться между мирами, неплохо справлялся с определенными видами магии, прекрасно владел мечом. Он предугадывал шаги людей, Избранных, лэйтарцев. Работал на опережение.

Но Гера был Незыблемым.

Он восполнил свои силы, прежде чем идти на совет. Он подготовился, предполагая подобный исход. Возможно подрастерял опыт в сражениях за минувшие века. И все же, он был одним из тех, кто сверг богов Золотой оси. Богов, которые находились в расцвете своих сил.

У Тинхе попросту нет всей этой информации, чтобы быть готовым.

Его проигрыш — вопрос времени.

Как только Гера разберется с Врагом — примется на меня. Лучше бы к этому моменту на горизонте появиться еще кому-нибудь. Не просто же так потерянный лэйтарец выбрал отгороженную галерею, чтобы застать нас врасплох.

— Не самое новое мое изобретение, — сквозь пыль и шум пробился голос самодовольного Глашатая дома Архитектоники.

Там впереди, на разделяющей полосе с десятков метров, что пролегала между Герой и Тинхе, фонтаном брызнула магия.

— Где ты, Дробь? — в пространство прокричал Незыблемый. — Узнаешь? Без людей оно требует внимания и концентрации, зато сразу прибавляет к силе и смертоносности.

Понимая, что это способ меня выманить, я все равно выглянула.

Для всего, что описал Гера, у меня было одно короткое, емкое слово, которое леди бы не стала произносить в приличном обществе. Но со статусом леди совет еще не определился, а окружающее меня общество мало походило на приличное.

Я-таки высказалась. А следом добавила еще десятков крепких слов. На будущее, так сказать. И поверьте, у меня были на то причины.

Фат.

Гера выпустил фата. Точнее, что-то с его силой и способностями.

Из вытянутой ладони вырвалось темное клубящееся облако. Оно не имело человеческой формы, как ранее встреченные мной тени, и парило в воздухе чернильным пятном. Буквально несколько секунд облако просто покачивалось, а после, без предупреждения, десятков жгутов тьмы рванули к Врагу.

Возможно мне показалось, но краски пространства потухли. Я будто снова оказалась в Немерности. Внешние ощущения притупились, а внутренности скрутило ужасом.

— Не дай ему до себя дотронуться! — прокричала я. Потом осознала, что предупреждение тупое и добавила: — Оно как-то влияет на эмоции!

Там и Враг не удержался от некоторых интересных словечек.

Не могу его осуждать.

Чертова жуть двигалась самостоятельно, стремительно и беспощадно.

Какое-то время Тинхе прекрасно справлялся с чернильным осьминогом, с лезвиями вместо конечностей. Пять отростков сразу полетели на пол, но на их месте тут же выросли другие. Посыпалась череда ударов. При этом Гера не остался стоять на месте, продолжая атаку взрывающимися заклинаниями.

Я аж зубами скрипнула.

Не очень у меня получалось со спокойной душой смотреть, как теснят Врага. Но помочь не могла. Более того, мое вмешательство скорее навредило бы Тинхе, чем помогло.

Щупальца вращались безумно быстро, атакуя резко и безжалостно. Столкнись я точно с такой же штукой пару дней назад и получилась бы сашими из Избранной. Враг тоже потихоньку сдавал позиции.

Еще одно из щупалец полетело на пол. От другого Тинхе увернулся. Следующее обвилось вокруг его груди и резко сжалось. Мужчина издал сдавленный звук. Четвертое щупальце прошлось лезвием по его плечу, но следов не оставило — форма Странника держала удар. И все-таки жутких щупалец было слишком много, и двигались они слишком быстро.

В мазутной тьме мелькнуло два белых отростка. Но Тинхе не обратил внимание на различие в цвете.

И пропустил.

Белое щупальце не резало и не кромсало. Оно вырывало частичку воспоминаний, на несколько секунд отправляя в забвение.

Враг вздрогнул. Черное лезвие пронзило его бедро. Другое перехватило запястье, выдирая меч и отбрасывая вглубь зала.

Мои собственные принципы посыпались на глазах.

Я больше не могла стоять и ждать.

— А как же правило, по которому лэйтарец не убивает другого лэйтарца? — прокричала я, сквозь стоны рассеченного воздуха и потрескивание скопившейся энергии.

Отвлечь Геру.

Подарить Тинхе одно мгновение.

И не забыть сменить местоположение.

Будто во сне, безумно медленно, сквозь сгустившийся воздух, Незыблемый повернулся, вырывая мою фигуру в облаках пыли. Больше не маньяк из подворотни, а настоящий убийца богов.

— Оно работает в том случае, когда есть свидетели. — Любезно пояснил Гера.

О, — сообразила я, холодея.

Вообще-то я не думала, что Гера всерьез собирался кого-то убивать. Тяжело ранить, покалечить, уложить в кому, особо мерзким заклинанием кристаллизировать наши тела на следующие лет пятьсот — допустим, но убить?

Еще одна перебежка.

Я передвигалась не хаотично. Я пробиралась к галерее, что вела в зал совета. Что означало, что я приближаюсь к Гере. Потому что эта зараза перекрывала единственный проход.

Совершенно неожиданно мое внимание привлек тусклый блеск. Вопреки всему у меня появилась улыбка. В моей избранной головушке вспыхнула лампочка замечательной идеи (на самом деле, нет).

Меч Врага.

Он конечно не прилетел мне прямо в руки. Не валялся у моих ног. Но семь метров, отделяющих меня от заветного оружия, до которого нужно пробираться сквозь пыль, магические сгустки, внимание маньяка, и махающие живые шипы — разве это не знак свыше, что я должна вступить в бой?

Если нет, обсужу это с Атросом позже.

Я бросилась вперед, перекатилась, уворачиваясь от щупалец, подхватила меч и тут же им разрубила опасную тьму пополам. Это не уничтожило фата, но сократило его опасность в два раза.

Недоумения яркой эмоцией застыло на лице Геры. Небрежно он отшвырнул ногой отрубленное щупальце, расчищая тем самым путь.

— Мы уже это проходили, девочка. — Сказал он, встречаясь со мной взглядом глубоких карих глаз.

— Я требую реванша.

— 21 -

Сделав кошачий мягкий прыжок, я резко развернулась на месте — и оказалась лицом к лицу с Герой.

— Дробь.

Было что-то в этом коротком слове. Небольшое напоминание о том, что Незыблемый не стесняется использовать смертельную магию против слабых и беззащитных Избранных.

Короткий всплеск магии.

Я замешкалась совсем чуть-чуть. Именно это стало решающим моментом, когда лезвие меча замерло на полпути к горлу Геры. В руках мужчины материализовался двойник моего оружия. Им он отбил мой удар в последний момент.

— Клинок из тьмы, — фыркнула ему в лицо. — Как банально.

Тени стали ближе, а воздух в галереи — неприятно теплым от расплавленных каменных стен. Гера продолжал удерживать два фронта: физический и магический.

Позади Странник приходил в себя. Краем глаза я заметила, что он попытался встать, но раненная нога подвела. Он потянулся за лечебным заклинанием и потерпел фиаско. Второй попытки Гера ему не дал. В сторону Врага полетел град из огненных камней. Правая рука Тинхе метнулась вперед и в сторону, выставляя подобие энергетического щита.

— Уходи, Дробь. — Прокричал он.

«Куда, блин? Через окно, а после соскрести себя с асфальта?»

Враг больше не мог атаковать. Он держал оборону.

Я, тем временам, наседала на Геру. Мы обменивались ударами. Я держала ритм. Не знаю, откуда только силы взялись. Волшебная магия разозленной женщины?

Пара фальшивых выпадов. Уклонение. Удар. Удар. Еще удар. Почти тренировка с Клодом. Гера парировал, но все меньше и меньше атаковал в ответ. Мужчина хорошо управлялся с магией. Но управлять тьмой позади и успешно сдерживать меня, получалось плохо.

Я так думала.

Внезапно позади охнул Враг: жалящая конечность прошлась по его щеке. Магическая защита против этой фигни работала плохо. Я отвлеклась, пропустила выпад и едва не лишилась головы.

— Хорошо двигаешься в платье. — Похвалил Гера, оставаясь с непоколебимой ненавистью на лице.

Он-то чего злится? Меня тут убивают!

— Училась у лучших.

— У него? — Гера дернул головой.

Однажды мы с Тинхе сошлись в схватке на мечах. Кажется, я продержалась меньше секунды. Можно ли считать это обучением?

— В том числе.

А еще я понимала, что долго такой темп не выдержу. Меч Тинхе был тяжел. Все-таки нельзя хватать какую угодно железяку и уповать на удачу. Выносливости у меня поменьше, чем у сильного сверхъестественного существа с коллекцией мертвых богов за плечами.

В конце концов я извернулась, ушла под его замах и таки зарядила ногой мужику в пах. Если что, всем остальным я буду говорить, что это стратегический маневр. Никакой мстительности. Нет-нет. Мы — Избранные, благородные и почти святые.

Итак.

Врезала Гере и бросилась к дальней двери.

Не говорите, что это глупо. Мол, добивай пока можешь. Нет, дорогие. Во-первых, для смертельных ударов мое сердечко было не готово. Во-вторых, вряд ли бы это сработало. Он — Незыблемый. Я бы только время потратила, стараясь отправить его в нокуаут. Единственный вариант его остановить — добраться до глашатаев. Их присутствие точно урезонило бы разбушевавшегося лэйтарца.

Казалось бежала я быстро, Гера от боли простонал достаточно сильно, но когда до двери осталось совсем немного, меня догнал окрик Тинхе:

— В сторону!

Хороший совет. Замечательный. Только менять траекторию — не в моем положении, не на моей скорости! Я поступила единственным доступным мне образом — бросилась плашмя на пол, больно ударяясь любимым набором ребер.

Надо мной пронеслась какая-то магическая фигня.

Я взвизгнула, прикрывая голову руками.

Прекрасная трехметровая дверь из прочного дуба с обшивкой из кованного металла и вставками из драгоценных камней, разлетелась в щепки. На меня посыпался каскад из строительного хлама. Почему-то больше всего было жалко платье. Очередная шмотка от Тинхе — в мусорку! А других платьев (красивых!) мне в шкаф никто не подбрасывает.

Осталось совсем чуть-чуть! Последние двадцать метров. Меньше четырех секунд. Ну!

Отбросив рефлексию и собрав последние остатки упрямства, я вновь вскочила на ноги. Ребра протестующие заныли. К горлу подступила тошнота. Ой-е-ей.

Мраморные плиты задрожали под ногами, а над головой раздался протяженный треск — стон Цветущей Цитадели. Меня зашгормило так, будто я бежала по волнам. Пол раскачивался, а с потолка посыпалась штукатурка. Гера решил похоронить меня под грудой каменных плит и мрамором белоснежных колонн.

Пол перед глазами не плыви.

Стена перед глазами не плыви.

Коридор, прилегающий к залу совета, не плыви.

Гера — плыви от сюда куда подальше. Я бы даже сказала, гребни.

Буквально в нескольких сантиметрах от меня рухнула первая потолочная плита. Следом другая. Прямо на моих глазах прекрасное творение мастеров прошлых веков (тысячелетий?) рушилось под мощью и гневом неуравновешенного Незыблемого.

За шаг до финишной прямой я-таки запнулось об оторвавшийся край подола и всей массой своих косточек полетела в закрытые двери.

Победа!

В зал я ворвалась, падая на пол как в драматичных фильмах, где посланник вбегает со стрелой в спине, падает, и на издыхании шепчет предсмертные слова. Я издыхать на холодном полу не собиралась, поэтому пришлось падать аккуратно, группируясь, чтобы не отбить любимые мягкие места.

— Что происходит? — Это спросил лорд Орф, оказавшийся ко мне ближе всех.

С трона вскочила леди Астра. Леди Дана уже стояла рядом, стискивая кнут. Леди Солярис обмахивалась веером. Она посчитала выше своего достоинства реагировать на надоедливую чужачку.

Среди грохота рушащегося коридора отчетливо звучали приближающиеся шаги. Не успела я перевести дыхание и сказать хоть слово, как в дверях появился Гера.

— Она напала на меня.

От такой наглой лжи я не сразу сообразила, что говорить. Точнее, мое сознание не сразу сопоставило, как все выглядит со стороны.

— Нет! — воскликнула я.

Но у меня в руках был меч, а на плече у Геры сквозь порезанный рукав сочилась кровь.

— Я защищалась! — рефлекторно я дернула рукой.

Лорд Орф выставил магический щит. Астра отшатнулась. Гера остался непоколебим. Леди Опал щелкнула кнутом. Тонкий конец обмотался вокруг эфеса, шлепнул меня по тыльной стороне ладони и выдернул из руки.

Прижав ладонь к груди, я зашипела от боли. Вокруг стояли Глашатаи, кто с выражением недоверия на лице, кто со страхом, кто с отвращением. Я осторожно пошевелилась, поднимаясь на колени.

— Где Тинхе? — Аматри было дернулся помочь мне встать, но Гера его остановил.

— Она тяжело ранила Странника. Обманом завладела его оружием.

Поднялся шум голосов.

Аматри нерешительно заметил:

— В твоём стиле, не-лэй.

— Но я этого не делала!

- Ее специально подослали к нам. — Заключил кареглазый лэйтарец.

Аматри заглянул за спину Геры. Туда, где вместо коридора вздымались груды камней, бывшие когда-то колоннами, стенами и потолком. Вслед за ним то же сделали другие Глашатаи.

Они привыкли к спокойному миру Лэйтарии, к интригам между домами, к локальным проблемам, но внешний непонятный враг с неопределенной магией их пугал. В этом плане они не сильно отличались от обычных людей, что берутся за факел и вилы, столкнувшись с неизвестным. Они были готовы поверить во что угодно. Тем более, Гера свой, а я — нет.

— От нее нужно избавиться, пока не поздно. — Продолжал нагнетать мужчина.

Да меня же сейчас просто казнят!

Я попыталась подняться, но едва сделала первое движение, как темное лезвие клинка коснулось моего горла. Лорд Орф в последний момент перехватил руку Геры.

— Ты нанесла эту рану? — Спросил Глашатай дома Адаптации.

Я с трудом сглотнула комок в горле.

— Я, но...

— Ты первая нанесла удар?

— Технически...

— Странник ранен?

— Не мной!

Лезвие сильнее прижалось к коже. Пока Гера следил, чтобы не прозвучало ничего лишнего, я дотянулась до кармана.

— Не понимаю, — ахнула леди Астра.

Лорд Орф покачал головой.

— Не все чужаки поддаются адаптации. — Его голос подрагивал. — Некоторые априори опасны как для себя, так и для общества. С этим ничего нельзя поделать.

— Она не бешенное животное, — возразил Гера. — Это опасное, специально натренированное против нас оружие, созданное чужими богами. Откройте наконец глаза. Она здесь на случай. Ее прислали, чтобы пошатнуть Незыблемый Трон Первых, чтобы ослабить нашу волю и восстановить контроль над Золотой осью.

И тут звучал не только расчет, но и вера в собственные слова, приправленные обидой предательства.

— Нет, нет, — запричитала леди Астра. Ее бордовое платье, казалось собранное из лепестков роз, переливалось и колыхалось в такт каждому сказанному слову. — Что она

может против нас? Где лорд Баззил?

— Нужно собрать совет. — Подала тихий голосок Леди Опал. — Мы не можем принять решение просто так.

Обойдя леди, Аматри направился в разрушенный зал. Гера это заметил, но останавливать не стал.

Я нащупала в кармане одолженное кольцо. Рука дрожала.

Лишь бы подействовало! Лишь бы в очередной раз я не ошиблась.

— Она бомба замедленного действия, посланная богами. — Решительность Геры подавляла любые сомнения других Глашатаев. — Ее магия — то самое оружие. Мы не можем ждать! Дорога каждая секунда. Нас шестеро — больше половины совета, мы можем незамедлительно принять решение. Я исполню приговор. Леди Опал!

Молодая женщина дрожащим голосом произнесла:

— Это возможно, да. Мы должны предотвратить угрозу. Глашатай дома Снабжения дает согласие на уничтожение.

Она боялась меня с того самого момента, как увидела впервые.

Лорд Орф кивнул:

— Сомнений быть не может. Глашатай дома Адаптации дает согласие.

Кое-как сбитыми пальцами я нацепила кольцо на палец. Сжала.

Ничего.

Приговор зазвучал последовательными голосами. Там не могло быть снисхождения.

— Она опасна. Глашатай дома Изящества дает согласие.

— Она напала на одного из нас. Глашатай дома Порядка дает согласие.

Единственные голоса, что могли меня спасти и добавить немного здравомыслия отсутствовали в зале. Где-то затерялся лорд Баззил. Аматри ушел за Тинхе. Ему попросту не хватит времени пробраться через завалы. Тинхе не придет мне на помощь.

— Глашатай дома Архитектоники дает согласие.

Я подняла взгляд на Геру. Сейчас? Это произойдет сейчас?

Одну долгую секунду он смотрел мне в глаза. Я зашипела, когда он схватил одной рукой меня за волосы, запрокидывая голову назад. Клинок с шеи спустился к сердцу.

— Мне жаль, — сказал Гера одними губами.

— Мне — нет. — Ответила я.

Чертова вечность пролегла между нами.

— Секундочку! — воскликнула Леди Опал. — Дом Искусства не высказался.

Четыре пары глаз обратились к златовласой блондинке. Мы с Герой продолжали смотреть друг на друга. Лезвие упиралось мне между ребер. Я почему-то думала о затекших ногах.

Леди Солярис так и сидела на троне, с величием и невозмутимостью королевы. Она не участвовала в обсуждении. Не смотрела на меня и столпившихся Глашатаев. Ее взгляд блуждал по верхней террасе зала.

— Леди Солярис, мы вынуждены вас поторопить.

Женщина с трудом сфокусировала взгляд на лорде Орфе. Не знаю, могла ли она видеть его глаза сквозь дымчатые очки.

— Зачем? Кажется, слово моего дома не будет иметь значения.

— Не усложняйте все, леди Солярис. У нас нет на это времени. Мы должны поддержать дом Архитектоники.

— Вы разве не видите, что происходит?

— Если у вас есть претензии...

— У меня их нет. Я не понимаю, почему вы все так слепы.

— Леди Солярис, — вклинился Гера, едва сдерживая себя от рычания. — Если вы отказываетесь голосовать, мы примем решение без вас. Нас все еще большинство.

— Я в стране глухих и слепых. — Вздохнула она. — Скажи им чужачка. Скажи, что я вижу. Ведь ты заметила первой.

Ох, надо было видеть лицо Геры, когда я сказала:

— Свет горит.

— 22 -

Хорошо, сейчас все объясню.

Для этого вам надо принять кое-что на веру.

Я не глупая.

А теперь перенесемся во времени часов на восемь назад. До того, как я встретила Геру у Не-Парфенона и после того, как пришла на пляж.

Я не спать туда шла. И не загорать. Даже не купаться, о чем еще долго буду жалеть.

Я открывала портал. Расшаривала тот, через который мы с Герой пришли. Как уже выяснилось — Странник из него посредственный и весьма неумелый. Я тоже не самый лучший мастер настройки порталов, но, когда за дело вместе берутся Избранная и Незыблемый, кое-что может получиться. Например, вытягивание через ранее открываемый портал чуждого для закрытого мира лэйтарца.

Незыблемого.

Не Геру.

Еще раз. Я не глупая. У меня с памятью проблемы, а не с оценкой ситуации. Незыблемый, за которым я направилась в параллельный мир, был вовсе не Гера. К этому бы я на пушечный выстрел не подошла, но из-за чертовой потери памяти в голове все перемешалось. Найдя немного времени, чтобы поразмыслить, увидев через люэзор портал, что пытается раскрыться и сообразив, что же хочет сказать мне Малыш, я наконец все поняла.

Гера — Незыблемый дома Архитектоники. Но шла я за Незыблемые дома Исследователей.

За Первым Странником.

За тем, кто на самом деле собрал алтарь в Немерности и позвал Атроса. За тем, кого скрывал Гера.

Рыцарь из подворотни.

Виталий.

Я с самого начала подозревала, что здесь что-то не так. Ну не могла я отправиться на спасение Незыблемого, если бы увидела в белом зеркале Геру. Я шла за Виталием. Но кто мог подумать, что в закрытом мире окажется сразу два Незыблемых? Точно не я.

О чем речь?

Жил себе спокойно, путешествовал по мирам Странник. Первый Странник. Никто ему не мешал, все ему было в новинку. Однажды к нему на хвост упал другой Первый. Кто еще, кроме Незыблемого мог научить ходить между мирами другого Незыблемого? Ни к кому другому Гера за помощью не обратился бы.

Так себе из Геры получился ходок между мирами. Поэтому и путешествовали эти ребята вдвоем. Вдвоем и попали в закрытый мир, откуда уже выбраться не смогли. Пришлось искать способы выживать там. Странник был далек от экспериментов с магией. Гера развлекался во всю. Но когда в мире без магии начала формироваться Немерность, Виталий заподозрил неладное. Все-таки он любил исследовать неизведанные территории, а всякие процессы с присоединением миров и покорением Избранных в Лэйтирии появились позже.

Проще говоря, не оценил Виталий экспериментов над людьми. Знаю, сама в шоке, что не все лэйтирцы козлы.

Виталий вступился за мирок. Не учел лишь того, что в магии он не особо силен, а его друг не особо надежный товарищ. Гера принял в штыки предложение связаться с Атросом (ага, Незыблемые знали, что он жив) и в итоге завязалась стычка. Закончилась она относительно безобидно. Гера победил. Но убивать приятеля рука не поднялась. Вместо этого, он хитрым образом закрутил воспоминания Первого Странника и изгнал из Немерности.

Вот почему Виталий возвращался в Немерность. Вот откуда взялся алтарь. Кстати, именно благодаря ему, Атрос и смог отправить меня в закрытый мир. Но прежде туда попала девушка, в итоге ставшая мадам Медузой.

Все это рассказал мне Виталий, когда на пляже я раскрыла портал и помогла ему выбраться.

Прежде чем с подозрением относиться к очередному Незыблемому, я бросилась к этому идиоту на шею и крепко обняла. Все-таки я переживала за этого недоделанного рыцаря. Спасатель хренов, нервы мне своей жертвенностью все испортил!

— Я не помнил, — первое что сказал он, когда я отстранилась и вернулась к состоянию: «Подозреваю всех и вся». — И не сразу поверил в то, что вспомнил. Сначала решил, что это последствия долгого пребывания в Немерности. Не так просто внезапно осознать, что ты квазибессмертное, потенциально могущественное, полумифическое создание из другого мира.

Там на пляже он все и рассказал. Ко мне вернулась вера в собственные умственные способности. Когда закончил, я спросила:

— Как Марина? Она жива?

В длинном сером плаще, с блестящей лысиной и изможденным лицом, Виталий мало походил на классического лэйтирца с идеальной внешностью. Каким-то образом это вызывало во мне доверие. Плюс, он спасал меня раза три, а убить пытался только один.

— Не без божественного вмешательства. — Серьезно кивнул он. — Когда... Гера? Когда он ушел, все встало на свои места. Марина выбралась. Но, — он помолчал. — Ты отправила нас к алтарю Атроса и... — он опять помолчал. Вздыхнул. Продолжил: — Когда вы ушли, Немерность начала терять свои силы.

— А Медуза?

— Женщина с волосами-змеями? Медуза была Избранной, которая не смогла сделать то, что хотел Гера. В итоге он превратил ее вот в это. Она придет в чувства, если захочет.

Я рассказала свою ситуацию.

— Что тебя держит? Уходи. Вон арка, — указал он на Не-Парфенон. — Через нее можно уйти куда угодно.

— Нет. Я хочу решить вопрос с магией, статусом и советом.

Виталий ответил не сразу.

— Магия — не мой профиль.

Я попыталась пояснить, чего хочу.

— Вот бы нашелся какой-то Незыблемый, что подстраховал бы меня, на случай, если что-то пойдет не так.

Виталий крепко задумался.

— Слово Незыблемого не закон.

— Нет, закон! — Возразила я.

— Рекомендация, — спокойно пояснил он. — Профессиональное мнение. Я могу выйти в оппозицию к другому Незыблемому. Но мои убеждения вдохновят только мой собственный дом.

Я осталась при мнении, что лэйтарцы так давно не видели своих кумиров, что им сойдет и Виталий.

Об этом мы и договорились. Он передал кольцо. То самое, которое уже давал раньше. Красивое, старое, с зеленым камнем. Предупредил, что не стоит ждать от Геры чего-то хорошего, но и бояться его не стоит (за пределами Золотой оси). Магия путешествия между мирами принадлежит дому Исследователей. Только обладающие талантом и упорством способны успешно перемещаться. И поистине фантастическим гением, чтобы добраться до какого-то конкретного человека.

Я сунула кольцо в карман платья.

Да, еще одна вещь обо мне. Вся эта избранность пробудила во мне некую склонность к театральности и дешевым эффектам. Тогда я не знала, как поступит Гера. Но хотела посмотреть, что он будет делать, понять истинные мотивы Врага, и выяснить, что вообще представляет из себя совет Лэйтарии. .К.н.и.г.о.е.д...н.е.т.

Мне нужна была правда.

— А ты... Лэйтарцы умеют любить? — Выпалила я.

Виталий вскинул брови. Прежде чем он перешел к неловкому ответу, я поспешила пояснить:

— Золотая магия и неспособность любить как-то связаны между собой? Просто не понимаю...

— Не знаю. — Прервал меня Виталий. Кажется, эта тема его немного смутила. — Эти вопросы для дома Непознанного.

На этом разговор закончился. Виталий напомнил, чтобы я никому о нем не рассказывала. Поблагодарил за помощь, чем вызвал мое искреннее удивление.

Я поплелась запечатывать портал. Предстояла сложная работа.

— Кстати, — окликнул меня лысый рыцарь, не успевший уйти далеко. — Ты не в курсе, где мой меч?

На верхней террасе, отведенной для Незыблемых, горел свет.

Первый Странник взял слово.

— 23 -

Глашатаи взирали на темную фигуру, возвышающуюся в свете ложа. Громоподобный голос Незыблемого несся по залу звучанием, превосходящим лучшие разработки кинотеатров. Казалось весь свет сосредоточился на террасе. Лэйтарцы замерли безликими полутенями. Даже я прониклась от такого 7-D эффекта, приоткрыв рот и не спеша

подниматься с колен.

Потом опомнилась.

— Отпусти, — потребовала я.

Глашатаи слушали Незыблемого, позабыв обо мне. Все, кроме Геры, которого подобным представлением не удивить. Он все еще держал меня за волосы, прижав к горлу клинок. И что-то очень жуткое было в его карих глазах.

— Отпусти, — повторила я.

Теневой клинок испарился. Мужчина ухватил меня за запястье и вздернул на ноги. Я протестующе зашипела, когда он притянул меня к себе.

— Это ничего не меняет, — прошептал он у самого уха. Меня бросило в дрожь, когда он прижался, втягивая запах моих волос. Клянусь, с этим мужиком что-то не так. Мои волосы крашенные. Естественного в них только отросшие корни. Еще они все в пыли, в крови и в золотистых блестках. Вот что ты к ним прикопался? — Ты оттягиваешь неизбежное.

Ага, вот поэтому сваливаю прямо сейчас из Лэйтирии.

- Учись проигрывать, — прошипела в ответ, выдергивая руку и отпихивая Геру подальше. — Это тебе пригодится, если соберешься задумать против меня еще какую-то гадость.

Наш диалог терялся в шуме громоподобных речей Первого.

— Странник не сможет долго тебя защищать. — Гера сверлил меня взглядом. Не знаю, о каком именно Страннике речь шла. — Я верну тебя.

— Адекватность себе верни.

На показ я вытерла шею ладонью там, где Гера только что ко мне прикасался. Развернулась. Приподняла подол платья и засемила к выходу.

Психотичный мужик не посмел преследовать меня. Из ложи вещал Незыблемый. Пока Гера отыгрывал роль обычного лэйтиарца, в его обязанности входило внимать каждому слову Первого.

Виталий закончит монолог и у Геры развяжутся руки. Никто не помешает ему выйти, принять другую личину и самому представиться Незыблемым. А вот что может ему помешать мне навредить — это портал. Не по силам Первому дома Архитектоники открыть проход в Центр. Может на землю оси мне теперь путь закрыт (о нет, как же так, как же я это переживу?), но за ее пределами мне не о чем волноваться. Точно не со стороны Геры.

Мой уход остался незамеченным. Какое всем дело до чужачки, когда перед их взором собственной персоной стоит Незыблемый? Таких как он сотню лет не видели, а таких как я в каждой лавке по два десятка.

В коридоре будто прошел ураган. В развалинах с трудом угадывались остатки изящных колонн и резных барельефов. Меня немного передернуло, когда я представила, что могла не успеть выбраться оттуда. Мокрого места не осталось бы!

У меня отнимались руки, отнимались ноги, каждое движение отзывалось болью, пока я пробиралась через каменные перегородки и разломанные плиты. Прекрасное платье окончательно превратилось в пыльный мешок. Пальцы соскальзывали, то сдирая кожу, то напарываясь на острые фрагменты. Я продолжала двигаться.

Взбираясь на очередную горку из расколотого мрамора и цветного камня, я услышала знакомые голоса.

— Можно обезболить.

— Нет. Не смогу чувствовать ногу.

— Зачем ее чувствовать?

Я выглянула из-за разлома.

Тинхе облокотился о стену, держась за какой-то выступ. Его лицо ничего не выражало, но мышцы челюсти были напряжены. Скрывает, что чувствует боль? Мужская фишка. Вот у меня был целый план по демонстрации того, как мне плохо и больно. Но не здесь и не сейчас, а когда доберусь до Центра. Вот там разыграется драма в трех актах со всем набором страданий.

Аматри сидел рядом, колдуя над раненой ногой союзника (приятеля, коллеги-Странника?).

— Нет же сказал.

— Все равно потребуется время на заживление. Кровь остановилась, но боль никуда не денется, пока заклинание не рассосется. Если наложить онемение...

— Нет.

Вот не ожидала, что Аматри станет уговаривать Тинхе будто маленького.

Лучше бы мне предложил обезбол.

— Все равно не пролезешь. А магией я разгрести это не буду.

— Подвинь немного правый край и... Дробь?

О, я спалилась.

Аматри тут же вскочил на ноги. Тинхе подобрался.

Я перебралась через гребень завала и, будто по горке скатилась вниз, по пути пересчитав позвоночником все острые углы.

Конечно, Дробь, давай, доламывай все, что не доломала! Нам же шестнадцать лет, все затянется как на собаке. А рожать вообще не надо. Так к чему забота о своих конечностях? Больная поясница — это не про нас. Самая умная, блин.

Аматри проследил за моими движениями. После того как я твердо встала на ноги, он посмотрел на меня, потом за мою спину, вглубь завалов. Непонятное воодушевление загорелось в светлых глазах.

— Ты всех убила? — спросил он.

Я вытаращила на него глаза, не зная что ответить.

— Сходи, проверь. — Оставаясь невозмутимым предложил Тинхе.

Аматри понравилась идея. Видимо, он мало смотрел фильмы ужасов, оттого не понимал, что в случае, когда среди вас есть опасный маньяк, разделяться нельзя ни в коем случае. Белобрысый лэйтарец закатал рукава. С непонятным азартом полез по каменным развалинам.

Может в детстве не наигрался. Может родители мало внимания уделяли. Может в Лэйтирии настолько скучно живет. Может надеялся никого из нас не застать по возвращению. Не знаю. Сложный парень.

Мы осталась с Врагом один на один.

Вот этот момент я не совсем продумала.

— Ты цела? — спросил он.

— Какая-то часть меня точно цела. Еще не знаю, какая. — Отшутилась я, прежде чем перейти к сложному разговору.

— Что произошло?

— Внезапно появился Незыблемый. Отчего-то он решил, что нельзя притаскивать в Золотую ось любую понравившуюся девушку и пытаться навязать ей статус. Вне

зависимости, какая у нее магия. Свобода воли, все такое.

Вот была бы я из присоединенного мира — это одно, а так...

Тинхе ошарашенно моргнул, а потом на его лицо вползла ухмылка.

— Нет, ты не могла так поступить. — Тихонько посмеиваясь, он провел пальцами от висков к центру лба. — Незыблемый. А я все гадал, куда и зачем ты пропала. Кто еще кроме забытого бога мог знать о том, как выглядит Незыблемый и где его искать, — Тинхе никогда не называл имя Атроса на территории Лэйтарики. И соображал он чертовски быстро. Быстрее, чем я. — Кто-то был за пределами Золотой оси. Кто-то, кто нуждался в помощи. И ты предложила нечто такое, что оказалось вне досягаемости Незыблемого. Взамен попросила то, что находится вне твоей досягаемости.

Потом он замолчал, и во время этого молчания у меня разочек сердечко попыталось скрыться в пятках. И Виталий, и Гера предупреждали об опасности разглашения их личностей.

— Если бы не Незыблемый, моя кровь бы уже пачкала священный зал лэйтарского совета. — Переменила я тему.

— У Солярис были указания на случай, если что-то пойдет не так.

Интересно, что за такие указания, при которых леди осталась невозмутимой, когда к моему горлу приставили лезвие.

— Я уйду, Тинхе. — Тихо сказала я. — Тебе меня не остановить.

— Уходи. Ты еще не готова к этому миру. Или мир к тебе.

— Так просто меня отпустишь?

Я почти смогла скрыть разочарование.

— Моя очаровательная Дробь, я прекрасно понимаю, что тебе нужен небольшой перерыв перед свиданием.

— Что?

— Свидание, Дробь. Ты сказала, что хочешь пойти на свидание со мной.

Вот мы стоим в разрушенном коридоре, с проломанным потолком, сквозь который проглядывают тонкие колонны, поддерживающие своды с золотистой росписью. Пыль в воздухе переливается в свете цветных планетарных колец. У Тинхе перетянута ремнем бедро, нижняя часть ноги вся в крови. Идеальная прическа подпорчена. Обеспокоенные глаза — два горящих обсидиана. Я в разорванном платье с двумя незапланированными разрезами до бедра и с оторванными рюшечками на рукавах. Кое-как стоящая на своих двоих. Растрепанная волосы липнут к шее и лезут на глаза. Мой идеологический Враг, что пятнадцать минут назад силой, хитростью и обманом заманил меня в ловушку и собирался взять в плен, зовет меня на свидание. На которое я напросилась сама.

Как это произошло?

— Так и сказала? — я силилась вспомнить, когда такое ляпнула.

— Да.

— Если я откажусь, мне опять ждать чего-то подобного?

— Разве ты хочешь отказаться?

Вот она пропасть, отделяющая Врага от других лэйтарцев, людей, мужчин и Геры (вот же скот!). Он какой-то особый вид, что не идет напролом, а осторожно подбирает ключик к раненной душе. Один не подошел — отбрасываем. Берем другой. И так до победного. Не в одну только красивую мордашку, накаченный пресс, скрывающийся под черным шмотом и будоражащую мрачную ауру влюбляются Избранные.

— Свидание с тобой — худшее решение в моей жизни. Худшее решение в жизни любой Избранной.

— Но ты согласишься. — Сказал он с непонятной уверенностью, которой было сложно противостоять.

Я должна была подобрать верный ответ. Этически правильный, согласованный со здравым смыслом, продуманный на сто шагов вперед. Но, видимо мозг отключился сразу после выхода из зала совета, а чувства (кто вообще придумал, что им нужно доверять?!) твердили, что лучшего решения не найти. И нашим, и вашим. Враг будет отвлечен мной, получив желаемое его пыл немного поутихнет, а я... я достойна одного прекрасного вечера, где мужчина дарит мне цветы, говорит комплементы, угощает ужином и ведет меня смотреть на звезды.

— Почему бы и нет? Я свободный человек.

В самом деле, как много нынче значит свидание?

Ни один мускул не дрогнул на лице Врага, но с него будто разом спало напряжение. Наверное, он сам не знал, чего от себя ожидать, если я откажусь. Или, наоборот, что делать, если я соглашусь.

— Сможешь сама добраться до Центра?

Я кивнула.

— Я, пожалуй, подожду здесь, на случай если кто-то попробует помешать тебе спокойно вернуться домой.

Дом. Центр.

Я не знала, что на это сказать. Вся гениальность потратилась на Геру, совет и Незыблемого.

Ой!

— Чуть не забыла, — стянула с пальца кольцо и протянула Тинхе. — Положи это куда-нибудь, где бывают Незыблемые.

Мужчина поймал мою ладонь и поднес к губам.

— Моя очаровательная Дробь, — произнес он, не отрывая от меня взгляда.

В этот раз я не застыла соляным столбом. А вот мозг, что только-только вернулся на место, вновь отключился. Все, связь потеряна. Аня вне зоны доступа. Проверьте соединение, Дробь не найдена.

Все как в тумане.

Не помню, как дошла до парковки с пегасами. Не помню, как управляла колесницей. Не помню, как загорелось второе планетарное кольцо.

Помню, как увидела себя в зеркале Центра. На моем лице сияла дурацкая улыбка.

Эпилог

Послышался шорох.

Нехотя я открыла глаза.

Надо мной склонилась молодая женщина. Очень знакомая молодая женщина, облаченная в стандартную форму Избранной. Желтый значок с цифрой один ярко выделялся на кофейном фартуке.

— Марина?

— Привет, Анют.

Я провела ладонью по неживой траве. Повертела головой. Пустое голубое небо, поляна, тянущаяся до самого горизонта. Тишина безлюдного мира.

Центр.

— Что происходит? — жалобно спросила я.

Или я на Земле и меня очень страшно глючит, или я в Центре и меня очень страшно глючит.

— Это очень сложно объяснить, Анют. Ты читала когда-нибудь фэнтези?

Я перекатилась со спины на грудь и вскочила на ноги.

Читала ли я фэнтези? Я в нем живу.

— Нет, Марин, погоди. Что ты здесь делаешь? Ты была в Немерности. Тебя похитила тень. Пришел рыцарь.

Моя коллега по работе только и сделала, что вздернула бровь.

— Бедненькая моя Анюточка, нельзя же столько пить. Знаешь же, что алкоголь плохо влияет на кожу и клетки головного мозга.

Я быстро оглядела себя. Форма при мне. Порезы пропали, но ребра все еще болят. Я была в своей комнате, а потом спустилась сюда. Повалиться на травке и подремать.

— Мы были в рестопабе, — медленно проговорила я. Ой, как же плохо до меня все доходит.

— И это не повод нажираться до чертиков, тащиться в темную подворотню и приставать к мужикам.

— А?

— Тебя убили. Но за секунду как душа покинула тело, ее переместили сюда. Теперь у тебя появился второй шанс.

— Меня в подворотне зарезал маньяк?

Секунду.

Я покрутилась на месте, выискивая трибуну с Клодом. В длинном плаще и с капюшоном он казался строгим и мрачным учителем, что извергает из себя исключительно мудрые и пафосные речи. Прямо сейчас коварная статуя едва сдерживалась от смеха. Давно этой заразе коррозионной личико не реставрировали.

Вот некоторым просто не идет находиться в здоровых и счастливых отношениях. Лучше продолжал бы себе тихонечко, но мужественно страдать.

— Хорошо, — сказала я, заметив еще одну новую личность. — Новый набор. Чудно. А это кто?

Чуть дальше на склоне холма сидел Лёша. Он что-то объяснял девушке-подростку, которая очень эмоционально жестикулировала руками, явно чем-то недовольная. Как же я ее понимала.

— Моя дочка. — Неохотой призналась Марина. — Пробуем восстановить отношения.

— Теперь сюда и с детьми пускают! — восхитилась я. Мало того, что мне работу на дом притащили, так еще и всей семьей завалились. — Не-а, я пошла.

В эту историю я точно не хотела вляпываться.

— Здесь некуда идти, Анют! — заволновалась Марина. Кажется, она не была готова остаться без поддержки.

— Найду в пещере блестящую яму и брошусь в нее! — Продолжала возмущаться я.

Атрос притащил Марину! Я хотела, чтобы она спаслась. Хотела, чтобы чудесным образом ее тело соединилось обратно с душой, и она покинула Немерность. Но это слегка

перебор, разве нет?

Яма нашлась на том же месте, что и всегда. Кто бы сомневался.

Яма не согласилась со всеми претензиями. Ну естественно!

Яма поинтересовалась, почему, если я так сильно хочу научиться владеть магией, не отправлюсь в какую-нибудь академию? Очень умно, Атрос! А то я сама не догадалась.

Яма спросила про мои дальнейшие планы. Я не ответила.

Настоящие Избранные не распространяются о тайных свиданиях со своими Врагами.

Больше книг на сайте - Knigoed.net